

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Лямзина Светлана Алексеевна

**МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА
ПАЦИЕНТОВ С АФАЗИЕЙ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ)**

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Колмогорова Анастасия Владимировна,
доктор филологических наук, профессор

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА В НОРМЕ И ПРИ РЕЧЕВОЙ ПАТОЛОГИИ В ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ.....	11
1.1. Методология речевого портретирования в лингвоперсонологии	11
1.2. Понятие языковой биографии в лингвистике	21
1.3. Понятие внутреннего (ментального) лексикона в нейро- и психолингвистике	34
1.4. Нарушения речи при афазии: причины, особенности.....	40
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	52
ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА В НОРМЕ И ПРИ РЕЧЕВОЙ ПАТОЛОГИИ	55
2.1. Анкетирование и структурированное интервьюирование как методы сбора материала.....	56
2.2. Результаты анкетирования.....	61
2.3. Результаты интервьюирования мужчин со средним специальным образованием и рабочей профессией.....	67
2.3.1. Особенности письменно-речевой рецепции и продукции представителей целевой группы	70
2.3.2. Горизонт прецедентности и профессиональная деятельность как элементы речевой биографии представителей целевой группы	78
2.3.3. Типичный вокабуляр представителей целевой группы	84

2.3.4. Упражнения на основе полученных данных для работы с пациентами с афазией (мужчинами со средним специальным образованием и рабочей профессией)	89
2.3.5. Валидация результатов применения упражнений для пациентов с афазией (мужчин со средним специальным образованием и рабочей профессией)	94
2.4. Результаты интервьюирования целевой группы женщин (средне-специальное образование, работницы сферы обслуживания)	97
2.4.1. Особенности письменно-речевой рецепции и продукции представительниц целевой группы	98
2.4.2. Горизонт прецедентности и профессиональное общение как элементы языковой биографии представительниц целевой группы.....	105
2.4.3. Типичный вокабуляр представительниц целевой группы	109
2.4.4. Смена языковой среды и коммуникативного регистра как факторы, способные влиять на языковую биографию	113
2.4.5. Упражнения на основе полученных данных для работы с пациентами с афазией (женщинами со средним специальным образованием, работницами сферы обслуживания)	116
2.4.6. Валидация результатов применения упражнений для пациентов с афазией (женщин со средним специальным образованием, работниц сферы обслуживания).....	122
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	138

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению особенностей организации ментального лексикона пациентов с нарушениями речи в зависимости от их языковой биографии и профессии.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточностью данных, имеющихся в психо- и нейролингвистике, о факторах, влияющих на организацию ментального лексикона носителя языка. С другой стороны, несмотря на разработанность различных аспектов теории языковой личности, последняя практически не рассматривается в сопряжении с другим феноменом – языковой биографией. Однако языковая личность меняется под влиянием факторов языковой биографии – при изменении языковой среды, смене ведущих языков и регистров языка. Внимание, которое уделяется в данной работе сопряжению феноменов языковой личности и языковой биографии, составляет один из аспектов актуальности, поскольку таким образом очерчивается новая, междисциплинарная, проблематика.

Кроме того, цели и задачи, поставленные в работе, позволяют применить понятия теоретической лингвистики и методики социо- и психолингвистических исследований в практике клинической работы по нейрореабилитации пациентов с афазией. Таким образом, проблематика и результаты исследования вносят определенный вклад в развитие клинической лингвистики, создавая прецедент трансдисциплинарности.

Новизна исследования заключается в том, что впервые на основе экспериментальной работы проверена гипотеза о влиянии языковой биографии личности на организацию ее ментального лексикона. Разработан и валидирован в клинической работе в рамках медицинского учреждения лингвистически фундированный метод моделирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией на основе работы со здоровыми носителями языка из той же целевой группы.

Объектом исследования в данной работе выступает ментальный

лексикон носителей языка без речевых патологий и пациентов из той же целевой группы с диагнозом «афазия».

Предметом исследования является метод моделирования организации ментального лексикона пациентов с системными нарушениями речи на основе анализа языковой биографии и коллективной языковой личности носителей языка из той же целевой группы, но без речевых патологий.

Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: если до афазического расстройства человек владел одним языком или несколькими, был погружен в конкретные речевые жанры и формы, читал тот или иной корпус текстов и был склонен к определенному типу устно- или письменно-речевой продукции, то после наступления дефекта в реабилитационной работе подобную индивидуальную языковую биографию необходимо принимать во внимание, так как она сформировала специфическую конфигурацию ментального лексикона пациента.

Теоретическая значимость: существенно дополнено понятие языковой биографии, описаны составляющие данного понятия (письменно-речевая рецепция и продукция, горизонт прецедентности, профессиональный речевой опыт, смена языковой среды и коммуникативного регистра), раскрыто влияние фактора языковой биографии на системные связи ментального лексикона языковой личности; разработан метод моделирования организации ментального лексикона пациентов с системными нарушениями речи на основе анализа языковой биографии и коллективной языковой личности носителей языка из той же целевой группы, но без речевых патологий.

Практическая ценность полученных результатов связана с тем, что они станут основой для разработки курса восстановительных упражнений, адаптированных к специфике языковой биографии пациентов с афазией, и будут применены в клинической практике.

Цель исследования: разработать и валидировать в экспериментальной работе метод моделирования ментального лексикона пациентов с системными нарушениями речи на основе анализа языковой биографии и коллективной

языковой личности носителей языка из той же целевой группы, но без речевых патологий.

Достижение цели работы обеспечивается решением следующих **задач**:

1) обобщить подходы к пониманию сущности таких понятий, как «языковая личность», «речевой портрет», «языковая биография», «ментальный лексикон» и «афазия»;

2) осуществить анализ статистических данных о пациентах центра нейрореабилитации Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный Сибирский научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства» и результатов анкетирования среди родственников пациентов с афазией с целью выяснения целевых групп пациентов и моделирования составляющих языковой биографии пациентов, которые могли бы оказывать влияние на организацию их ментального лексикона;

3) провести интервью с носителями языка без речевых патологий, попадающими в 2 целевые группы риска по афазии (мужчины, русские, жители Красноярского края, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, рабочая профессия, увлекающиеся охотой, рыбалкой, ремонтом автомашин и женщины, русские, жительницы Красноярского края, от 50 до 65 лет, монолингвы, среднее специальное образование, работают в сфере обслуживания, увлекаются рукоделием, садоводством) и сделать аудиозаписи их повседневной речевой продукции;

4) на материале, полученном в результате интервьюирования носителей языка без речевых патологий в двух целевых группах, описать составляющие языковой биографии (далее – ЯБ) представителей данных групп: специфику их письменно-речевой рецепции и продукции, доступный им горизонт текстовой прецедентности, особенности их профессионального речевого опыта, случаи смены языковой среды и коммуникативного регистра;

5) на данной основе подготовить упражнения для речевой терапии

пациентов с диагнозом «комплексная моторная афазия» тех же двух целевых групп, что и носители языка без патологий, с которыми проводилась работа по интервьюированию;

б) провести восстановительное обучение в экспериментальной и контрольной группах в рамках каждой целевой группы пациентов и статистически сравнить результаты успешности прохождения ими курса речевой терапии, проверив таким образом гипотезу о том, что ЯБ является важным фактором, определяющим организацию ментального лексикона носителя языка;

в) подготовить для внедрения в клиническую практику речевой терапии упражнения для пациентов с афазией из целевых групп в соответствии со специфическими характеристиками их ЯБ.

Материалом исследования послужили: 1) статистические данные о социологических характеристиках пациентов, прошедших реабилитацию в центре нейрореабилитации Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный Сибирский научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства» с 2014 по 2018 гг.; 18 анкет, заполненных родственниками пациентов, проходящих восстановительное лечение; 2) 12 часов аудиозаписей интервью с 40 здоровыми носителями русского языка, чья ЯБ, а также гендерные и возрастные характеристики схожи с биографиями и характеристиками целевых групп пациентов; 3) корпус скриптов интервью объемом 16695 слова, обработанный при помощи инструментария корпусного менеджера Sketch Engine; 4) данные речевого обследования 36 пациентов с диагнозом «комплексная моторная афазия», проведенного специалистами центра нейрореабилитации по шкале Вассермана, предназначенной для определения речевых расстройств у больных с локальным нарушением мозгового кровообращения.

В работе использовались следующие **методы**: метод структурированного интервью, метод анкетирования, метод корпусного анализа лексических единиц, описательный метод, метод контекстного анализа, тема-рематического

моделирования текстовой структуры, метод речевого портретирования, метод выявления и оценки речевых нарушений у больных с локальным нарушением мозгового кровообращения по Л.И. Вассерману, элементы качественно-количественного анализа данных, метод моделирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией на основе работы со здоровыми носителями языка из той же целевой группы.

Теоретико-методологической базой для исследования послужили работы ученых, посвященные языковой личности (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, В.В. Воробьев, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Г.А. Китайгородская, Л.П. Клобукова, В.В. Красных, С.Н. Плотникова, Ю.Е. Прохоров, Н.Н. Розанова, К.Ф. Седов, Л.Г. Саяхова), речевому портретированию (Ю.С. Алышева, О.Г. Алюнина, Е.В. Иванцова, Ю.Н. Караулов, С.В. Леорда, О.Н. Паршина, Т.П. Тарасенко, К.Ф. Седов), языковой биографии (О.А. Александров, И.А. Анашкина, М. Дебрени, В.В. Иванов, У. Лабов, М.С. Савинова, К.Ф. Седов, П.А. Сорокин, А. Khan, R. Lawson, D. Sharma, L. Sankaran), ментальному лексикону (М.Д. Васильева, Т.И. Доценко, А.А. Залевская, Н.О. Золотова, И.П. Кривко, Е.С. Кубрякова, И.Г. Овчинникова, Н.А. Слюсарь, Л.М. Терентий, Е.В. Ягунова, К.И. Forster, J.A. Morton, J.L. McClelland, D.E. Rumelhart), афазии (Л.С. Цветкова, А.Р. Лурия, В.В. Каширкина, Т.В. Ахутина, А.В. Астаева, Н.В. Епанешникова, Л.А. Араева, О.Л. Барбараш, М.Н. Образцова, С.Е. Семенов, О.В. Курушина, А.Е. Барулин, Е.А. Куракова, Х.Ш. Ансаров, Т.В. Кузьмина, Е.В. Симоненко, М.М. Щербакова, Т.Г. Визель, Д.Ш. Газизуллина, В.В. Штейнердт).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Моделирование ментального лексикона носителей языка без патологий на основе знаний о содержательных характеристиках их языковой биографии может служить одним из методов прогнозирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией из тех же социо-профессиональных групп.

2. Языковая биография представляет собой историю становления

языковой личности, в том числе историю изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни. Описание языковой биографии личности включает в себя такие характеристики, как горизонт текстовой прецедентности, случаи смены языковой среды, специфика письменноречевой рецепции и продукции, профессиональный речевой опыт и изменения коммуникативного регистра в течение жизни.

3. Под влиянием факторов языковой биографии формируются системные отношения единиц ментального лексикона языковой личности. В его ядре группируются слова, имеющие наиболее устойчивые связи как между собой, так и с периферийными единицами ментального лексикона в силу опосредующей функции ядерных единиц. Прочность такой связи обеспечивает ее относительную устойчивость даже в случае наступления системного расстройства речи – афазии.

4. Метод моделирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией на основе работы со здоровыми носителями языка состоит из нескольких этапов и включает в себя: анкетирование родственников пациентов с афазией и анализ медицинской статистики для описания социо-профессиональных характеристик целевых групп пациентов; формирование когорты информантов без речевых патологий, соответствующих по социо-профессиональным характеристикам целевым группам пациентов с афазией; их интервьюирование; обработку текстовых массивов интервью с помощью методов корпусной лингвистики; описание коллективной языковой биографии когорты здоровых носителей языка; моделирование ментального лексикона пациентов с афазией на основе полученных данных о языковой биографии лиц без патологии; разработку комплекса упражнений для речевой реабилитации данных групп пациентов.

5. В экспериментальной работе с 36 пациентами с диагнозом «комплексная моторная афазия средней степени тяжести» доказано, что применение данного метода в клинической практике речевой реабилитации

позволяет более эффективно оживлять чувство языка, активизируя связи между единицами ментального лексикона. Применение метода позволило улучшить показатели пациентов экспериментальной группы по итогам речевого обследования при выписке на 10-20%, в зависимости от когорты.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на следующих конференциях: Международная научная конференция «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, г. Красноярск, 23–24 апреля 2019 г.), X Международный конгресс по когнитивной лингвистике (УрГПУ, г. Екатеринбург, 17–19 сентября 2020 г.), II Международный форум языков и культур (СФУ, г. Красноярск, 27 – 30 мая 2021 г.), Международная научная конференция «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (НГЛ, г. Нижний Новгород, 2 – 4 июня 2021 г.), а также на методологических семинарах кафедры романских языков и прикладной лингвистики ИФиЯК СФУ.

По теме диссертации опубликовано 5 статей в рецензируемых изданиях из Перечня ВАК РФ, в том числе 1 в издании, индексируемом в международной базе данных Web of Science.

Достоверность выводов исследования подтверждается данными анкетирования 18 родственников пациентов, интервью с 40 здоровыми носителями русского языка, а также результатами речевого обследования 36 пациентов с диагнозом «комплексная моторная афазия», проведенного специалистами центра нейрореабилитации Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный Сибирский научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства».

Структура диссертационной работы: данная диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 198 наименований на русском и иностранных языках, в том числе список использованных словарей и источников иллюстративного материала. Общий объем текста составляет 158 страниц.

ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА В НОРМЕ И ПРИ РЕЧЕВОЙ ПАТОЛОГИИ В ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ

1.1. Методология речевого портретирования в лингвоперсонологии

1.1.1. Понятие языковой личности в лингвоперсонологии

XX век ознаменовался сменой научной парадигмы, в связи с чем в современной науке происходит активное развитие антропоцентрического направления, т. е. усиливается роль «человеческого фактора», что приводит к перемещению фокуса усилий исследователей с проблем описания языковой структуры в область, центром которой становится человек говорящий. В этот период происходит зарождение теории языковой личности, начинают изучаться вопросы ее языковой компетенции и механизмы ее речевой деятельности, а также вводится понятие речевого портрета личности.

В отечественной лингвистике первым разрабатывать теорию языковой личности начал В.В. Виноградов, его внимание было сосредоточено на исследовании личностей автора и персонажа литературного произведения посредством анализа языковых средств художественного текста [Виноградов, 1959].

В книге «О языке художественной литературы» В.В. Виноградов развивал два понятия: «образ автора» и «художественный образ», разработка которых привела его к вопросу о соотношении данных понятий с «языковой личностью» в произведении. Так, одним из первых в отечественной лингвистике он формулирует понятие «языковая личность» и делает особый акцент на его системообразующем характере, включающем в себя индивидуальные и коллективные параметры. В качестве ракурсов изучения языковой личности В.В. Виноградовым предлагается личность автора и персонажа [Виноградов, 1959, с. 259–333].

Г.И. Богин отмечает, что «фактически В.В. Виноградов обобщил результаты очень значительной истории понятия «языковой личности», представленного до него в неявной форме» [Богин, 1984, с. 11].

Тем не менее, как пишет Е.В. Иванцова, «подобные работы нельзя в полной мере назвать раскрывающими тему «языковая личность», поскольку в работах по языку писателя рассматривается и описывается только один тип языковой личности – творческий, отличающийся от «рядового» личности многими особенностями» [Иванцова, 1997, с. 162].

В 1984 г. Г.И. Богин одним из первых дает определение языковой личности с позиции лингводидактики: языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1984, с. 3].

Наиболее подробно теория языковой личности разработана в трудах Ю.Н. Караулова. Исследователь дает более полное определение языковой личности, которое повлияло на широкое распространение данного понятия в отечественной лингвистике. Под языковой личностью Ю.Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989, с. 3].

В модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, языковая личность состоит из следующих уровней:

1. *Вербально-семантический уровень*, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя языковой личности – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2. *Когнитивный уровень*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в систематизированную языковую картину мира, которая отражает иерархию

ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и его анализ, охватывая интеллектуальную сферу личности, дает исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания;

3. *Прагматический уровень* включает в себя цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности языковой личности. Данный уровень обеспечивает при анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой действительности в мире [Караулов, 1987, с. 39–42].

Последующие исследования других лингвистов направлены на переосмысление и уточнение структуры, предложенной Ю.Н. Карауловым.

Так, развивая идеи Ю.Н. Караулова, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова предлагают рассматривать модель языковой личности как единство следующих уровней:

1. *Лексикон языковой личности* – уровень, который отражает владение человеком лексико-грамматическим фондом языка, т.е. необходимо проанализировать запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность;

2. *Тезаурус языковой личности* – языковая картина мира, которая при описании речевого портрета этого уровня отражается в использовании излюбленных разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, по которым мы узнаем личность;

3. *Прагматика языковой личности* – система коммуникативных ролей, мотивов, целей, интенций, которые руководят личностью в процессе коммуникации [Китайгородская, Розанова, 1995, с. 25].

Помимо данной модели, можно выделить еще одну модель исследования языковой личности, предложенную Л.П. Крысиным:

Анализ особенностей набора языковых единиц языковой личности: сюда входят фонетика (консонантизм, вокализм); лексика и словоупотребление (частотность слов, оценочные и модальные, просторечные, жаргонные, диалектные

слова и словосочетания); синтаксические особенности;

Рассмотрение особенностей речевого поведения языковой личности: формулы общения, прецедентные феномены, языковая игра [Крысин, 2001].

Необходимо отметить, что традиция исследования языковой личности в отечественной лингвистике основана на нескольких методологических подходах:

- 1) когнитивном (Н.Н. Болдырев, Н.А. Кобрина, Е.С. Кубрякова);
- 2) психолингвистическом (С.А. Сухих, В.П. Тимофеев, Л.С. Выготский, А.М. Леонтьев, Н.И. Жинкин, А.М. Шахнарович, и др.);
- 3) социолингвистическом (В.А. Аврорин, Т.В. Кочеткова);
- 4) лингвокультурологическом (В.А. Маслова, В.И. Карасик);
- 5) лингводидактическом (Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, Л.П. Клобукова).

Психолингвистический и социолингвистический подходы предоставляют возможность изучать речевое поведение языковой личности в той или иной коммуникативной ситуации, в общественном окружении. Так, например, в психолингвистике языковая личность рассматривается как человек с его способностью порождать и понимать высказывания [Седов, 2002].

С позиции лингвокогнитивного подхода языковая личность является лишь одной из ипостасей «человека говорящего» (наряду с «речевой личностью» и «коммуникативной личностью»). В связи с чем «...человек говорящий, рассматриваемый в первую очередь как языковая личность, является носителем определенных знаний и представлений» [Красных, 1998, с. 18].

В лингвокультурологическом аспекте «языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры» [Воробьев, 2011, с. 235].

Лингводидактический подход основан на представлении о языковой личности, которая формируется в процессе реализации ее деятельностно-коммуникативных потребностей, что находит применение в методике обучения

языку. Формирование именно такой языковой личности предусмотрено в современной образовательной среде в рамках предлагаемого методистами компетентностного подхода [Саяхова, 2009].

На сегодняшний день проблема языковой личности остается в наибольшей степени, исследованной в лингводидактическом и лингвокультурологическом подходах.

Следует отметить, что работа по определению и изучению особенностей и разновидностей языковой личности активно ведется последние тридцать лет. На данный момент учеными описаны многие типы языковых личностей:

- 1) этносемантическая личность [Воркачев, 2001];
- 2) элитарная языковая личность [Кочеткова, 1999; Сиротинина, 1995];
- 3) полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности [Нерознак, 1996];
- 4) языковая и речевая личность [Красных, 2001; Клобукова, 1995];
- 5) орфографическая языковая личность [Голев, 2004];
- 6) русская языковая личность [Караулов, 1987];
- 7) словарная языковая личность [Карасик, 2003].

Кроме того, рассматриваются речевые особенности конкретных носителей языка как языковых личностей, проводятся исследования диалектной языковой личности [Иванцова, 1997].

Помимо этого, в трудах современных лингвистов понятие языковой личности рассматривается в различных аспектах:

- 1) изучение языковой личности с точки зрения создаваемых и воспринимаемых ею текстов [Богин, 1984; Белянин, 1988; Седов, 1998];
- 2) языковая личность известных людей прошлого и настоящего [Вахтель, Голицына, Распопова, 2012; Горбунова, 2000; Кочеткова, 1999];
- 3) гендерные особенности языковой личности [Высочина, 1999; Еремеева, 1998; Меликян, 1999; Серебрякова, 1999];
- 4) национальная составляющая языковой личности [Караулов, 1987; Прохоров, 2002; Стернин, 1989];

- 5) изучение языковой личности в социолингвистическом аспекте [Крысин, 1989; Лазуренко, 2006; Паршина, 2005];
- 6) возрастные особенности языковой личности [Грищук, 1999; Полюкова, 1998];
- 7) исследования, посвященные проблемам изучения языковой личности различных социальных (в т. ч. профессиональных) групп: телевизионных ведущих [Беспамятнова, 1994], военнослужащих [Багрянская, 1994], врачей [Дедова, 1999] и др.

Необходимо отметить, что в последнее время в научной литературе наряду с понятием «языковая личность» встречается использование термина «коммуникативная личность». В зависимости от природы речевой коммуникации исследователи по-разному трактуют понятие «коммуникативная личность».

Согласно В.В. Красных, коммуникативная личность – «конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации» [Красных, 1998, с. 17].

В.И. Карасик определяет коммуникативную личность, как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, установок, а также поведенческих реакций [Карасик, 2002, с. 19].

Термин «коммуникативная личность» иногда употребляется исследователями как синоним термина «языковая личность», поэтому С.Н. Плотникова попыталась разграничить данные понятия.

Так, по мнению С.Н. Плотниковой, языковая личность – это человек, обладающий языковой способностью (владеющий языком и способный овладевать новыми языками) и сделавший язык пространством своего языкового существования [Плотникова, 2008].

Один человек может представлять собой разные языковые личности, в зависимости от количества языков, которыми владеет этот человек. Языковые личности в одном человеке не являются идентичными, так как каждая из них обладает разной коммуникативной компетенцией [Плотникова, 2008].

Коммуникативная личность представляет собой языковую личность, участвующую в процессе коммуникации, в реальном или виртуальном взаимодействии с другими людьми, т.е. коммуникативная личность – адресант или адресат [Плотникова, 2008].

Кроме того, рассматривая вопросы соотношения языка и речи, отечественные лингвисты выдвинули тезис о наличии феномена *речевой личности* [Карасик, 1994; Клобукова, 1997; Прохоров, 1997].

Так, Ю.Е. Прохоров соотносит понятия «языковая личность» и «речевая личность» следующим образом: «если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения» [Прохоров, 1997, с. 59].

В.В. Красных говорит о триаде понятий: *языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность*. Согласно исследователю, *языковая личность* – это личность, проявляющаяся в речевой деятельности и обладающая некой совокупностью знаний и представлений; *речевая личность* представляет собой личность, реализующуюся в коммуникации, выбирающую и осуществляющую ту или иную стратегию и тактику общения, а также репертуар лингвистических и экстралингвистических средств; *коммуникативной личностью* является конкретная личность, участник определенного коммуникативного акта [Красных, 2003].

Изучив историю становления в лингвистике понятия языковой личности, мы можем видеть, что не существует строгого разграничения понятий «языковая личность», «речевая личность» и «коммуникативная личность», поскольку языковая личность является многосторонней, и ее отдельные аспекты имеют языковое, речевое и коммуникативное проявление.

Кроме того, как отмечает О.А. Никитина качества индивидуальной языковой личности как продуцента дискурса проявляются главным образом в дискурсивных сообществах, которые характеризуются определенными дискурсивными традициями. В свою очередь, дискурсивное сообщество представляет собой коллективную языковую личность, т.е. совокупность

речемышлительного опыта множества индивидуальных языковых личностей, отображающуюся в языковой и концептуальной картине мира [Никитина, 2016].

Таким образом, языковую личность нельзя исключительно свести к индивиду, который обладает способностью строить высказывания на языке, поскольку для языковой личности важно не только уметь говорить на языке, но и знать, как говорят в данном дискурсивном сообществе [Караулов, 1987; Никитина, 2016].

Следовательно, невозможно изучение индивидуальной языковой личности без обращения к коллективной языковой личности.

Так, в фокусе нашего исследования находится языковая личность пациентов с афазией, рассматриваемая через призму коллективной языковой личности носителей языка без речевых патологий, но с идентичными социолингвистическими характеристиками.

1.1.2. Речевое портретирование как метод описания языковой личности

В современной лингвистике понятие «языковая личность» соотносится с понятием «речевой портрет». Вопросы об определении и соотношении этих понятий продолжают подниматься лингвистами в современных научных работах.

Само понятие «речевой портрет» не имеет универсального определения. В связи с чем в работах современных отечественных исследователей речевой портрет определяется по-разному.

Так, С.В. Леорда понимает речевой портрет как воплощенную в речи языковую личность определенной социальной общности [Леорда, 2006, с. 6].

Согласно Ю.С. Алышевой, речевой портрет – это набор определенных качеств языковой личности, формирующихся на базе ведущих коммуникативных свойств ее речи [Алышева, 2012, с. 8]. Данные качества представляют собой воплощение в речи психологических свойств говорящего и

демонстрируются определенным набором разноуровневых языковых средств при ведущей роли интонации [Алышева, 2012].

Т.П. Тарасенко определяет речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко, 2007, с. 8].

По мнению С.В. Мамаевой, речевой портрет – это характеристика речи отдельной (индивидуальной) или коллективной языковой личности, включающая в себя детальное описание речевых особенностей на всех уровнях реализации языковой компетенции с учетом специфики речевого поведения, особенностей личных (психологических) и профессиональных (социальных) параметров и т.п. [Мамаева, 2007].

О.Г. Алюнина отмечает, что «для наиболее полного и точного описания языковой личности (индивидуальной или коллективной) требуется, в первую очередь, реконструкция и анализ ее речевого портрета» [Алюнина, 2010, с. 106].

Согласно Ю.Н. Караулову, речевой портрет – «это реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов, 1987, с. 32].

Несмотря на различия данных определений, в них можно увидеть общие признаки, которые приписываются понятию «речевой портрет»: исследователи характеризуют речевой портрет, как воплощение языковой личности, т.е. языковая личность выступает как объект наблюдения, а ее речь – как материал исследования.

Это позволяет сделать вывод о том, что два этих понятия тесно взаимосвязаны и обуславливают друг друга.

Кроме того, говоря об особенностях метода речевого портретирования в лингвоперсонологии, следует отметить его широкую вариативность.

Так, Е.В. Иванцова выделяет следующие типы методологических подходов к речевому портретированию [Иванцова, 2008]:

1. **Социолингвистические** портреты, предполагающие ярусное описание языковой системы человека и его речевого поведения, где рассматриваются биографические сведения изучаемой языковой личности, индивидуальные особенности речи, выделяются черты, свойственные той или иной социальной группе;

2. **Лингво-исторический** портрет, который предполагает описание языковых личностей на культурно-историческом фоне;

3. **Коммуникативный** портрет, основой которого являются индивидуальные характеристики речевого поведения.

Помимо этого, О.Н. Паршина выделяет **риторический** тип портрета, результатом которого является описание речевого поведения личности в сочетании с оценкой ее языковых компетенций [Современный русский язык..., 2003].

В свою очередь, К.Ф. Седов говорит о **генезисном** типе портретирования. В данной методике выявляется связь между особенностями речи человека и причинами, которые определяют эти особенности. [Седов, 2007, с. 6–27].

Однако наиболее часто исследователи создают фрагментарные речевые портреты, которые предполагают выборочную характеристику наиболее ярких особенностей речи какой-либо языковой личности.

Таким образом, языковую личность как основной объект изучения лингвоперсонологии можно описать при помощи метода речевого портретирования, что, в свою очередь, позволит рассмотреть особенности языковой личности (ее речевого портрета).

Изучив труды по исследуемой теме, мы можем заключить, что языковая личность представляет собой сложное понятие, проявляющееся в языковом, речевом и коммуникативном планах. Воплощением и реализацией языковой личности является речевой портрет.

1.2. Понятие языковой биографии в лингвистике

В последнее время проявляется интерес к исследованиям в области языковых биографий. Термин «языковая биография» имеет дидактические «корни», поскольку в рамках европейского языкового портфеля она представляет собой документ, «...свидетельствующий о том, как, почему и где Вы изучали каждый язык из тех, которыми Вы владеете» [Языковая биография. Часть Европейского языкового портфеля]. Однако сегодня данное понятие развивается в контексте междисциплинарных исследований по миграционной лингвистике, затрагивающих вопросы языковых контактов и многоязычия» [Лямзина, Колмогорова, 2018].

Анализ различных научных лингвистических источников позволил выделить ряд существенных характеристик интересующего нас понятия [Александров, 2011; Бахтикиреева, 2016; Дебренин, 2014; Иванов, 2004; Седов, 2004].

Так, предпринимая попытки конструирования коллективной языковой биографии носителей немецкого говора, проживающих в с. Кожевниково Томской области, О.А. Александров определяет языковую биографию как модель, которая представляет «...в обозримой форме информацию о том, какие языки были распространены в родительском доме, в школе, в родном населённом пункте интервьюируемого респондента, как менялась его языковая компетенция в течение жизни вследствие социально-политических и исторических трансформаций, какие воспоминания, эмоции, представления связаны у него с языком, языками и их вариантами, как и какие языки используются им на современном этапе жизни» [Александров, 2011, с. 208].

Основным методом получения знаний о языковой биографии исследователь считает проведение нарративных интервью, которые представляют собой развернутые автобиографические повествования, центральной темой которых являются язык / языки, овладение ими и их использование [Александров, 2011].

Временные границы изучения языковой биографии, таким образом, охватывают период, начиная от развития новорожденного ребенка и до конца жизни человека. Согласно В. Иванову, в рамках языковой биографии необходимо изучать как разные языковые периоды жизни человека, оставившего словесные свидетельства, так и отдельные трагические повороты его языковой судьбы [Иванов, 2004, с. 124–127]. Так, например, великий поэт Ф. Гёльдерлин после расставания с любимой, которой поэт посвятил свои лучшие стихи, заболел паранойей. Поэт продолжал писать стихи, однако в них уже не использовал эгоцентрические слова, а себя называл различными именами (преимущественно итальянскими), избегая личного местоимения я [Иванов, 2004, с. 126].

М. Дебрэнн, описывая свой путь становления билингвальной личности – освоение русского языка на фоне изучения немецкого, английского, а также древних языков, и постепенное их вытеснение русским языком – приходит к выводу, что особенности языковой биографии необходимо учитывать при изучении дву- или многоязычия [Дебрэнн, 2014].

К примеру, наш респондент Сесиль С., приехавшая в Россию из Франции, так рассказывает о роли языков в своей жизни: родной язык – французский, используется для повседневной коммуникации и работы в университете; английский и немецкий (с 6 и 7 лет, соответственно) – для общения с друзьями за рубежом; испанский, выученный в 12-13 лет, не используется и поэтому практически забыт, а вот русский (с 16 лет), напротив, необходим не только для общения и работы, но и для ее магистерской диссертации, посвященной взаимоотношениям между Россией и Китаем. Работа над диссертацией обусловила интерес к китайскому языку, который респондентка начала учить в 20 лет. Сегодня, живя в России, субъективно Сесиль ранжирует языки следующим образом: французский, русский, китайский, английский, немецкий [Лямзина, Колмогорова, 2018].

Подобные случаи ярко демонстрируют глубокое взаимное проникновение языка и самого бытия человека, что, в свою очередь, дает возможность

говорить о языковой биографии как своеобразной онтологии языкового бытия или онтологии иноязыкового бытия (если речь идет о речемыслительной деятельности на языке иного этноса – о транслингвизме) [Бахтикиреева, 2016].

Так, в работе «Дискурс и личность» К.Ф. Седов, анализируя важнейшие факторы, влияющие на подобную онтологию языкового бытия, выделяет три из них как определяющие дальнейшее становление языковой личности: ранний социогенез, общение в семье и обучение в школе. Например, к шестилетнему возрасту ребенок накапливает опыт социального взаимодействия с окружающими его людьми, достаточный для того, чтобы сформировались такие признаки дискурсивного мышления, как:

- 1) доминантность / недоминантность,
- 2) мобильность / ригидность,
- 3) конфликтность / кооперативность и мн. др. [Седов, 2004].

К концу обучения в младшей школе ребенок овладевает основами письменной речи, которая оказывает влияние на характер становления его дискурсивного мышления. Прежде всего это касается двух сфер общения: кодифицированной и фамильярно-разговорной. Несмотря на то, что роль внешнего воздействия со стороны школы на характер становления языковой личности по сравнению с влиянием семейных речевых традиций резко возрастает, общение с родственниками остается важным фактором формирования дискурсивного мышления подростка. Именно семейные речевые традиции определяют разницу в эволюции стилевого и жанрового мышления языковой личности [Седов, 2004].

Углубление и совершенствование внутриречевых операций как предпосылка развития социолингвистической компетенции происходит в старшем подростковом возрасте. В результате чего, вербальные сети языкового сознания подростка укрепляются и расширяются, обретают жанрово-стилевой характер: в них закрепляется не только отражение отношений между предметами или явлениями, но и представления о стереотипных ситуациях социально значимых для взаимодействия людей. Кроме того, к этому возрасту в

повседневном устно-речевом общении отмечается резкое увеличение жанрово-стилевого репертуара речевого поведения [Седов, 2004].

Помимо этого, к старшему подростковому возрасту в сознании языковой личности закрепляется представление о литературных и нелитературных формах коммуникации, об официально-кодифицированной и разговорной бытовой речевых сферах [Седов, 2004].

Однако, как отмечает исследователь, к окончанию школы характеристики социолингвистической компетенции, уровень речевой культуры у разных носителей языка значительно отличаются. Данные отличия обусловлены своеобразием обучения, влиянием семейной коммуникации и т. д. Хотя при благоприятном характере развития языковой личности она способна приблизиться к уровню среднелитературной речевой культуры [Седов, 2004].

Так, например, в речи одного из наших респондентов Алексея Л., пятидесятичетырехлетнего крановщика, наблюдаются фонетические и грамматические погрешности: «Позво'нишь мне», «Ложь сюда», «Что хотишь огуры или помидоры?». Данные ошибки он объясняет тем, что так всегда говорили в его семье [Лямзина, Колмогорова, 2018].

Таким образом, в лингвистических исследованиях языковая биография рассматривается как персональная история взаимодействия человека с языком / языками на протяжении всей жизни – от эмбрионального развития до смерти. Это своеобразная языковая онтология отдельного человеческого существования, которое, тем не менее, имеет некие общие для всякого Homo Loquens важные точки: первый опыт социализации, характер общения в семье и обучение в школе. Важнейшим методом изучения языковой биографии является нарративное интервью, дополненное результатами наблюдений за речевым поведением личности и результатами экспериментальной работы с ней [Лямзина, Колмогорова, 2018].

В социолингвистике разработанное первоначально как теоретическое понятие «языковая биография» нашло свое практическое применение в качестве инструмента анализа и описания отдельной или коллективной

языковой личности. Так, согласно американскому лингвисту У. Лабову, для наиболее точного описания языковых явлений необходимо рассматривать их с учетом данных о поле, возрасте, уровне образования, профессии и социальной принадлежности информантов. Варианты, зависящие от социальных характеристик говорящих, он называл индикаторами: каждый вариант определяет социальное положение носителя языка [Лабов, 1975]. В свою очередь, Н.Д. Голев и Л.Г. Ким также отмечают, что «принципы системного устройства языка коррелируют с принципами ментально-психологического персонологического пространства» языковой личности [Голев, Ким, 2009, с. 13].

В связи с чем анализируются:

1) выбор лексических средств, грамматическое и фонетическое оформление речи разных социальных и этнических групп [Магомедова, Лабазанова, 2016; Edwards, 1986; Khan, 2009; Lawson, 2011; Sharma, Sankaran, 2011];

2) интонационное оформление речи как маркер социальной принадлежности говорящего [Муманова, 2014];

3) гендерные характеристики языковой личности [Кирилина, 2005; Aries, 1996; Arustamyan, 2014; Brownlow, Rosamon, Parker, 2003; Mulac, Bradac, Gibbons, 2001; Weatherall, 2002];

4) социальный статус говорящего и его фонетические корреляты [Бабушкина, 2012; Mugglestone, 2003];

5) просодические маркеры профессиональной принадлежности говорящего [Савинова, 2010].

Рассматривая особенности речевого поведения социальных групп, исследователи приходят к выводу о том, что принадлежность к определенному социальному классу детерминирует выбор языковых средств коммуниканта:

1) представители высшего класса в своей речи максимально приближены к стандартному языку – их речь правильно оформлена фонетически и

грамматически, на лексическом уровне изобилует книжными словами, заимствованиями, аллюзиями;

2) речь «рабочего класса» характеризуется обилием коллоквиальных слов, сленгизмов, просторечных выражений, встречаются вульгаризмы, отмечаются грамматические погрешности, например, смешение видовременных форм глагола, путаница в предлогах;

3) язык молодежных субкультур тесно связан с общим молодежным сленгом, воровским жаргоном, профессиональным арго, заимствует слова из этих языковых вариантов и поставляет новую лексику;

4) кроме того, темп речи рассматривается как один из социальных маркеров, поскольку он замедляется с увеличением возраста и статуса, говорящего [Бабушкина, 2012; Магомедова, Лабазанова, 2016; Khan, 2009; Lawson, 2011; Sharma, Sankaran, 2011].

В свою очередь, переход индивида из одной социальной страты в другую в силу возраста или эффектов «социального лифта» является также фактом его языковой биографии, поскольку сопровождается сменой речевых привычек и перенастройкой механизмов речевой деятельности [Лямзина, Колмогорова, 2018].

«Классическим» примером такого рода изменений, ставшим хрестоматийным для массовой культуры, может служить речевое поведение главной героини фильма «Красотка», девушки легкого поведения Вивиан. Находясь в привычной для нее обстановке, она активно использует сленгизмы, коллоквиальные слова, просторечные выражения и вульгаризмы (*Ого! Офигеть! Прикольный цвет! Только скажи, пожалуйста, зачем ты меня так расфуфырил?* и т. д) [Лямзина, Колмогорова, 2018, с. 224].

Однако, когда Вивиан оказывается вместе с бизнесменом Эдвардом среди людей высшего класса, она, стараясь соответствовать им, изменяет свои речевые привычки [Красотка, 1990]:

(2) (В ресторане на ужине с партнерами Эдварда)

Эдвард, обращаясь к партнерам: Что ж, рад познакомиться с вами. Это моя подруга Вивиан Уорд.

Вивиан: Я очень рада познакомиться с вами! Простите.

Эдвард: Куда ты идёшь?

Вивиан: Я иду в дамскую комнату.

Эдвард: Наверх и направо.

Вивиан: Хорошо. Извините.

Эдвард: Заказать за тебя?

Вивиан: Ага... Да, будь любезен! Спасибо!

Речь Вивиан становится приближенной к стандартному языку, правильно оформленной на грамматическом и лексическом уровнях.

Кроме того, согласно ученым, существует ряд особенностей мужского и женского речевого поведения:

- в мужской речи отмечается стремление к точности и эксплицитности оценочной номинации;

- в то время как женщины часто прибегают к использованию сложных речевых оборотов и образно-метафорических средств с высокой концентрацией эмоционально-оценочной лексики;

- отмечаются фонологические различия в мужской и женской речи. Обычно произношение лучше у женщин, чем у мужчин;

- женщины предпочитают высокий тон голоса при разговоре, что объясняется их робостью и эмоциональной неустойчивостью;

- к типичным чертам женской речи относится гиперболизированная экспрессивность;

- в мужской речи отмечается тенденция к использованию экспрессивно-сниженных средств, намеренное огрубление речи;

- женщины, употребляя подобную лексику, стремятся обозначить свою выделенность в речи и поведении;

- женщины активно используют уменьшительно-ласкательные формы существительных, имеющие значение «маленький», например,

«книжечка», «платочек», «цветочек» и прилагательные, которые выражают чувства, такие как «дорогой», «милый», «любимый»;

– по сравнению с мужчинами женщины чаще используют вопросительные предложения;

– мужчины в большей мере склонны к использованию нестандартного языка, женщины стремятся к поддержанию стандарта;

– сниженная речь является показателем мужественности; если женщина использует в речи инвективные выражения, то это свидетельствует о ее желании ассимилироваться в мужской группе и завоевать статус;

– женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации; у мужчин границы между тематическими фрагментами прослеживаются четче;

– в качестве тем разговора мужчины выбирают политику, экономику, спорт, текущие новости, т.е. внешний мир и экономическую деятельность. В то время как женщины предпочитают обсуждать семейные дела: отношения, здоровье, образование детей, одежду, кулинарию, моду, т.е. дом и домашние дела;

– для мужчин характерен авторитарный дискурс, женщинам чаще удается установить вербальный контакт, найти правильный тон в общении с партнером, избежать возможной конфликтной ситуации;

– женщины предпочитают использовать местоимение «мы», когда что-то предлагают, в то время как мужчины склонны использовать местоимение «я»;

– в отличие от мужчин, во время разговора женщины принимают во внимание то, что думают другие, и не навязывают свое мнение другим;

– также в исследованиях было доказано, что чем больше различий в образовательных возможностях у мальчиков и девочек, тем больше отличий между мужской и женской речью [Кирилина, 2005; Brownlow, Rosamon, Parker, 2003; Lenard, 2016].

Однако если мужчина в большей степени общается с женщинами (например, работает в женском коллективе), то в его речи «маскулинные» черты могут постепенно стираться под воздействием повторяющейся специфики «феминной» речи, и наоборот – если женщина работает в мужском коллективе, то она может постепенно утратить характеристики «женской речи» [Лямзина, Колмогорова, 2018].

Данную особенность часто иллюстрируют сюжеты продуктов массовой культуры, стремящиеся представить речь как можно ближе к реальным ситуациям. Например, в российском детективном фильме «Взгляд из прошлого» главная героиня – молодой следователь Марта Романова переходит работать в новый следственный отдел. Ее коллегами становятся мужчины, которые считают, что в полиции нет места девушкам, по этой причине между ними периодически возникают конфликты [Взгляд из прошлого, 2015]:

*(3) Марта: Здравсти! А я вас в отделе жду. Хорошо сержант подсказал.
Андрей: Но это он зря сделал.*

Петр: Идите, деточка... Не видите, взрослые дяденьки с мертвяками разбираются!

Марта: Еще раз вы назовете меня деточкой...

Петр: И что будет?

Марта: Будут неприятности!

(4) Петр: Марта, подожди! Я не могу... Я когда тебя вижу, у меня все переворачивается...

Марта: Что за глупости?!

Петр: Это не глупости! Это порыв души! Марта, сегодня вечером после работы приглашаю тебя в одно славное местечко. Тебе понравится!

Марта: После работы я иду домой!

Петр: Марта, ну, ты че? Только ты и я... Ты же понимаешь, я умру, если ты откажешь.

Марта: (Заламывает руку Петру) Я вам не лапочка, я тебе не цыпочка, оперуполномоченный Лебедин! Я – лейтенант полиции, Романова Марта Евгеньевна! Ты понял?! (Еще сильнее сжимает руку Петра) Я не доходчиво объясняю?!

Петр: Понял-понял!

Марта: И смотри руки не распускай, а то пойдешь по 133-ей!

Таким образом, чтобы ассимилироваться в мужском коллективе и завоевать статус, Марте приходится изменить характер своей речи: она начинает использовать намеренное ее огрубление, нестандартный язык, а также авторитарный дискурс, т. е. утрачивает характеристики «женской речи».

В качестве еще одного примера можно привести другой сериал – «Теща – командир», где одним из героев является молодой парикмахер Алекс, работающий в женском коллективе, в салоне красоты [Теща-командир, 2017]:

(5) Алекс (администратору в салоне красоты): Ой! Классные ботильоны, и шарфик тебе очень идет! Всегда носи этот цвет! Слышишь?

(Клиентке) Екатерина Васильевна, здравствуйте! Вы как всегда очаровательны!

Е. В.: Здравствуйте, Алекс!

Администратор: Ну, что я пошла? Краску я тебе заказала.

Алекс: Ты, просто, прелесть!

Администратор: Спасибо! До свидания!

Е. В.: До свидания! (Алексу) Я смотрю, вы увольняться передумали.

Алекс: Знаете, да. Столкнулся с ней на одной тусовочке, оказалась, просто, душкой. Мы, теперь с ней, просто, лучшие друзья!

Е. В.: Ага. Слушайте, у меня одна подруга с водителем встречается...

Алекс: Водитель?! Персональный водитель – это почти как личный телохранитель! Как в этом фильме с Кевином Костнером, помните?

Е. В.: Не очень.

Алекс: Ну, как?! Он там с Уитни Хьюстон. Жалко ее – бедняжку, но он – то какой там! Сначала он – серая мышь, но потом так раскрывается, да?! И вот эта сцена с вуалью, с саблей. Помните?

Е. В.: Нет.

Алекс: Ну, как?! У него сабля, шарфик, и так очень сексуально!

Работая в женском коллективе, Алекс постепенно утрачивает «маскулинные» речевые черты под воздействием повторяющейся специфики «феминной» речи: использует эмоционально-оценочную лексику (*прелесть, душка, бедняжка, серая мышь, сексуально*), большое количество восклицаний, уменьшительно-ласкательные формы существительных (*шарфик, тусовочка*), местоимение *мы* и легко переключается с темы на тему, что характерно для «женской» речи [Лямзина, Колмогорова, 2018].

Подобные факты мы также считаем необходимым рассматривать в качестве элементов языковой биографии человека.

Кроме того, согласно исследованиям, значительное влияние на речь человека оказывает его профессия.

Так, П.А. Сорокин отмечает, что «по речи человека почти каждый внимательный наблюдатель легко определит: представителем “мускульной” профессии или “интеллектуальной” является он, “интеллигентен” он или нет». «Терминология же человека, – добавляет социолог, – в течение довольно недлинного разговора “выдает с головой” его профессию» [Сорокин, 1994, с. 339]. Профессиональной «деформации» подвержены и просодические характеристики речи: особенности паузации, диапазон голоса, мелодический рисунок и др. [Савинова, 2010].

Степень влияния профессиональной деятельности зависит от степени вовлеченности профессионала в речевое общение. Так, И.А. Анашкина говорит о существовании «профессий с повышенной речевой ответственностью»: например, учителя, преподаватели, ораторы-профессионалы и многие другие,

использующие голос в качестве своего основного «орудия производства» [Анашкина, 1998].

В качестве примера подобной профессии можно привести политиков. Так, их речь характеризуется следующими просодическими особенностями [Корнелаева, 2014, с. 139]:

- доминирование кратких и сверхкратких пауз;
- отсутствие значительных колебаний ширины тонального диапазона;
- маркирование положения ядерного тона;
- использование резких финальных нисходящих тонов.

Благодаря данным просодическим характеристикам возникает эффект «нагнетания», речь звучит убедительно и категорично [Корнелаева, 2014].

Таким образом, к просодическим особенностям, характеризующим информантов как представителей профессий с повышенной речевой ответственностью, можно отнести следующее: четкое выделение коммуникативных центров; наличие эмфатических пауз; членение речевого потока на относительно короткие синтагмы; речь отличается выразительностью, она отражает высокую степень личной вовлеченности и заинтересованности (особенно речь политиков и актеров); в голосе чувствуется уверенность; речь характеризуется четкой артикуляцией; наблюдаются черты спонтанной речи, типичные для жанра интервью; отмечается сужение тонального диапазона синтагмы, характерное для оформления информации второстепенного характера, адресованной не столько собеседнику, сколько самому говорящему [Савинова, 2010].

В связи с данными особенностями М.С. Савинова приходит к выводу о том, что речь представителей профессий с повышенной речевой ответственностью остается профессионально маркированной даже в том случае, если экстралингвистическая ситуация не предполагает исполнения ими профессиональной роли [Савинова, 2010].

Таким образом, представляется продуктивным использовать термин «языковая биография» для описания того, какими языками и в каком возрасте овладел человек, какую роль эти языки играли в его когнитивном и эмоциональном опыте, какова специфика каждого этапа усвоения языка в аспекте онтогенеза (ранняя социализация, семья, школа, профессиональное становление), какой когнитивный след оставил языковой опыт в картине мира человека. Кроме того, поскольку последнее время лингвистика уходит от традиционной сосюрговской дихотомии «язык / речь» и рассматривает язык как совокупность паттернов, усвоенных в речевом опыте [Breunig, 2010; Cowley, 2004], языковая биография включает в себя также факты смены доминирующего речевого регистра, изменения просодических, фонетических и других характеристик речи в связи с изменением социального статуса, возраста, профессии и коллектива [Лямзина, Колмогорова, 2018].

В таком случае «языковая биография» – это история становления языковой личности в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением и системой ценностей человека, а также история изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни [Лямзина, Колмогорова, 2018, с. 226 –227].

Таким образом, анализ теоретической литературы и ряда примеров эмпирического характера позволил нам уточнить определение понятия языковой биографии и выявить характеристики, через которые она может быть описана: смена языковой среды, письменно-речевая рецепция и продукция, профессиональный речевой опыт и смена коммуникативного регистра в течение жизни.

В нашем исследовании для получения информации о языковой биографии для пациентов с афазией мы используем анкетирование их родственников, а для носителей языка без патологий из тех же групп – метод интервьюирования.

Необходимо отметить, что в связи с влиянием языковой биографии на речевую продукцию человека, которую можно проанализировать с помощью метода речевого портретирования, моделирование языковой биографии пациентов с афазией является особенно важным для их реабилитации, поскольку знания такого рода помогут разработать для них более персонализированный комплекс упражнений, учитывающий особенности языковой личности.

1.3. Понятие внутреннего (ментального) лексикона в нейро- и психолингвистике

Как уже отмечалось, в модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, языковая личность состоит из трех уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического [Караулов, 1987, с. 39–42]. Следовательно, языковая личность представляет собой многогранное явление, и ее отдельные аспекты могут проявляться в языковом, речевом и коммуникативном планах.

В свою очередь, вербально-семантический уровень языковой личности хранится в ментальном лексиконе, поскольку как отмечают некоторые исследователи, он является своеобразным «резервуаром», т. е. частью нашей долговременной памяти, в которой мы храним знания обо всех известных нам словах из знакомых языков [Кубрякова, 2004, с. 381–389].

На сегодняшний день изучение внутреннего (ментального) лексикона занимает важное место в работах по нейро- и психолингвистике. В связи с чем вопросу трактовки и организации внутреннего лексикона уделяется большое внимание в мире. По этой причине, проводится ежегодная конференция в Канаде [International Conference on the Mental Lexicon, 2018], выходят специализированные печатные издания [The Mental Lexicon Journal, 2018].

Так, среди направлений исследования ментального лексикона можно отметить следующие:

– специфика структуры ментального лексикона [Даминова, 2010; Доценко, 2013; Кривко, 2010; Кубрякова, 2004; Лещенко, 2018; Залевская, 1977;

Золотова, 2005; Свистунова, 2009; Слюсарь, Петрова, Михайловская, Череповская, Прокопеня, Чернова, Черниговская, 2017; Терентий, 2018; Фесенко, 2005; Anderson, 1983; Forster, 1976; Marcus, 2001; McClelland, Rumelhart, 1981; Morton, 1970];

– особенности ментального лексикона билингва [Ерофеева, Худякова, 2012; Овчинникова, 2009];

– профессиональная обусловленность ментального лексикона [Кущенко, 2008];

– связь образа мира с ментальным лексиконом и его роль при исследовании процессов речепорождения [Терентий, 2018];

– репрезентация морфологии в ментальном лексиконе [Васильева, 2014; Boudelaa, Marslen-Wilson, 2001].

Понятие «внутренний (ментальный) лексикон» ввел Дж. Миллер, говоря о «ментальных словарях» как отличных от обычных (печатных) словарей и отметив, что первые могут содержать много примитивных концептов, для которых нет привычных простых обозначений [Кубрякова, 2004, с. 382].

Однако общепринятого определения понятия «внутренний (ментальный) лексикон» пока не существует, поскольку многими учеными оно понимается по-разному. Приведем ниже основные точки зрения на данный феномен:

1) ментальный лексикон – средство доступа к единой информационной базе индивида, в которой происходит слияние продуктов переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, получаемого в результате познания и общения [Залевская, 1990];

2) ментальный лексикон как «декларативный компонент языка», т.е. единицы, хранящиеся в памяти, даже будучи не порождаемыми в индивидуальных речевых актах и принадлежащие к лексикону независимо от их формата [Ягунова, 2008];

3) ментальный лексикон – «резервуар», часть нашей долговременной памяти, в которой хранятся знания обо всех известных нам словах из знакомых языков; когнитивная система, в которой содержатся

лингвистические и экстралингвистические знания [Кривко, 2010; Кубрякова, 2004];

4) ментальный лексикон как совокупность концептов, которая хранится в памяти индивида и отражает чувственный, рациональный, индивидуальный и социальный опыт взаимодействия человека с окружающим миром, т.е. единая информационная база человека, в которую входят энциклопедические, языковые знания, эмоциональные впечатления и выработанная социумом система норм и оценок данных знаний [Терентий, 2018].

Несмотря на различия данных определений, в них можно увидеть общие признаки, которые приписываются понятию «ментальный лексикон»: исследователи характеризуют ментальный лексикон как сложный лингвокогнитивный феномен, который преобразует лексическую систему языка в сознании и отражает окружающую действительность и познавательные процессы человека.

Следует отметить, что последние тридцать лет структура ментального лексикона является одной из самых дискуссионных проблем в современной психо- и нейролингвистической литературе.

Так, А.А. Залевская и Н.О. Золотова представляют ментальный лексикон как глобальное ассоциативное поле с центральной частью, имеющей множество связей, которые разрежаются по направлению к периферии. Центральная часть представляет собой ограниченное количество единиц, обладающих максимальной ассоциативной силой, которую называют «ядром». Ограниченное количество единиц отличается по степени интенсивности ассоциативных связей: от самых активных к менее активным, сближающимся с периферией [Залевская, 1977; Золотова, 2005].

Кроме того, согласно Н.О. Золотовой, структурированные в пространстве ядра поля являются способом существования наиболее значимых для человека понятий, связь с которыми позволяет определить максимальную вероятность воспроизведения единиц ядра в случае свободного ассоциирования. В свою

очередь, «образ мира», который актуализируется в ядре лексикона, отражает так называемый «наивный реализм» индивида, каждый день оперирующего житейскими (обыденными) понятиями, зафиксированными единицами ядра. Таким образом, в ядре ментального лексикона концентрируются актуальные как для человека, так и для культуры образы действительности в их взаимосвязях и отношениях [Золотова, 2005].

В свою очередь, ряд исследователей представляет ментальный лексикон в виде многомерной ассоциативно-вербальной сети, структурными элементами которой являются узлы, представляющие собой фрагменты информации, которые фиксируются в сознании, и межузловые связи – способы взаимодействия элементов информации друг с другом [Доценко, 2013; Anderson, 1983; Marcus, 2001]. В узлах и подсетях представлены разные виды знания, соотносимые со словом, которое «... существует в ментальном лексиконе в виде определенного набора взаимосвязей между несколькими / многими единицами сети, а изменение хотя бы одной из таких связей влечет за собой изменение всего комплекса соотносимой с данным словом информации» [Доценко, 2013, с. 372]. Связь между узлами лексикона характеризуется разной степенью активации и направленностью. Так, наиболее сильные связи в ментальном лексиконе – семантические связи, которые позволяют сформировать семантические группы и поля в языке и семантические категории в когниции (в познавательном процессе) [Доценко, 2013].

Помимо этого, исследователи выделяют особенности структуры ментального лексикона билингва. Так, ментальный лексикон, который формируется на основе известных человеку языков, выполняет роль матрицы для соединения новых связей, актуальных для изучаемого языка. В свою очередь, генетическая и типологическая близость языков приводит к интерференции, отражающей процесс реорганизации ментального лексикона в результате освоения нового языка [Овчинникова, 2009].

В связи с чем ментальный лексикон билингва является единой семантической картой, которая структурируется в соответствии с лексической

семантикой родного языка, поэтому новые значения, прежде всего, ассоциируются с планом содержания его лексем, особенно в случаях сходства плана выражения [Овчинникова, 2009].

Следует отметить, что, несмотря на многообразие представлений о структуре ментального лексикона, в целом, они основываются на модели лексического поиска, логогенной модели и модели интерактивной активации [Васильева, 2014].

Модель лексического поиска предполагает, что в памяти человека существует несколько репрезентаций для каждого слова: грамматическая, фонологическая, графическая и семантическая. Наряду с этими репрезентациями отдельно хранятся единицы доступа к ментальному лексикону: орфографические репрезентации слова для чтения, фонологические – для восприятия речи на слух и семантико-синтаксические – для порождения речи и письма [Forster, 1976].

Логогенная модель опознания слова заключается в одновременном хранении полной лексической информации и отдельных репрезентаций слова, которые предназначены для доступа к ментальному лексикону. В данной модели существует два главных компонента: логогенная система, соответствующая уровню доступа, и когнитивная система, отвечающая уровню хранения полной лексической информации [Morton, 1970].

Согласно модели интерактивной активации, воспринимаемой единице соответствует определенный узел на каждом уровне. Между узлами устанавливаются отношения, замедляющие активацию, если между ними нет непосредственной связи, или возбуждающие, если связь есть. При этом активация одного узла ведет к активации соседних узлов [McClelland, Rumelhart, 1981].

Таким образом, можно сделать вывод, что структура ментального лексикона представляет собой внутреннее образование с множеством уровней и пересекающихся связей, выполняющее функцию хранения, переработки

лингвистических и энциклопедических знаний, а также порождения речевых высказываний.

Также необходимо отметить, что большинство из исследователей признает базовым компонентом ментального лексикона слово, которое обеспечивает доступ к единой информационной базе человека [Кубрякова, 2004].

Однако существуют данные, полученные в экспериментах, что многоморфемные единицы представлены в мозге по частям, и лишь в процессе порождения собираются в единый компонент [Boudelaa, Marslen-Wilson, 2001].

Что касается функции ментального лексикона, то согласно некоторым исследователям, существование «словаря в голове» позволяет узнавать знакомые слова в устном и письменном тексте, понимать их смысл, а также подбирать для передачи своей мысли нужные слова и озвучивать или записывать их. Как и обычный словарь, ментальный лексикон оснащен для этого системами кодирования звуковых и графических образов, а также смыслов. Для того чтобы было возможным хранение и поиск, планы выражения и планы содержания входящих в ментальный лексикон единиц должны быть систематизированы, а он – снабжен различными поисковыми системами. Следовательно, в ментальном лексиконе существуют механизмы, которые при порождении позволяют находить нужные формы слов или создавать их по определенным правилам, а при восприятии – анализировать [Слюсарь, Петрова, Михайловская, Череповская, Прокопеня, Чернова, Черниговская, 2017].

Кроме того, ментальный лексикон постоянно пополняется. Обычно, услышав новое слово один или более раз, человек начинает свободно им пользоваться, то есть узнает его на слух, на письме, понимает, произносит и употребляет его в новом контексте, в новых синтаксических конструкциях и в новых формах [Слюсарь, Петрова, Михайловская, Череповская, Прокопеня, Чернова, Черниговская, 2017].

Изучив труды по данной теме, мы можем заключить, что в ментальный лексикон входят единицы лексического уровня языка и информация об их

синтаксических, морфологических и фонетических характеристиках. Помимо этого, согласно ученым, ментальный лексикон выступает в качестве инструментария в процессе создания слов, поскольку слово не является монолитным и не существует в готовом виде, а представлено набором взаимосвязей между единицами ассоциативно-вербальной сети.

Таким образом, можно сделать вывод, что ментальный лексикон представляет собой динамическую систему, в которой непрерывно возникают новые связи и хранятся различные единицы, комбинации которых позволяют обеспечить речевую деятельность языковой личности.

В свою очередь, поскольку языковая биография является одним из факторов, влияющих на речевую продукцию человека (его языковую личность), а вербально-семантический уровень языковой личности представлен в ментальном лексиконе, то его структура и содержание также зависят от языковой биографии.

Таким образом, знание языковой биографии позволяет определить, какие слова могут находиться в ядре ментального лексикона.

Данный факт важно учитывать при реабилитации пациентов с афазией, т.к. это дает возможность разработать для них более персонализированный комплекс упражнений, принимающий во внимание особенности их языковой личности и языковой биографии.

1.4. Нарушения речи при афазии: причины, особенности

В последнее время, лидирующее место по причинам смертности и инвалидности среди населения занимает острое нарушение мозгового кровообращения, на втором месте находятся черепно-мозговые травмы, полученные в дорожно-транспортных происшествиях [Цветкова, 2011]. Одним из частых проявлений повреждения головного мозга является афазия – «... системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни организации речи, влияет на её связи с другими психическими процессами и приводит к дезинтеграции всей

психической сферы человека, нарушая, прежде всего, коммуникативную функцию речи...» [Цветкова, 1988, с. 15]. В результате чего происходит нарушение трудоспособности и социальной адаптации человека [Араева, Барбараш, Образцова, Семенов, 2015].

В зависимости от зоны поражения головного мозга афазия может принимать различный характер [Цветкова, 1988; Шингаров, Амасьянц, Шмонова, 2014]: нарушение номинативной функции речи; непонимание смысла слов, нарушения грамматического строя предложения, чтения, письма и счета и т.д.; изменение личности; личностная реакция на болезнь.

Следует отметить, что термин «афазия» происходит от греч. «fasio» (говорю) и приставки «а» («не»), дословно означает «не говорю», и впервые был предложен французским врачом Арманом Труссо в 1864 году [Курушина, Барулин, Куракова, Ансаров, 2017].

История развития учения об афазии насчитывает около двух столетий. В 1862 г. французский невролог и антрополог П. Брока отметил случай нарушения речи, в результате которого больной слышал и понимал речь, но не мог говорить, при этом интеллект, артикуляция и фонация были достаточно хорошо сохранены. Сейчас это заболевание называется эфферентной моторной афазией. В 1872 г. немецкий невролог К. Вернике описал другой вид афазии, при которой больной слышал обращенную к нему речь, но не понимал значения слов и фраз, поскольку речь воспринималась им как поток непонятных звуков. Это так называемая сенсорная афазия или своеобразная "психическая глухота" [Шингаров, Амасьянц, Шмонова, 2014].

В 30-40 гг. XX столетия начинается становление новой области научного знания, возникшей на стыке неврологии, психологии, физиологии и анатомии мозга – нейропсихологии, которая легла в основу развития учения об афазии. Основателем данного научного направления стал крупнейший отечественный психолог и врач Александр Романович Лурия, которому и принадлежит наиболее распространенная в настоящий момент классификация афазий. Нейропсихология возникла в результате необходимости в разработке методов

преодоления расстройств высших психических функций у раненых с черепно-мозговыми травмами в период Великой Отечественной войны. Именно в это время были разработаны теоретические основы диагностики больных, которые составили базу последующих научных исследований в этой области. Благодаря классификации А.Р. Лурии были предложены методы преодоления речевых нарушений каждой формы афазии, также он провел исследования в области нарушений письма и чтения при различных очагах поражения головного мозга, и предложил пути преодоления этих расстройств [Лурия, 1973].

С середины XX века исследователи приходят к пониманию того, что афазия, являясь нарушением речи как психического процесса, обнаруживается главным образом «...в дефектах вербальной и невербальной коммуникации, в изменениях личности больного, его эмоциональной сферы, и поэтому афазия должна быть предметом нейропсихологии и психологии и объектом изучения неврологии, нейролингвистики и других смежных областей знания» [Каширкина, 2018, с. 28].

Нейролингвистика занимает важное место в нейропсихологии. Однако этот метод исследования афазии может быть эффективным только при тесном взаимодействии с нейропсихологическим и психологическим исследованиями данного заболевания. А.Р. Лурия одним из первых объединил в своих исследованиях афазии результаты современной нейропсихологии, психологии и психоллингвистики и дал научный нейролингвистический анализ нарушений говорения и понимания, основываясь на нейропсихологическом анализе дефекта [Каширкина, 2018].

Сотрудничество нейропсихологии и лингвистики привело к созданию концепции двух групп афазических нарушений речи, связанных с выпадением синтагматической или парадигматической систем языка. Прежде факты фонологической, морфологической и синтаксической структуры языка игнорировались, внимание уделялось только моторным или сенсорным типам афазии [Каширкина, 2018; Цветкова, 2011].

Так, синтагматические нарушения характеризуются трудностями динамической организации речевого высказывания и встречаются при поражении передних отделов левого полушария. Парадигматические возникают при поражении задних отделов левого полушария и представлены нарушением кодов речи (фонематического, артикуляционного, семантического), что вызвано нарушением выбора нужного элемента среди группы определенных потенциальных рядов [Каширкина, 2018].

Таким образом, будучи крайне сложной, проблема афазии является объектом исследования ряда наук, таких, например, как лингвистика, логопедия, психология, нейропсихология, неврология.

Кроме того, следует отметить, что помимо П. Брока, К. Вернике, А.Р. Лурия, большой вклад в клиническую афазиологию внесен Е.В. Шмидтом, Р.А. Ткачевым, Л.Г. Столяровой, Т.В. Ахутиной, Э.С. Бейн, Т.Г. Визель, Л.С. Цветковой и др.

Так, было установлено, что для понимания специфики речевого расстройства при той или иной форме афазии и для обеспечения правильного подхода к его преодолению, крайне важным является выявление механизма, обуславливающего характер афазиологического синдрома, т.е. процесса поражения определенных зон коры головного мозга, которое вызывает нарушение звеньев речевого механизма. Каждый раз это нарушение специфично, т.к. оно зависит от функции, которую выполнял данный участок, а также от того, какие вторичные системные отклонения он вызвал и какие функциональные перестройки произошли в результате этого [Рябова (Ахутина), 1967].

Следует отметить, что в настоящее время не существует единой классификации афазий. В отечественной и зарубежной афазиологии исследователи предлагают различные классификационные системы данных расстройств [Bastiaanse, 1995; Gorno-Tempini et al., 2004; Kean, 1977; Waldron, 2010 – 2011; Критчли, 1974; Лурия, 2008; Хомская, 2003; Цветкова, 2010; Шохор-Троцкая, 2001].

Однако наиболее распространенной среди них является классификация А.Р. Лурия, в которой нарушения речи делятся по принципу «сенсорные» и «моторные», в зависимости от локализации поражения головного мозга. В соответствии с таким принципом ученый выделяет 7 типов речевых расстройств, которые объединены в 2 группы: I – сенсорные афазии: сенсорная; акустико-мнестическая; оптико-мнестическая; семантическая; II – моторные афазии: эфферентномоторная; афферентно-моторная; динамическая [Астаева, Епанешникова, 2012].

Афферентно-моторная афазия обусловлена поражением нижних отделов постцентральной зоны мозга, в результате чего больные теряют способность совершать по заданию те или иные движения языком, губами и другими органами артикуляции. Непроизвольно эти движения могут быть легко выполнены ими, поскольку не имеется парезов, ограничивающих объем оральных движений. Это носит название оральной апраксии. В устной речи больных в зависимости от степени грубости апраксии это проявляется в: 1) отсутствии артикулированной речи; 2) искаженном воспроизведении поз; 3) поисках артикуляции [Цветкова, 1988].

Эфферентная моторная афазия возникает при травме нижних отделов коры больших полушарий – так называемого речевого двигательного центра Брока. В норме он обеспечивает плавную смену одного орального или артикуляционного акта другим, что необходимо для слияния артикуляций в последовательно организованные ряды [Цветкова, 1988].

При очаговых поражениях данной зоны возникает патологическая инертность артикуляторных актов, утрачивается свободное переключение с одной артикуляционной позы на другую. В результате речь больных становится разорванной, сопровождается застреванием на отдельных фрагментах высказывания [Цветкова, 1988].

Эти дефекты произносительной стороны речи вызывают системные расстройства и других сторон речевой функции: чтения, письма, частично и понимания речи. Таким образом, в отличие от афферентной моторной афазии,

где артикуляционная апраксия относится к единичным позам, при эфферентной она относится к их сериям. Больные относительно легко произносят отдельные звуки, но испытывают существенные затруднения при произнесении слов и фраз [Цветкова, 1988].

При *динамической афазии* наблюдается поражение мозга в заднелобных отделах левого полушария, расположенных спереди от зоны Брока. Речевой дефект проявляется здесь главным образом в речевой аспонтанности и инактивности. Первый вариант заключается в нарушении функции речевого программирования. В связи с чем больные пользуются в основном готовыми речевыми штампами, не требующими специальной «деятельности программирования». Их речь отличается бедностью, односложностью ответов в диалоге [Цветкова, 1988].

При втором варианте преобладают нарушения функции грамматического структурирования, т.е. в речи больных данной группы выражен экспрессивный аграмматизм, который проявляется в виде ошибок «согласования», а также явлений «телеграфного стиля». Произносительные трудности в обоих вариантах являются незначимыми [Цветкова, 1988].

Сенсорная (акустико-гностическая) афазия возникает при поражении верхневисочных отделов так называемой зоны Вернике. В качестве первичного дефекта рассматривается речевая, слуховая агнозия, лежащая в основе нарушений фонетического слуха. Больные теряют способность дифференцировать фонемы, т.е. выделять признаки звуков речи, несущих в языке смысловозначительные функции. Расстройства фонематического слуха, в свою очередь, обуславливают грубые нарушения речи – понимания [Цветкова, 1988].

Появляется феномен «отчуждения смысла слова», который характеризуется «расслоением» звуковой оболочки слова и обозначаемого им предмета. Звуки речи теряют для больного свое стабильное звучание и каждый раз воспринимаются искаженно, смешиваются между собой по тем или иным параметрам. В экспрессивной речи больных появляются характерные дефекты:

логорея (обилие речевой продукции) как результат «погони за ускользающим звуком», замены одних слов другими, одних звуков другими [Цветкова, 1988].

Акустико-мнестическая афазия обусловлена очагом поражения, расположенным в средних и задних отделах височной области. В данном случае больные теряют способность к удержанию в памяти воспринятой на слух информации, проявляя тем самым слабость акустических следов. Наряду с этим у них обнаруживается сужение объема запоминания. Эти дефекты приводят к определенным трудностям понимания развернутых текстов, требующих участия слухоречевой памяти [Цветкова, 1988].

В речи больных с этой формой афазии основным симптомом является словарный дефицит, связанный как с обеднением ассоциативных связей слова с другими словами данного семантического поля, так и с недостаточностью зрительных представлений о предмете [Цветкова, 1988].

Семантическая афазия возникает при поражении теменно-затылочных областей левого доминантного полушария. Основным проявлением речевой патологии при этом виде афазии является импрессивный аграмматизм, т.е. неспособность понимать сложные логико-грамматические обороты речи. При этом способность к улавливанию формально-грамматических искажений (ошибок «согласования») сохраняется у этих больных [Цветкова, 1988].

Оптико-мнестическая афазия возникает при поражении задневисочных и теменно-затылочных областей отдела мозга. В основе этого типа афазии могут лежать два механизма [Цветкова, 1988]:

- первый связан с дефектами оптического воспроизведения предметов и выделения их существенных признаков, т.е. больные не могут выделить признак предмета;
- второй механизм связан с патологическим состоянием коры головного мозга, затрудняющим выбор нужного слова из нескольких альтернатив.

Главным симптомом данного типа афазии является забывание названия предметов. Однако речь в целом не нарушена. Кроме того, сохраняются письмо и чтение. [Цветкова, 1988].

Помимо этого, Т.В. Ахутиной была выделена и раскрыта новая форма афазии, которая получила название «передний аграмматизм». Область поражения при данной форме афазии находится в области, примыкающей к зоне Брока спереди и сверху, а главный механизм нарушения речи – это дефект грамматического структурирования, основным симптомом являются трудности грамматического оформления речевого высказывания [Астаева, Епанешникова, 2012; Menn, Obler, 1990].

Однако в зарубежной литературе часто встречается более упрощенный подход к классификациям афатических нарушений, которые объединяют всего две группы: *fluent* (свободное, беглое) – афазия Вернике (сенсорная или беглая афазия) и *non-fluent* (несвободное, замедленное) – афазия Брока (моторная или замедленная афазия). При таком подходе сложная специфика речевого дефекта сводится только к описанию его внешних проявлений, поэтому исследователь лишен возможности определить и проанализировать все особенности патологии речи, в пределах области локализации поражения [Астаева, Епанешникова, 2012; Ash et al., 2010; CharLes et al., 2014; Croot et al., 1998].

Таким образом, в настоящее время существует необходимость в разработке универсальной классификации нарушений речи при органических поражениях головного мозга с четкими критериями отнесения симптомов к определенным видам афазии для более точной диагностики и повышения эффективности реабилитации больных-афатиков.

Необходимо отметить, что лечением пациента, страдающего афазией, и его последующей реабилитацией занимаются различные специалисты, так как восстановление речи при афазии носит сложный и длительный характер [Кузьмина, Симоненко, 2015].

Так, в медицинской практике существует Федеральная программа помощи сосудистым больным, согласно которой в реабилитации пациентов-

афатиков используются логопедические методики, восстанавливающие работу артикуляционного аппарата, номинативную функцию языка и возможности к импрессивной и экспрессивной речи, в комплексе с медикаментозной поддержкой, лечебной гимнастикой, массажем, нейропсихологической коррекцией, консультацией психиатра и психотерапевтической помощью. Таким образом, терапия постинсультных афазий должна включать в себя фармакологические и нефармакологические методы лечения. [Араева, Барбараш, Образцова, Семенов, 2015; Курушина, Барулин, Куракова, Ансаров, 2017].

Необходимо отметить, что восстановление речевой функции у пациентов с афазией происходит поэтапно. В первые дни заболевания независимо от вида афазии главной целью является активизировать произвольные уровни речевой деятельности, используя автоматизированные речевые ряды (прецедентные высказывания), пение, воспроизведение ранее заученных речевых стереотипов [Курушина, Барулин, Куракова, Ансаров, 2017; Ansaldo, Saidi, 2014].

Кроме того, на начальном этапе реабилитации медикам важно установить контакт с больным, вовлечь его в целенаправленную деятельность. Как правило, для этого используется метод беседы на близкие больному темы, а также использование «неречевых» видов деятельности: простейшего конструирования, срисовывания, лепки из пластилина и т.д. [Кузьмина, Симоненко, 2015].

На следующих этапах заболевания восстановительное обучение ориентировано на более активное, сознательное вовлечение больного в процесс реабилитации. Для этого применяются перестраивающие методики, использование которых невозможно без перевода работы на произвольный, осознанный уровень, т.е. основной акцент необходимо делать на сознательное усвоение приемов компенсации дефекта [Цветкова, 2011].

Стратегия реабилитации пациентов при восстановлении понимания речи при любой форме афазии едина: специалисты начинают с восстановления

понимания общего смысла высказывания, затем переходят к пониманию речи. В процессе восстановительного лечения могут использоваться такие приемы, различающиеся по степени сложности, как [Щербакова, 2016]:

- работа над чтением, предметной отнесенностью слова, нахождением смысловых искажений, глобальным восприятием предметных картинок и анализом схематических изображений;

- дифференциация слов-омофонов, омографов; анализ грамматических искажений; объяснение функциональных назначений предметов; рисование предмета по памяти; подбор антонимов и синонимов к словам; запоминание адресов и номеров телефонов; решение математических задач; интерпретация пословиц;

- введение в контекст; разгадывание кроссвордов, подбор синонимов, антонимов к словам, нахождение ошибок, допущенных в тексте; довершение логико-грамматических оборотов; пересказ текста; письменные сочинения; составление предложений из отдельных слов; составление рассказа; выявление причинно-следственных связей; подбор предлогов.

Тем не менее, при каждой из афазических форм имеются и специфические задачи, связанные с преодолением первичного речевого дефекта [Цветкова, 1988]:

- 1) **афферентная моторная афазия:** восстановление артикуляционных схем отдельных звуков и устранение литеральных парафазий, возникающих на основе смешения близких по артикуляции звуков речи;

- 2) **эфферентная моторная афазия:** восстановление способности к совершению серийных артикуляционных актов; эта задача требует выработки переключения с одной артикулемы на другую, с одного фрагмента слова на другой, что тесно связано с задачей восстановления внутренней линейной синтаксической схемы фразы;

3) **сенсорная афазия**: восстановление фонематического слуха, то есть способности к дифференциации на слух близких по звучанию фонем, следовательно, понимание речи в целом;

4) **динамическая афазия**: первый вариант – восстановление функции речевого программирования; второй вариант – преодоление расстройств грамматического структурирования;

5) **акустико-мнестическая афазия**: увеличение объёма слухоречевой памяти и устранение проблем восприятия речи;

6) **семантическая афазия**: устранение импрессивного аграмматизма, т.е. восстановление способности к восприятию сложных логико-грамматических оборотов речи;

7) **оптико-мнестическая афазия**: расширение активного словаря и обогащение связи слов внутри речевой системы, восстановление зрительно-предметной сферы восприятия и многозначности слов.

Однако, несмотря на разработанную программу реабилитации пациентов-афатиков, специалисты в области афазиологии все чаще отмечают невысокие результаты восстановления больных и предпринимают попытки повысить эффективность реабилитации [Щербакова, 2016].

Так, было установлено, что речевая патология при афазии характеризуется выраженными чертами индивидуального «языкового портрета больных» [Визель, 2002; Газизуллина, 2011].

В связи с чем в процесс реабилитации пациентов-афатиков начинают внедрять новые методики, основанные на знаниях о типичной речевой продукции индивида до болезни, например, метод речевого донорства [Штейнердт, 2012].

В основе данного метода лежит механизм восстановления речи, опирающийся на семейный речевой дискурс пациента и его психофизиологическую установку. Выявляются речевые, поведенческие особенности пациента, изучается неформальный стиль общения в семье (сленг, метафоры), чтобы использовать их для составления индивидуальных программ

речевых текстов с привлечением опорных речевых стереотипов, принятых в семейном обиходе. В итоге, для пациента записывается диск с его ближайшего родственника, содержание которого заключается в предложениях бытового характера, предлагаемые пациенту для повторения за «донором». Такая методика позволяет ввести пациента в привычный для него мир речевой раскованности, переведенный на уровень автоматизма [Штейнердт, 2012].

Следовательно, знания о типичной речевой продукции индивида до афазии могут сыграть существенную роль в повышении эффективности восстановительной работы, в частности – для выстраивания индивидуальной реабилитационной программы.

Таким образом, можно сделать вывод, что афазия – это сложная проблема, при которой проявляются системные нарушения речи, охватывающее все языковые уровни, включая фонетику, лексику и грамматику, что приводит к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушая, прежде всего, коммуникативную функцию речи. При этом клинические картины афазий неоднородны, а различия между ними обусловлены, прежде всего, локализацией очага поражения.

Несмотря на то, что проблемой данного заболевания занимается ряд наук, остаются такие нерешенные вопросы, как отсутствие единой классификации форм афазий и недостаточная эффективность реабилитационных программ при данном заболевании.

В связи с чем необходимо систематизировать классификации афазий и методики восстановления пациентов с афазией, принимая во внимание «языковой портрет больных» и их типичные речевые продукции до болезни, т.к. именно это позволяет пациенту вернуться в привычный для него речевой мир, переведенный на уровень автоматизма, и, следовательно, ускорить восстановление эффективной коммуникации с окружающими для независимости и успешной адаптации в повседневной жизни.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. В современной лингвистике не существует строгого разграничения понятий «языковая личность», «речевая личность» и «коммуникативная личность», поскольку языковая личность является многогранной, и ее отдельные аспекты проявляются в языковом, речевом и коммуникативном планах.

Кроме того, изучение индивидуальной языковой личности невозможно без обращения к коллективной языковой личности, поскольку качества индивидуальной языковой личности как продуцента дискурса проявляются в пределах дискурсивного сообщества (коллективной языковой личности).

Помимо этого, установлено, что языковая личность тесно связана с понятием «речевой портрет», поскольку исследователи характеризуют речевой портрет как воплощение, реализацию языковой личности, т.е. языковая личность выступает как объект наблюдения, а ее речь – как материал исследования.

В связи с чем языковая личность как основной объект изучения лингвоперсонологии может быть описана при помощи метода речевого портретирования, результатом применения которого является описание особенностей проявления языковой личности (ее речевого портрета) согласно задачам, поставленным в конкретном исследовании.

2. Несмотря на то, что в последнее время хорошо заметен интерес к исследованиям в области языковых биографий, сегодня данное понятие развивается в основном в контексте междисциплинарных исследований по миграционной лингвистике, затрагивающих вопросы языковых контактов и многоязычия и практически не рассматривается в сопряжении с феноменом языковой личности.

Анализ различных научных лингвистических источников и примеров эмпирического характера позволил выделить ряд существенных характеристик языковой биографии.

Так, было установлено, что для «языковой биографии» чрезвычайно важна категория историчности, поскольку это история становления языковой личности в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением и системой ценностей человека, а также история изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни.

В связи с влиянием языковой биографии на языковую личность человека, анализируемую с помощью метода речевого портретирования, моделирование подобного вида биографии является важным в реабилитационной работе с пациентами с афазией, так как подобные знания могут помочь подготовить для них более персонализированный комплекс упражнений, который будет учитывать особенности данного типа языковой личности.

3. Ментальный лексикон – сложный лингвокогнитивный феномен, который преобразует лексическую систему языка в сознании, отражает окружающую действительность и познавательные процессы человека, а также обеспечивает его речевые процессы.

Структура ментального лексикона представляет собой внутреннее образование с множеством уровней и пересекающихся связей, выполняющее функцию хранения, переработки лингвистических и энциклопедических знаний, а также порождения речевых высказываний.

Базовым компонентом ментального лексикона является слово, которое обеспечивает доступ к единой информационной базе человека.

Важно отметить, что поскольку языковая биография является фактором, влияющим на языковую личность, а ее вербально-семантический уровень представлен в ментальном лексиконе, то его структура и содержание также зависят от языковой биографии.

Что крайне важно учитывать при реабилитации пациентов с афазией, поскольку это дает возможность разработать для них более

персонализированный комплекс упражнений, принимающий во внимание особенности их языковой личности.

4. Афазия – системное нарушение речи, возникающие при органических поражениях мозга, охватывающее разные уровни организации речи и влияющее на её связи с другими психическими процессами. Данное заболевание приводит к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушая, прежде всего, коммуникативную функцию речи.

Нарушения речевой функции при афазии охватывают все языковые уровни, включая фонетику, лексику и грамматику, хотя в целом клинические картины афазии неоднородны, а различия между ними обусловлены, прежде всего, локализацией очага поражения.

К нерешенным вопросам практики восстановительного обучения при афазиях относятся такие, как отсутствие единой классификации форм афазий и недостаточная эффективность реабилитационных программ при данном заболевании. Последняя обусловлена, в частности, недостаточностью знаний об индивидуальной языковой биографии пациентов как о факторе, влияющем на структуру ментального лексикона языковой личности. На сегодняшний день в клинической практике делаются только первые шаги в сторону разработки персонализированных траекторий речевой терапии.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА В НОРМЕ И ПРИ РЕЧЕВОЙ ПАТОЛОГИИ

В настоящее время речевая реабилитация пациентов с афазией осуществляется в специализированных клиниках с помощью сборников восстановительных упражнений, разработанных специалистами-логопедами. Используемый речевой материал представляет собой некоторый «речевой слепок» среднестатистической речевой личности в том ее виде, в каком она видится каждому конкретному специалисту-автору упражнений. Как правило, это человек, который владеет русским языком как родным, имеет четкие представления о речевой / языковой норме и является образцом носителя среднелитературного типа речевой культуры.

Тем не менее логично предположить, что объектом речевой восстановительной работы является конкретная речевая личность [Nagels et al., 2019], имеющая собственную языковую и речевую биографии, которые оказали влияние на формирование устойчивых связей в ее ментальном лексиконе. Специалисты указывают на необходимость учета индивидуальных факторов при организации речевой коррекционной работы даже в детском возрасте [Гридина, Коновалова, 2016].

В связи с чем гипотеза нашего исследования сформулирована следующим образом: если до болезни (афазии) носитель языка владел одним или несколькими языками, использовал профессиональную лексику, предпочитал тот или иной корпус текстов для чтения и был склонен к определенному типу устно- или письменно-речевой продукции, то в восстановительной работе языковую биографию пациента следует принимать во внимание, поскольку она сформировала специфическую конфигурацию ментального лексикона пациента.

Таким образом, исследование сфокусировано на поиске ответов на вопросы: существуют ли устойчивые корреляции между языковой биографией пациента и характеристиками системных связей слов в его ментальном

лексиконе? Можно ли повысить эффективность восстановления этих связей при реабилитации пациентов, если учитывать особенности данной биографии?

Поиск ответов на поставленные вопросы предусматривает несколько этапов работы:

- с целью выяснения особенностей языковой биографии пациента с афазией, осуществить анкетирование среди родственников больных, поскольку большая часть пациентов не способна сообщить необходимые сведения;
- проанализировать результаты анкетирования;
- провести интервью на основе разработанной анкеты со здоровыми категориями лиц;
- провести анализ результатов интервьюирования;
- на материале, полученном от носителей языка без речевых патологий, проверить гипотезу о том, что особенности организации ментального лексикона языковой личности соотносятся с ее языковой биографией;
- подготовить речевые упражнения для групп пациентов с афазией сообразно со специфическими характеристиками их языковой биографии;
- провести экспериментальный курс речевой терапии в экспериментальной и контрольной группах для того, чтобы валидировать выводы о корреляциях, существующих между ЯБ языковой личности, с одной стороны, и организацией ее ментального лексикона – с другой.

2.1. Анкетирование и структурированное интервьюирование как методы сбора материала

Поскольку анкетирование и интервьюирование являются одними из основных методов нашего исследования, следует подробнее их рассмотреть.

Данные методы были заимствованы социолингвистикой из социологии, однако попав в лингвистический контекст, они претерпели существенные изменения в связи с особенностями исследовательских задач. Так, в социологии

анкетирование и интервьюирование используются с целью получения содержательной информации о социальных явлениях, в то время как в социалингвистике вышеупомянутые исследовательские приемы применяются, чтобы получить объективные данные, которые характеризуют речь информантов [Новиков, 1970].

Анкетирование и интервьюирование имеют ряд особенностей, которые важно учитывать, для того чтобы правильно их провести.

Анкета – это опросный лист, включающий в себя серию вопросов, логически связанных друг с другом и с центральной проблемой исследования [Зайцева, 1970].

Главной особенностью анкетного опроса является то, что респондент самостоятельно работает с анкетой: понимает вопрос, обдумывает его и отвечает на него в соответствии со своими знаниями, убеждениями, ценностными ориентациями и регистрирует свой ответ [Ротман, Данилов, 2001].

Социалингвистические анкеты можно разделить на два типа: первый нацелен на исследование функционирования языка в обществе, второй – на изучение речевого узуса [Зайцева, 1970].

По форме вопросы анкеты подразделяются на открытые, закрытые и полузакрытые [Браймен, Белл, 2012].

Открытый вопрос предоставляет респонденту возможность свободно формулировать возможные варианты ответов. Он применяется, если задачей является получение данных о структуре представлений, опрашиваемых по изучаемой проблеме, круге ассоциаций с предметом опроса, вербальных навыках, связанных со способностью формулировать свое мнение и аргументировать его.

В *закрытом вопросе* область поиска ответов определяется автором с помощью списка вариантов ответа. Данные вопросы помогают выявить факты и отношения, предполагающие уже известный перечень возможных вариантов ответов.

Полузакрытые вопросы позволяют респонденту выбирать варианты ответа, формулировать и отмечать дополнительный вариант. В связи с чем, при перечне вариантов ответа есть свободные строки с указанием: "что еще", "другие варианты" и т.д.

По функциям различают такие вопросы, как [Ротман, Данилов, 2001]:

- 1) *основные*, которые сформулированы с целью получения необходимой информации о предмете исследования;
- 2) *контрольные*, проверяющие правдивость ответов на основные вопросы и уточняющие получаемые сведения;
- 3) *вопросы-фильтры*, которые ставятся в дополнение к основным вопросам.

Анкетный опрос обладает как достоинствами, так и недостатками. Главным достоинством анкетного опроса является его массовый характер, поскольку непосредственное наблюдение над отдельными информантами или малыми группами не всегда является достаточно показательным [Зайцева, 1970].

Кроме того, положительным моментом является то, что респондент свободен в выборе варианта ответа на вопрос, в выражении своего мнения, так как влияние исследователя на ход и результат опроса минимально. Помимо этого, анкетирование обеспечивает полную анонимность информации и полное отсутствие коммуникативного и психологического барьера между анкетером и респондентом [Добренков, Кравченко, 2004].

Недостатком анкетного опроса является невозможность уточнить, конкретизировать ответ респондента, пояснить содержание вопроса, поэтому метод анкетного опроса не является таким гибким, как интервью [Браймен, Белл, 2012].

Кроме того, ответы на вопросы анкеты могут отражать не социальные различия носителей языка, а разницу в их психологии. Так, одни респонденты отвечают в близком соответствии с тем, как они используют язык в жизни; других форма вопросника повергает в недоумение, и получение искаженной

информации в этом случае неизбежно; третьи стараются отвечать не так, как они говорят, а как «правильнее», поскольку испытывают страх «потерять лицо» [Беликов, 1999].

Тем не менее данную психологическую опасность можно устранить гибкой методикой составления вопросников (формулирование вопросов, их порядок, система "перекрестных", контрольных, отвлекающих вопросов и т. д.) и большим числом опрошенных, поскольку массовый характер ответов позволяет устранить расхождения, вызванные психологическими различиями информантов [Зайцева, 1970].

Однако, несмотря на все преимущества анкетирования, никакие анкеты не могут полностью заменить наблюдения над реальной речевой деятельностью человека, так как заполненный опросный лист отражает не столько фактическое речевое поведение, сколько ценностную ориентацию информанта и его представления о престижных формах языка [Беликов, 1999; Hymes, 1973].

В отличие от анкетирования главной задачей интервьюирования является получение материала, позволяющего исследовать механизмы спонтанного использования языка различными социальными группами говорящих в разных коммуникативных ситуациях [Звегинцев, 1976].

В зависимости от того, какие исследовательские задачи поставлены, интервью может иметь форму свободной беседы интервьюера с информантом на заданную тему или состоять из заранее подготовленных вопросов, логически связанных друг с другом и провоцирующих респондентов употреблять те или иные языковые единицы. Таким образом, интервью называют формальным, если интервьюер имеет строго спланированный сценарий, и неформальным, когда такого сценария нет [Новиков, 1970].

Неформальный вид интервью может использоваться при фонетических исследованиях, поскольку даже на коротких отрезках звучащей речи могут проявляться основные особенности произносительной нормы и отклонения от нее. Интервью с подготовленными вопросами применяется, чтобы стимулировать информанта к употреблению языковых фактов, интересующих

исследователя [Михальченко, 1995].

Как и анкетирование, интервью обладает положительными и отрицательными моментами.

Преимуществами данного метода являются [Браймен, Белл, 2012]:

- 1) личный контакт интервьюера и респондента;
- 2) снижение количества пропусков в ответах;
- 3) лучшая реализация функции контрольных вопросов;
- 4) абсолютный процент возврата;
- 5) возможность получения достаточно полной информации о мнениях, оценках, мотивах респондентов;
- 6) непосредственное общение, способствующее созданию благоприятной обстановки, повышающей искренность и серьезность ответов;
- 7) возможность получить дополнительные сведения, важные для оценки объекта исследования, оценить ситуацию опроса, наблюдать реакцию респондента на вопрос и проверить, понятны ли задаваемые вопросы.

К недостаткам интервьюирования как метода исследования можно отнести следующее [Ядов, 2013]:

- 1) интервьюирование и его обработка занимают больше времени, чем анкетирование;
- 2) видеорегистрация и звукозапись могут повлиять на ответы респондентов, поскольку некоторые из них могут растеряться, ответить не так, как они хотели;
- 3) информация, которая воспринимается на слух, часто оказывается недоступной для понимания. В результате, исследователь и интервьюент не всегда могут услышать и правильно понять то, что сказано;
- 4) существует вероятность воздействия интервьюера на мнение респондента: опрашиваемый может вести диалог через призму установок, которые возникают под влиянием личности исследователя. В связи с чем интервьюер должен вести себя дружелюбно и нейтрально по отношению к респонденту.

Таким образом, как мы можем видеть, анкетирование и интервьюирование обладают рядом особенностей, которые крайне важно учитывать в процессе их применения, так как в противном случае это может привести к неправильному поведению интервьюера, ошибкам в исследовании, а также привести в результаты работы высокую степень субъективизма.

В рамках нашего исследования мы используем социолингвистическую анкету второго типа, нацеленную на изучение речевого узуса, с открытыми вопросами, а также формальное интервью с подготовленным сценарием, поскольку нам необходимо стимулировать информантов к раскрытию интересующих нас языковых и речевых фактов, чтобы получить наиболее подробное представление об их языковой и речевой биографии.

2.2. Результаты анкетирования

Одним из первых этапов работы, как уже было отмечено, стало проведение анкетирования родственников пациентов с афазией с целью получения первичных данных для дальнейшей типизации групп пациентов на основе фактов их языковой биографии.

Анкетирование проводилось в центре нейрореабилитации «Федерального Сибирского научно-клинического центра Федерального медико-биологического агентства» (далее – ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России). Всего в опросе приняли участие 18 родственников такого же числа пациентов. Пациенты: 7 женщин и 11 мужчин, в основном, с афферентной и эфферентной моторной афазией. Средний возраст мужчин, больных афазией составил 51 год, женщин – 58 лет.

Анкета включает два блока вопросов: сведения о пациенте и информация о его языковой биографии. Респондентам (родственникам) было необходимо предоставить информацию не только о поле, возрасте, месте рождения, образовании, специальности и профессии пациента, но и его хобби (результаты отображены в таблице 1), поскольку, как отмечает Ю.Г. Максимов, жизненные

ценности неразрывно связаны с хобби-деятельностью, в которой индивид познает окружающий мир [Максимов, 2017].

Данные факты являются важными для изучения языковой биографии, т.к. она находится в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением и системой ценностей человека.

В результате чего было принято решение включить в анкету вопросы, позволяющие получить информацию не только о языковой биографии, но и об образовании, специальности, профессии и хобби пациента.

Таблица 1– Общие сведения о пациентах (по результатам анкетирования родственников)

Пациенты - мужчины		Пациенты-женщины	
	Сведения		Сведения
5	Получили средне-специальное образование	9	Получили средне-специальное образование
5	Получили высшее образование		Получил высшее образование
4	Имеют рабочие профессии	8	Являются обслуживающим персоналом
0	Хобби – охота, рыбалка, машины и их ремонт	7	Хобби – рукоделие и садоводство

Как видно из таблицы (табл.1), большинство получило средне-специальное образование. Мужчины имеют рабочие профессии, например, крановщик, кочегар, электрик, мастер по ремонту квартир. Однако следует отметить, что наиболее частотной является профессия водителя. Среди профессий женщин встречаются пекарь, медсестра, фельдшер, продавец, т.е. работники сферы обслуживания.

Наиболее распространенным хобби у мужчин является охота, рыбалка, машины и их ремонт; у женщин – рукоделие и садоводство.

Второй блок (о языковой биографии) содержит следующие вопросы:

1. Какие языки были распространены в родительском доме и в родном населённом пункте?
2. На каком языке / языках разговаривал пациент в семье до травмы?
3. Какие языки изучались в учебном заведении? Использовал ли пациент данные языки после обучения? (Результаты отображены в таблице 2).

Таблица 2 – Информация о ЯБ пациентов (по результатам анкетирования родственников)

%	Сведения о языках пациентов
98	Говорили в родительском доме и в родном населённом пункте на русском языке
100	Разговаривали на русском языке в семье до травмы
57	Учили английский язык в учебном заведении
42	Учили немецкий язык в учебном заведении
1	Учил латинский язык в учебном заведении
2	Использовали иностранные языки после обучения

Как показывает таблица, все пациенты разговаривали в семье на русском языке. Однако следует отметить, что в родительском доме и в родном населённом пункте 2% говорило не только на русском, но и на татарском и молдавском языках. Большинство больных учили английский и немецкий языки в учебных заведениях, исключением является врач-онколог 28 лет, который изучал помимо английского языка латинский. Следует отметить, что только двое пациентов использовали иностранные языки после обучения (врач-онколог – латинский и диспетчер полетов – английский).

Кроме того, во второй блок (о языковой биографии) были включены такие вопросы, как:

1. С текстами какого рода приходилось сталкиваться (читать, писать, знакомиться) пациенту?

2. Какие особенности речи пациента Вы можете отметить в дошкольный, школьный периоды, во время получения профессионального образования и работы (например, любимые «словечки» и фразы, темп речи)?

3. Сохранились ли данные особенности после болезни? Если да, приведите примеры.

4. Какие слова, выражения часто использовались пациентом в эмоциональной ситуации до травмы? Запишите примеры (даже если они не очень «приличные»).

5. Использует ли он их после болезни? Если да, то какие?

6. Можете ли Вы назвать любимые стихи, песни, книги пациента?

7. Вспомните выражения, фразы из них, которые пациент часто вставлял в речь.

8. Сохранились ли они в речи пациента после болезни? Если да, то какие? (Результаты отображены в таблице 3).

Таблица 3 – Сведения о речевых особенностях пациентов (по результатам анкетирования родственников)

%	Сведения о речевых особенностях пациентов
61	Сталкивались с деловыми текстами
39	Читали художественную литературу
97	Предпочитают старые песни
12	Употребляли в речи фразы из любимых произведений и песен
98	Использовали в речи обценную (ненормативную) лексику, просторечие и жаргон до болезни
98	Продолжили употреблять обценную лексику после болезни

Как видно из таблицы (табл.3), тексты, с которыми пациенты чаще всего сталкивались – это деловые, например, отчеты, накладные и художественные

(«Три мушкетера», «Мастер и Маргарита», произведения А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, «Властелин колец»). Большинство пациентов предпочитает старые песни, из них 36% – на стихи В. Высоцкого. Хотя 12% родственников указало в анкетах, что их близкие употребляли в своей речи излюбленные выражения из этих произведений, привести примеры им не удалось.

Кроме того, следует отметить, что только родственники пациентов, получивших высшее образование, смогли указать их речевые особенности, главным образом во время профессиональной деятельности: у большинства данных пациентов до болезни речь характеризовалась быстрым темпом, четкой артикуляцией, грамотностью и богатым словарным запасом.

Помимо этого, согласно результатам анкетирования, почти все пациенты с афазией в эмоциональных ситуациях употребляли обценную (ненормативную) лексику, просторечные лексические единицы и жаргонизмы, например, «охренеть, пипец, капец, в ауте».

Однако употребляется данная лексика не только в эмоциональных ситуациях. Например, было установлено, что одна пациентка (врач-онколог) начала использовать обценную лексику во время профессионального обучения и продолжила ее употреблять в своей обыденной речи после получения образования, независимо от того, является ситуация стрессовой или нет.

Также, согласно результатам анкетирования, только пациентки в эмоциональных ситуациях помимо обценной лексики используют грубые просторечные слова и жаргонизмы, в то время как пациенты-мужчины предпочитают исключительно ненормативные выражения.

Следует отметить, что в результате болезни пациенты утрачивают большинство речевых особенностей, за исключением употребления обценной лексики, грубых просторечных выражений и жаргонизмов. Это указывает на то, что эмоционально-окрашенные слова сохраняются на подсознательном уровне человека.

Таким образом, в результате анкетирования мы получили описание нескольких целевых групп пациентов по их социальным характеристикам и

общности черт языковой биографий. Был сделан вывод о том, что одними из важнейших факторов, определяющих речевую рецепцию и продукцию пациентов в преморбиде (т.е. до наступления болезни), являются профессиональная деятельность и культурная среда поколения. Речевой константой, не зависящей от языковой биографии, является употребление обценной лексики в эмоционально-насыщенных ситуациях.

Помимо этого, анкетирование показало, что в текущем виде опросник не позволяет получить исчерпывающие данные о пациентах, которые можно было бы использовать в процессе речевой реабилитации: большинство родственников не смогли указать речевые особенности пациентов в разные периоды жизни: конкретные примеры излюбленных фраз, реплик, поговорок и присказок. В качестве причины можно указать три фактора: 1) стрессовое состояние респондентов из-за болезни их родственника; 2) отсутствие тесных межличностных связей между респондентом и его родственником-пациентом; 3) нежелание респондента «потерять социальное лицо» (отказ фиксировать порицаемые социумом речевые формы, употребляемые родственником-пациентом) [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Тем не менее анкетирование позволило нам получить необходимые метаданные (информацию о возрасте, образовании, профессии пациентов) для формирования целевых групп здоровых людей для их дальнейшего интервьюирования с целью моделирования вокабуляров, которые в некоторой степени отражали бы реальный ментальный лексикон групп риска [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020]:

1) группа № 1: мужчины, русские, жители Красноярского края, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, рабочая профессия, увлекающиеся охотой, рыбалкой, ремонтом автомашин; монолингвы, изучавшие иные языки только в школе; объектом речевой рецепции являются советские песни, песни и поэзия В. Высоцкого, приключенческие романы и романы в жанре «фэнтези»; речевая продукция – деловая документация, накладные; ведущий регистр в течение последних лет – просторечие, профессиональное общение;

2) группа № 2: мужчины, русские, жители Красноярского края, от 28 до 49 лет, высшее образование, служащие, хобби – компьютерные игры, просмотр фильмов, монолингвы, использующие иногда иностранные языки в работе или в личной жизни; объект речевой рецепции – массмедийные тексты, преимущественно в электронных СМИ; речевая продукция – деловая документация; ведущий регистр – разговорная речь, профессиональное общение;

3) группа № 3: женщины, русские, жительницы Красноярского края, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, работают в сфере обслуживания, увлекаются рукоделием, садоводством; монолингвы, изучавшие иные языки только в школе; объектом речевой рецепции являются советские песни, песни и поэзия В. Высоцкого, приключенческие романы и романы в жанре «фэнтези»; речевая продукция – деловая документация, накладные; ведущий регистр в течение последних лет – просторечие, профессиональное общение;

4) группа № 4: женщины, русские, жительницы Красноярского края, от 28 до 55 лет, высшее образование, служащие, без выраженного хобби, монолингвы, использующие иногда иностранные языки в работе или в личной жизни, объект речевой рецепции – массмедийные тексты в электронных СМИ; речевая продукция – деловая документация; ведущий регистр – разговорная речь, профессиональное общение.

Выделение данных целевых групп, в свою очередь, позволит нам разработать более персонализированный комплекс упражнений для пациентов с афазией.

2.3. Результаты интервьюирования мужчин со средним специальным образованием и рабочей профессией

На втором этапе работы внимание было сосредоточено на двух целевых группах: мужчинах со средним специальным образованием, с рабочей

профессией (группа 1 в предыдущем параграфе (п. 2.2)) и женщинах со средним специальным образованием, работающих в сфере обслуживания (группа 3 в предыдущем параграфе (п.2.2.)).

В данном параграфе представлены результаты интервьюирования мужчин со средним специальным образованием.

Так, были взяты интервью у 20 мужчин, монолингвов, со средним специальным образованием, рабочей профессией, средний возраст которых составил 52 года. Предварительно они были предупреждены о том, что беседа будет записана.

Используя метод структурированного интервью, мы включили в него, также, как и в анкету, два блока вопросов: сведения о респонденте и информацию о его ЯБ. Помимо это, в процессе интервью информантам были заданы вопросы «о жизни» для того, чтобы они смогли реализовать модели своего типичного речевого поведения. Что позволило нам получить персонотекст, текст, в котором реализуются креативный потенциал языковой системы и лингвокреативный потенциал языковой личности [Мельник, 2011].

По результатам ответов на вопросы первого блока в данной группе можно отметить представителей следующих профессий: сварщика, слесаря, водителя, машиниста котла, крановщика, плотника, строительного геодезиста, электрика, мастера по изготовлению ключей и ремонту часов, охранника, сантехника и мерчендайзера [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Наиболее распространенным хобби респондентов оказались: работа на даче, охота, рыбалка, строительство и ремонт машин, просмотр телепередач. Выяснилось, что перечисленные виды деятельности могут менять специфику вокабуляра респондентов и оказывать влияния на продукцию их речи, так как в созданных в результате обработки скриптов интервью списках частотных слов отразились некоторые из перечисленных видов деятельности («рыбалка», «телевизор», «фильм», «машина») [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Второй блок (о языковой биографии) содержит следующие вопросы: *Какие языки были распространены в родительском доме? Какие языки*

изучались в учебном заведении? Использует ли респондент данные языки после обучения? Как и какие языки используются интервьюентом сейчас дома и на работе?

Согласно полученным результатам, все респонденты разговаривают в семье и на работе на русском языке; 36% из них учили английский язык в учебных заведениях, 46% – немецкий. Несмотря на это, после окончания учебного заведения интервьюенты не использовали данные языки [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Помимо английского и немецкого языков, 18% респондентов учили языки ближнего зарубежья, так как проживали на соответствующих национальных территориях: башкирский, украинский, казахский и киргизский. В настоящее время интервьюенты помнят только несколько слов из данных языков, преимущественно, названия продуктов питания [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Также во второй блок интервью (о языковой биографии) были включены такие вопросы, как: *Помнит ли респондент какие-то фразы, поговорки, услышанные в детстве? Пользуется ли он ими сейчас во взрослой жизни? С текстами какого рода приходилось сталкиваться (читать, писать) интервьюенту раньше и сейчас? Разговаривает ли он дома, как на работе? Использует ли профессиональные слова в обычной речи? Какие? Может ли респондент назвать любимые стихи, песни, книги, фильмы? Использует ли он выражения, фразы из них в речи? Какие особенности своей речи (речевые ошибки, любимые «словечки» и фразы, темп речи) интервьюент может отметить в разные периоды своей жизни, например, во время получения профессионального образования и работы?*

На основе полученных ответов нами был составлен общий социолингвистический портрет выбранной целевой группы, включающий в себя данные о письменно-речевой продукции и рецепции, горизонте прецедентности и ведущем коммуникативном регистре респондентов.

2.3.1. Особенности письменно-речевой рецепции и продукции представителей целевой группы

Понятие рецепции начинает рассматриваться с 60-х гг. XX в., и в настоящий момент «рецептивный подход заключается в том, что произведение рассматривается не как сама по себе существующая художественная ценность, а как компонент системы, в которой оно находится во взаимодействии с реципиентом» [Мельникова, 2012, с. 239].

При этом у каждого реципиента свое восприятие текста, которое зависит от его индивидуально-психологических и социально-исторических характеристик [Усманов, 2000].

Согласно Н.А. Рубакину, для того чтобы читатель лучше понимал содержание текста, необходимо, чтобы психический тип произведения (ее автора) совпадал с психическим типом читателя. Кроме того, это значительно экономит время для понимания содержания текста. Если же их психический тип не совпадает, это может существенно осложнить усвоение произведения, поскольку требует от читателя больше времени и усилий [Рубакин, 2006].

В связи с чем данный факт важно учитывать при подготовке текстов для речевой реабилитации пациентов с афазией, в рамках которой им приходится читать и пересказывать текст, и подбирать исключительно такие источники, которые соответствуют предпочтениям пациентов до болезни, поскольку это может упростить усвоение прочитанного и помочь ускорить процесс речевого восстановления.

Полученные данные в ходе интервью позволили выделить жанрово-тематические группы, составляющие горизонт письменно-речевой рецепции целевой группы:

- 1) сакральные тексты – священные тексты, содержащие в себе информацию о многовековом опыте человеческого бытия [Иванова, 2009] (*Библия, Коран*);

2) популярные общественно-политические газеты, интернет-издания («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Комсомолец», интернет-издания/статьи);

3) художественная литература («Три мушкетера», «Мастер и Маргарита», «Война и мир», произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, романы «Даурия», «Забайкальцы», книги о войне: «Они сражались за Родину», «Битва за Берлин»; Братья Стругацкие («Понедельник начинается в субботу»), А. Толстой («Гиперболоид инженера Гарина»));

4) научно-популярная литература, рассказывающая о достижениях науки людям, которые не посвящены в тайны и достижения науки [Романов, 2015] (Журналы «Наука и жизнь», «Техника – молодёжи»).

Как показали результаты интервью, тип предпочтительных для чтения текстов изменяется в зависимости от этапа жизни респондентов. Многие выделяют отдельно книги, тексты, которые читали «раньше» и «сейчас» (результаты представлены в диаграммах 1 и 2).

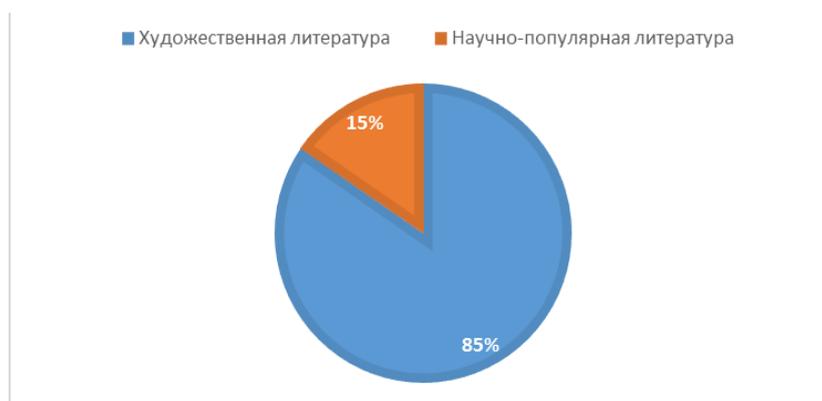
Диаграмма 1– Опыт письменно-речевой рецепции респондентов - мужчин в настоящее время

Как видно из диаграммы 1, в настоящее время интервьюенты в основном читают газеты (44%) и массмедийные тексты в электронных СМИ (22%), и

только 17% респондентов – художественную литературу [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Диаграмма 2 – Опыт письменно-речевой рецепции респондентов - мужчин в прошлом

Однако в молодости, согласно результатам опроса, интервьюенты отдавали предпочтение именно художественной литературе (диаграмма 2) [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Данные виды письменно-речевой рецепции обладают рядом особенностей, в связи с чем необходимо подробнее их рассмотреть для того, чтобы учесть характеристики данных текстов при подготовке материалов для речевой реабилитации.

Так, для лингвистического анализа были выбраны источники, которым респонденты отдавали предпочтение в молодости (художественная литература, чаще всего интервьюенты называли историко-приключенческий роман «Три мушкетера») и в настоящий момент (общественно-политические газеты и массмедийные тексты в электронных СМИ).

Пример художественного текста, характерного для типичной письменно-речевой рецепции мужчин со средним специальным образованием и рабочей профессией в молодости:

1) *В те времена такие волнения были явлением обычным, и редкий день тот или иной город не мог занести в свои летописи подобное событие.* 2)

Знатные господа сражались друг с другом; король воевал с кардиналом; испанцы вели войну с королем. 3) Но, кроме этой борьбы — то глухой, то явной, то тайной, то открытой, — были еще и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги, воевавшие со всеми. 4) Горожане вооружались против воров, против бродяг, против слуг, нередко — против владетельных вельмож, время от времени — против короля, но против кардинала или испанцев — никогда. 5) Именно в силу этой закоренелой привычки в вышеупомянутый первый понедельник апреля 1625 года горожане, услышав шум и не узрев ни желто-красных значков, ни ливрей слуг герцога Ришелье, устремились к гостинице «Вольный Мельник» [Дюма, 1844, с. 11].

Ведущей темой данного текста являются городские восстания, микротемами – классовая борьба, война с Испанией.

Выбранный для анализа отрывок, взятый из художественного произведения, представляет собой повествование, так как рассказывает о происходящих городских событиях, связанных с внутрисословной борьбой.

Предложения в тексте соединены локальной связностью [Баранова, 2015]: предложения 2 и 3 связаны заменой существительного *война* существительным «борьба»; предложения 4 и 5 связываются повторами существительного «горожане». Кроме того, все предложения соединяются глобальной связностью через ключевые слова, выделенные при помощи корпусного менеджера Sketch Engine (*волнения, борьба, вооружаться, воевавшие, знатные господа, король, кардинал, испанцы, война, нищие, гугеноты, бродяги, слуги, горожане*), которые тематически и концептуально объединяют текст и его фрагменты.

Помимо этого, текст характеризуется такой морфологической особенностью, как насыщенность глаголами в прошедшем времени, чтобы подчеркнуть динамичность событий в прошлом (происходящих городских восстаний).

Кроме того, в отрывке можно отметить употребление большого количества лексики на военную тематику (*волнения, война, борьба, сражаться, воевать, вооружаться, воевавший*) и стилистических средств: определений

(обычный, редкий, подобный, знатный, глухой, явный, тайный, воевавший, владетельный, закоренелый, желто-красный), антитезы (борьбы — то глухой, то явной, то тайной, то открытой), градации (и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги; против воров, против бродяг, против слуг, нередко — против владетельных вельмож, время от времени — против короля) и повторов предлога «против» и союза «то» (**против** воров, **против** бродяг, **против** слуг, нередко — **против** владетельных вельмож, время от времени — **против** короля; **то** глухой, **то** явной, **то** тайной, **то** открытой).

Что касается синтаксических особенностей данного отрывка, то наиболее частотными предложениями являются сложносочиненные, средняя длина которых составляет 24 слова. Кроме того, встречаются предложения с причастным и деепричастным оборотами (слуги, воевавшие со всеми; горожане, услышав шум и не узрев ни желто-красных значков).

Таким образом, анализ выбранного отрывка из романа «Три мушкетера» показывает, что данный текст характеризуется композиционной, структурной, лексической и синтаксической сложностью. Такая сложность объясняется эстетической функцией художественного стиля, а именно стремлением представить явления действительности в конкретно-чувственных формах образов [Винокур, 1991].

Пример массмедийного текста из электронных СМИ, типичного для письменно-речевой рецепции мужчин со средним специальным образованием и рабочей профессией в настоящий момент

1) 7 сентября в полицию Красноярска обратилась женщина с просьбой найти ее 73-летнюю мать. 2)Пенсионерка около 10 часов утра ушла в лес за грибами и не вернулась. 3)Ее внучка рассказала, что в лес она пошла с соседкой. 4)Сначала женщины видели друг друга и перекрикивались, но затем бабушка пропала. 5)Соседка сначала ничего не сказала родственникам, поиски начались только спустя 7 часов.

6)В полиции рассказали, что до пенсионерки удалось дозвониться. 7)Полицейские «засекли» местоположение телефона и попросили

бабушку никуда не уходит с места, но она не послушалась, поиски продолжаются до сих пор [Городской портал: [сайт]. URL: <http://gorodskoyportal.ru/krasnoyarsk/news/news/56681299/>].

Ведущая тема данного текста – пропажа пожилой женщины в лесу, микротемой является поиск данной женщины. Тип данного текста – повествование, поскольку он рассказывает о происходящих событиях, связанных с пропажей женщины.

Анализируемый текст принадлежит к публицистическому стилю, поскольку является газетной статьей, а также характеризуется рядом особенностей, свойственных данному стилю, среди которых можно отметить логичность: указание времени (*около 10 часов, спустя 7 часов*), деятелей (*женщина, пенсионерка, соседка, внучка, полицейские*), использование наречий последовательности (*сначала, затем*).

Кроме того, предложения в тексте соединены локальной связностью: например, предложения 1–3, 6 и 7 связаны заменой существительного «мать» существительными «пенсионерка», «бабушка» и местоимением «она»; предложения 3 и 4 – заменой местоимения «она» и существительного «соседка» существительным «женщины»; а также глобальной связностью через ключевые слова (*полиция, пенсионерка, лес, соседка, поиски*).

Помимо этого, текст характеризуется такими морфологическими особенностями, как употребление родительного падежа: *полицию Красноярска, до пенсионерки, местоположение телефона, с места*; а также преобладание форм прошедшего времени глаголов совершенного вида: *обратилась, ушла, не вернулась, рассказала, пошла, видели, перекрикивались, пропала, не сказала, начались, удалось, засекли, попросили, не послушалась*.

Кроме того, текст данной статьи отличается лаконичностью и стилистической нейтральностью, т.к. можно отметить незначительное употребление стилистически маркированных языковых средств (определение «*73-летнюю*» и сленгизм «*засечь*» в значении 'обнаружить').

Также следует отметить, что лапидарность данного текста выражается не только в употреблении сравнительно небольшого количества языковых средств, но и синтаксически: несмотря на то, что предложения в статье являются сложносочиненными и сложноподчиненными, в них отсутствуют обособленные обороты, а средняя длина предложений составляет всего 12 слов.

В свою очередь, лаконичность является важной особенностью публицистического текста, поскольку его основная функция заключается не только в информировании читателей о положении дел, но и оперативное воздействие на аудиторию [Ляпун, 2011; Щелкунова, 2004].

Таким образом, проведенный лингвистический анализ текста показывает, что в настоящее время интервьюенты отдают предпочтение новостным статьям, отличающимся меньшей композиционной, структурной, лексической и синтаксической сложностью.

В связи с чем данный факт важно учитывать при подготовке текстов для речевой реабилитации пациентов с афазией, чтобы ускорить процесс речевого восстановления, поскольку как уже было сказано, для лучшего усвоения, прочитанного источники должны соответствовать психическому типу читателя, его предпочтениям. Однако в настоящий момент в реабилитационной работе логопеды используют произведения художественной литературы (М.М. Пришвина, Л.Н. Толстого, К.Г. Паустовского) [Шохор-Троцкая, 2006], которые представители данной группы уже не читают. Типичным примером является нижеследующий текст:

«Золотой луг» по М.М. Пришвину

Мы жили в деревне. Перед окном у нас был луг. На лугу росли одуванчики, и луг был весь золотой. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг золотой!»

Один раз я рано встал удить рыбу. Посмотрел в окно и увидел, что луг был не золотой, а зеленый. Когда я днем шел домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я сорвал одуванчик и рассмотрел. Оказалось, что он закрылся, спрятал свои желтые

лепестки в зеленую чашечку. Когда солнце взошло, я мог видеть, как одуванчики раскрываются, и как дуг становится опять золотым.

Какие интересные цветы одуванчики: они вечером ложатся спать, а утром встают [Шохор-Троцкая, 2006, с. 250].

Данный текст, предлагаемый в методических материалах для речевой реабилитации, также, как и проанализированный образец массмедийного текста электронных СМИ, характерный для реальной письменно-речевой рецепции представителей анализируемой целевой группы, отличается синтаксической простотой: большое количество предложений, которые являются преимущественно простыми, неосложненными обособленными оборотами, хотя сложносочиненные и сложноподчиненные предложения все-таки встречаются. Средняя длина предложений составляет всего 7 слов.

Однако, несмотря на синтаксическую простоту, данный рассказ характеризуется большим количеством повторов таких слов, как «*дуг*», «*золотой*», «*красиво*», «*зеленый*», «*одуванчик*», что делает текст монотонным и рассеивает внимание. Кроме того, текст не отличается динамичностью сюжета, в связи с чем, читателю сложно запомнить события, о которых повествует данное произведение. В свою очередь, новостные статьи, которые читают в настоящее время респонденты характеризуются быстрым развитием сюжетной линии.

Таким образом, целесообразно на начальном этапе речевой реабилитации выбирать для пациентов тексты, близкие к их предпочтениям в настоящий момент (новостные статьи), поскольку они наиболее соответствуют их психотипу по Н.А. Рубакину, и лишь на более поздних этапах восстановительного лечения использовать произведения художественной литературы, которые представители рассматриваемой группы читали в молодости. Кроме того, новостные статьи отличаются простотой, т. е. меньшей композиционной, структурной, лексической и синтаксической сложностью по сравнению с произведениями художественной литературы, прочитанными

респондентами данной группы ранее, что также может помочь облегчить процесс речевой реабилитации на первом этапе лечения.

Что касается письменно-речевой продукции, то большинство респондентов в повседневной жизни практически не сталкиваются с необходимостью продуцировать письменный текст. Как правило, интервьюенты имеют дело только с образцами деловой документации: рапорты, заявления на отпуск, заявления о приеме на работу, объяснительные и заявления на отгул, поэтому в силу специфики письменно-речевой продукции было принято решение не включать данные виды документации в комплекс упражнений для речевой реабилитации пациентов с афазией [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

2.3.2. Горизонт прецедентности и профессиональная деятельность как элементы речевой биографии представителей целевой группы

Согласно исследователям, языковая личность характеризуется своим собственным индивидуальным когнитивным пространством, т. е. структурированной совокупностью знаний и представлений [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997; Красных, 1997а; Красных, 1997б].

В свою очередь, индивидуальное когнитивное пространство представляет собой [Красных, 1997]:

1. Коллективные когнитивные пространства – определённым образом структурированные совокупности знаний и представлений социумов, куда входит языковая личность. Ядерными элементами когнитивного пространства являются культурные феномены.

2. Когнитивную базу национально-лингвокультурного сообщества – определённым образом структурированную совокупность знаний и представлений национально-лингво-культурного сообщества, в которое входит языковая личность. Ядерными элементами когнитивной базы выступают прецедентные феномены.

Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаева выделяют такие виды прецедентных феноменов, как:

1. Прецедентные ситуации – эталонные ситуации, которые связаны «...с конкретными коннотациями, различные признаки которых входят в когнитивную базу (например, Смутное время) ...» [Красных, 2002, с. 47];

2. Прецедентные тексты – «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216]. К прецедентным текстам относятся произведения художественной литературы (например, «Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т.д. [Красных, 2002, с. 47].

3. Прецедентные имена – индивидуальные имена, связанные «...или с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени...» [Красных, 2002, с. 48].

4. Прецедентные высказывания – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание... (например, Не спится, няня! Кто виноват? Что делать? Ждем-с!), а также пословицы (например, Тише едешь – дальше будешь)» [Красных, 2002, с. 48 – 49].

Таким образом, каждая языковая личность обладает своим объемом индивидуального когнитивного пространства в зависимости от знаний и представлений социумов и национально-лингво-культурного сообщества, в которые входит данная языковая личность, а, следовательно, и своим горизонтом прецедентности, формируемым совокупностью прецедентных феноменов, входящим в индивидуальное когнитивное пространство личности.

Полученные в результате работы с интервью данные показывают, что речь респондентов выделенной группы характеризуется активным использованием фразеологизмов и коллоквиализмов, пословиц и поговорок, прецедентных высказываний из фильмов, книг, стихотворений, песен, которые они используют в повседневной жизни (результаты представлены в таблице 5).

Таблица 5 – Примеры прецедентных феноменов в речи респондентов - мужчин

Примеры прецедентных феноменов в речи респондентов	
Поговорки, пословицы, народная фразеологические сочетания	«Мал золотник, да дорог», «Не плачь куплю калач, будешь плакать, куплю лапоть», «Кто шагает дружно в ряд? Пионерский наш отряд!», «Смесь бульдога с носорогом», «Враг, анчутка», «От чего казак гладок? Поел да на бок», «Военная тайна», «Горбатого могила исправит», «Шило в мешке не утаишь», «Насильно мил не будешь»
Прецедентные высказывания из песен, стихов, книг, фильмов	«Вор должен сидеть в тюрьме!»; «Тебя посадят, а ты не воруй!»; «Кушать подано, садитесь жрать!»; «Не задави рыбку!»; «Мы все пропьем, но флот не посрамим!»; «Учиться, учиться и еще раз учиться»

Данные высказывания выступают символами прецедентных текстов, самими прецедентными текстами или высказываниями, которые формируют культурный фонд определенного социума [Караулов, 1987; Красных, 1997]. Поскольку, как отмечают Т.В. Хвесько, О.В. Нагель и Н.Ю. Басуева, «особенности культуры народа, его истории, народные представления о тех или иных традициях и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира наиболее ярко отражены в идиомах и фразеологизмах» [Хвесько, Нагель, Басуева, 2021, с. 87].

Следует отметить, что значительная часть фразеологизмов, пословиц и поговорок была усвоена респондентами в детском возрасте, в процессе коммуникации со старшими членами семьи и представляет собой продукт «речевого донорства» [Штейнердт, 2012].

Например, информант И. (крановщик, 79 лет) отмечает: *«Вот корову надо в стадо и домой. Мать кричит: «Ванька, враг-анчутка, корову пригони». Вот, «враг-Анчутка» помню»;* респондент А. (водитель, 56 лет) вспоминает: *««Мал золотник, да дорог», допустим. «Не плачь куплю калач, будешь плакать, куплю лапоть». Мать любила говорить».*

Источником выявленных прецедентных высказываний являются советские прецедентные тексты, среди которых кинофильмы («Джентльмены удачи», «Берегись автомобиля», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Место встречи изменить нельзя»), стихи (В. Высоцкого, Ю. Визбора), а также песни на данные стихи.

Поскольку данные высказывания выступают символами прецедентных текстов, формирующими культурный фонд определенного социума, они также должны быть включены в комплекс речевой реабилитации пациентов с афазией. Кроме того, важность включения прецедентных высказываний в речевую реабилитацию объясняется тем, что на первых этапах восстановительного лечения прецедентные высказывания используются логопедами в качестве автоматизмов, активизирующих непроизвольные уровни речевой деятельности. Помимо этого, автоматизмы выполняют ряд таких важных функций, как эмоционально-экспрессивную, коммуникативную, метакогнитивную (регулирующую собственную когнитивную деятельность) и психологическую («проговаривание» травмы) [Колмогорова, 2018].

Следует отметить, что некоторые информанты артикулировали не оригинальные формулировки прецедентных высказываний, а их вольные трактовки. Например, вместо «Вор должен сидеть в тюрьме» респонденты говорили: *«Вор ты, говорит, а воры должны сидеть в тюрьме»; «А-то ты ворешь, тебя посадят, а ты не воруй»; вместо «Кто шагает дружно в ряд?»*

Пионерский наш отряд!» – «Это кто идет дружно в ряд? Это пионерский наш отряд»; вместо «Не задави рыбку» – «Не задави птичку, а то еще на рыбку наедешь».

Мы полагаем, что данную тенденцию к изменению структуры оригинальной фразы, ее потенциальную вариабельность необходимо учитывать при оценке успешности результатов речевой реабилитации пациентов с афазией из той же целевой группы.

Помимо вышеуказанных особенностей, также было отмечено, что речь респондентов богата профессиональной лексикой.

В связи с чем, необходимо рассмотреть особенности, в которых раскрывается профессиональная языковая личность, представляющая собой «совокупность интеллектуальных, социально- культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отражённых в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова, 2010, с. 263].

В качестве таких особенностей выступают производимые профессиональной языковой личностью языковые и речевые единицы и целостные тексты, своеобразие профессионального дискурса, который подчинен целям и задачам профессиональной деятельности [Голованова, 2010].

Среди языковых единиц можно отметить *термины* (знаки-обозначения, которые используются как элементы знаковой модели специальной области знания и деятельности в теоретической среде), *профессионализмы* (знаки специального понятия, создающиеся и функционирующие преимущественно в практической среде, в устной сфере коммуникации; метафорический перенос значений слов бытовой лексики на терминологические понятия) [Голованова, 2008; Давыдова, Филимонова, 2013].

Полученные в рамках интервью результаты показывают, что все респонденты используют общеупотребительную лексику, описывающую профессиональные действия («изготовление ключей», «заточка инструмента»), а также профессиональную лексику (например, термины «майна», «вира»,

«сварка», «программатор», «подшипники» и профессионализмы – «дробилка», «сдать пост», «принять пост» [Ожегов, 2015; Ушаков, 2013]) при исполнении должностных обязанностей (результаты представлены в таблице 6). При этом два информанта, крановщики по профессии, употребляют профессиональные термины «майна», «вира» в обычной речи вместо «опускать, поднимать, ложиться, вставать»:

6) *«Ну, когда на кране работал, бывает, что «вира» – подъем на своё дочь кричу. Она встает тогда. «Майна», значит, ложится.»;*

7) *«Ну, я, это самое, два слова только говорил «вира», это значит, надо натянуть тросы кверху, каменщику подаю, он принимает. «Майна», значит вниз, зацепил поддон и вниз. Ну, и дома часто их говорил, когда надо было поднять и опустить чё-нибудь».*

Таблица 6 – Примеры профессиональной лексики, употребляемой респондентами - мужчинами

Примеры профессиональной лексики, употребляемой респондентами	
Профессиональные термины	сварка, мешалка, транспортер, башенный кран, трос, редуктор, майна, вира, станки, подшипники, рапорт, программатор, анкерная вилка, электрооборудование подвижного состава, крепильщик
Профессионализмы	дробилка, сдать пост, принять пост
Общепотребительная лексика, описывающая профессиональные действия	изготовление ключей, заточка инструмента, копировать ключи

Незначительное количество респондентов, использующих в обычной речи профессиональные термины, можно объяснить спецификой профессий. Как отмечают исследователи, степень влияния профессиональной деятельности зависит от степени вовлеченности профессионала в речевое общение. Существуют «профессии с повышенной речевой ответственностью: например, учителя, преподаватели, ораторы-профессионалы и многие другие, использующие голос в качестве своего основного «орудия производства». Речь представителей данных профессий может оставаться профессионально

маркированной, даже когда ситуация не предполагает исполнения ими профессиональных обязанностей [Анашкина, 1998, с. 47].

Однако профессии мужчин, с которыми мы столкнулись в рамках нашего исследования, не характеризуются повышенной речевой ответственностью, так как их работа связана с физическим трудом и не подразумевает длительного общения с людьми в течение рабочего дня [Лямзина, 2020б].

Тем не менее, несмотря на этот факт, профессиональную лексику необходимо включить в речевую реабилитационную программу, поскольку, во-первых, профессиональная лексика выступает частью вербально-семантического уровня языковой личности, во-вторых, у некоторых представителей рассматриваемых групп профессия все же оказывает влияние на языковую биографию, в-третьих, как отмечает М. Критчли, при афазии объектом персеверации (застревания на одном слогe) являются слова, чаще всего, глаголы, связанные с профессиональной деятельностью [Критчли, 1974]. В связи с чем, для решения данной проблемы данные слова также следует включить в речевую реабилитацию, но на более поздних этапах восстановительного лечения.

2.3.3. Типичный вокабуляр представителей целевой группы

В рамках Саратовской лингвоперсонологической школы Ольгой Борисовной Сиротининой разработана теория типов речевой культуры носителя языка. Так, О.Б. Сиротинина выделяет следующие типы речевой культуры:

- 1) элитарный;
- 2) среднелитературный;
- 3) литературно-разговорный;
- 4) фамильярно-разговорный;
- 5) жаргонный;
- 6) просторечный

7) просторечный [Сиротина, 1995].

Наиболее распространенным типом речевой культуры среди выделенной группы респондентов (мужчин со средним специальным образованием и рабочей специальностью) является фамиллярно-разговорный тип речевой культуры, поскольку, как отмечают исследователи, можно отметить ряд параметров, свойственных данному типу культуры: среднее, профессиональное среднее, средне-техническое, высшее техническое образование; владение только разговорной системой общения в любой обстановке; небольшой словарный запас; сбивчивость, нелогичность речи; речь ориентирована только на диалогическую форму; неспособность читать длинные тексты любого жанра, предпочтение кроссвордов, газет с анекдотами и короткими иллюстрированными заметками; преобладание ты-общения; повышенная громкость речи; большое количество грубых слов, просторечных элементов и жаргонизмов в речи; экспрессия речи достигается с помощью использования категоричных оценок и сниженной лексики [Стернин, 2009].

Таким образом, одной из характеристик фамиллярно-разговорного типа речевой культуры является употребление большого количества просторечных элементов.

Ф.П. Филин определяет просторечие, как «слово, грамматическую форму или оборот устной речи, а также непринужденную простую речь, которая содержит такие слова, формы или обороты речи, употребляющиеся в литературном языке для сниженной, грубоватой характеристики предмета речи» [Филин, 1979, с. 273].

Полученные нами в ходе интервью данные показывают, что речь наших респондентов также богата просторечными словами (коллоквиализмами) и жаргонизмами, например, *черт его знает, шибко, пырхаемся, фиг его знает, цепанула меня, фигня*.

Помимо этого, в речи наших интервьюентов можно отметить определенные отклонения от нормы литературного языка и узуальной нормы. Так, например, одной из самых частых ошибок среди информантов является

неверная постановка ударения в словах: *зАвидно, звОним* и неправильное спряжение глаголов: *коваю железо, хотим*.

Также в рамках исследования нами были выявлены самые частотные словосочетания и слова, встречающиеся в речи респондентов в ходе интервью.

Для этого скрипты собранных интервью были загружены на электронную платформу корпусного менеджера Sketch Engine, позволившего создать репрезентативный корпус текстов для их дальнейшего анализа. Объем корпуса составил 11203 слова. Далее с помощью корпусного инструментария были выявлены самые частотные коллокации и слова, соотнесенные с частями речи. Примеры наиболее частотных лексических единиц представлены в таблице 6, где указанные цифры – абсолютные частоты [Лямзина, 2021].

Таблица 7 – Наиболее частотные лексические единицы и словосочетания в речи респондентов - мужчин в ходе интервью

Наиболее частотные лексические единицы и словосочетания
<u>Существительные</u>
<i>человек 55, работа 48, год 41, день 36, язык 36, время 30, школа 22, жизнь 22, раз 22, слово 20, смысл 18, книга 15, Красноярск 14, газета 13, телевизор 13, ремонт 13, детство 12, речь 11, рыбалка 11, песня 11, ремонт 10, жена 10, дом 9, профессия 9, училище 8, фильм 8, Интернет 8</i>
<u>Глаголы</u>
<i>быть 321, мочь 66, знать 58, говорить 52, читать 50, работать 35, помнить 33, разговаривать 30, сказать 29, понимать 29, нравиться 26, любить 25, бывать 22, писать 20, приходиться 16, стараться 15, получаться 15, смотреть 15, заниматься 15, начинать 14, делать 13, хотеть 13, думать 12, использовать 12, жить 12, изучать 11, слушать 10, общаться 10, учить 10, вспоминать 10, прийти 10, отдыхать 9</i>
<u>Прилагательные</u>
<i>русский 36, английский 23, рабочий 14, хороший 14, разный 9, средний 9, немецкий 9, последний 7, равный 7, новый 7, основной 6, большой 6, свободный 6, нормальный 5, целый 5, узбекский 5</i>
<u>Наречия</u>
<i>очень 66, уже 50, еще 48, вообще 25, наверно 23, конечно 21, иногда 19, надо 19, как-то 18, часто 12, немножко 11, хорошо 10, можно 10, сразу 9, обычно 9</i>
<u>Местоимения</u>
<i>я 430, это 145, тот 100, так 98, такой 97, все 86, мы 75, он 72, ты 65, этот 59, то 57,</i>

они 51, весь 35, другой 30, ничто 28, который 25, свой 20, какой 19, один 19, она 16, сам 13, мой 12, её 11, себя 10

Коллокации

рабочий день 12, русский язык 11, свободное время 5, образ жизни 5, последнее время 4, советское время 3, целый день 3

Также в процессе работы с корпусным менеджером были выявлены такие ключевые слова для нашего корпуса текстов (собранных интервью), как *арматурищик, крановщик, бетонщик, газосварщик, электрослесарь, плотник.*

В результате проведённого компонентного анализа частотных лексических единиц и ключевых слов было замечено, что в составленных списках довольно много слов, входящих в такие лексико-семантические поля, как «работа», «время», «язык», «учебное заведение», «источник информации» и «развлечение» (результаты представлены в таблице 8).

Таблица 8 – Лексико-семантические поля частотных лексических единиц и ключевых слов

	Семантическая группа	Интегральная сема
	Работа: <i>работа, профессия, арматурищик, крановщик, бетонщик, электрослесарь, газосварщик, плотник</i>	«дело», «труд», «работа», «рабочий»
	Время: <i>год, свободное время, последнее время, советское время, целый день, рабочий день</i>	«промежуток», «период»
	Язык: <i>русский, английский, немецкий, узбекский</i>	«язык»
	Учебное заведение: <i>школа, училище</i>	«учебный», «учреждение»
	Источник информации: <i>газета, книга, Интернет</i>	«издание», «информация»
	Развлечение: <i>фильм, песня, телевизор,</i>	«развлечение», «культура»

	<i>рыбалка</i>	
	Речь: <i>говорить, сказать, общаться</i>	«информация», «речь»
	Знание: <i>знать, изучать</i>	«знание», «познание»
	Деятельность: <i>работать, заниматься, делать</i>	«работа», «деятельность»

Впоследствии данные лексико-семантические поля стали тематической основой для речевых упражнений в рамках реабилитации пациентов с комплексной моторной афазией.

Кроме того, корпусный менеджер Sketch Engine позволил нам выделить наиболее частотные биграммы (последовательности слов) в полученных интервью и, тем самым, выявить обороты, которые наши респонденты используют чаще всего в своей речи. В представленных примерах указаны цифры, обозначающие абсолютную частоту: *то есть 71, как бы 51, у меня 41, я не 33, у нас 29, в основном 26, не знаю 23, не было 19, и все 19, не помню 17, может быть 17, ну да 16, не могу 15, рабочий день 14, да нет 14, не читаю 13, на работе 11, и не 8, бы не 8.*

Среди данных биграмм можно выделить значительное количество отрицательных оборотов (47%). Данную особенность можно объяснить тем, что частица «нет» находится в числе основных ментальных ценностей и относится к ряду таких важных слов русского лексикона, как «дом» и «друг» [Милованова, Нгуен, 2019].

Данные обороты также могут быть использованы в упражнениях для речевой реабилитации при афазии, поскольку, будучи частотными оборотами, употребляемыми нашими интервьюентами, входящими в группу риска, они отражают их повседневный вокабуляр.

Также при помощи корпусного менеджера Sketch Engine для поиска сложных грамматических или лексических моделей, были выявлены наиболее частотные времена глаголов, используемые нашими респондентами в процессе интервьюирования (результаты представлены в диаграмме 3).

Диаграмма 3 – Используемые респондентами - мужчинами времена

Как видно из диаграммы 3, наиболее частотным грамматическим временем, употребляемым нашими интервьюентами, является настоящее время (57%), хотя вопросы интервью касались, по большей части прошлого информантов.

Следовательно, есть основания включать на начальном этапе речевой реабилитации упражнения, актуализирующие формы глаголов настоящего времени, и лишь потом – прошедшего и будущего.

Таким образом, анализ типичного вокабуляра мужчин со средним специальным образованием и рабочей специальностью показал, что среди важнейших экстралингвистических факторов, определяющих его специфику, следует отметить, прежде всего, профессиональную деятельность, культурную среду и увлечения (хобби).

В связи с чем, можно предположить, что данные факторы оказывают влияние на языковую биографию человека.

2.3.4. Упражнения на основе полученных данных для работы с пациентами с афазией (мужчинами со средним специальным образованием и рабочей профессией)

На основе полученных данных о специфике речевой рецепции и продукции изучаемой целевой группы, ее горизонте прецедентности, ведущем коммуникативном регистре и хобби были составлены упражнения разной степени сложности для речевой реабилитации пациентов с комплексной моторной афазией средней степени, соответствующих социо-профессиональным характеристикам рассмотренной целевой группе [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020]. Выбор данного вида афазии обусловлен тем, что он чаще всего встречается в практике центра нейрореабилитации.

Также, важно отметить, что разработанный нами комплекс упражнений соответствует тематике упражнений, применяемых логопедами нейрореабилитационного центра: повседневной деятельности, хобби и профессии, а также их структуре [Шохор-Троцкая, 2006].

Так, были подготовлены упражнения, целью которых является восстановление речи при помощи автоматизмов. В качестве материала использовались пословицы, фразы из стихов, художественных произведений, фильмов и песен, встречающихся в речи интервьюентов и составляющие так называемый «горизонт прецедентности» целевой группы – систему текстов культуры, которые служат источником прецедентных феноменов, использующихся в речи (пример – упражнение 1) [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Упражнение № 1

Дополните пословицы, устойчивые выражения и фразы из фильмов подходящими словами.

1. Раз на раз не..... .
2. Терпенье и труд все..... .
3. Будешь много знать — скоро..... .
4. Не так страшен черт, как его..... .
5. Правда глаза..... .

6. Муля, не ..... меня!
7. Кушать подано. Садитесь....., пожалуйста!
8. Наши люди в булочную на такси не..... .

В заданиях (упражнения 2–5), которые направлены на восстановление навыка произношения изолированных звуков и слогов, а также расширение запаса существительных, глаголов, прилагательных и наречий, были использованы частотные лексемы, полученные на основе корпусного моделирования вокабуляра целевой группы.

Упражнение № 2

Составьте слова из слогов и букв.

бо-ра-та, ле-те-зор-ви, ло-де, мо-пись, о-м-д, хи-сти, на-же, е-щ-ь-в, га-кни, бал-ры-ка, де-не-ля, з-р-а, то-мес, мин-тер, за-фра, тель-лю-би, ние-ва-наз, вод-за.

Упражнение № 3

Дополнить начало/конец слова, опираясь на первую/последнюю его часть.

1. ма____, мес____, же____, сра____, до____, все____, ни____, реб____,
учи____, тех____, занима_____.

-шина, -яц, -шинист, -на, -мой, -зу, -ёнок, -ться, -ника, -
когда, -чка, -гда, -никум, -лице, -ть

Упражнение №4

Вставьте антоним, подходящий по смыслу к подчеркнутым словам.

1. Раньше мы часто ездили на дачу, а сейчас ...
2. Днём светит солнце, а ... луна.
3. Новый год приходит, а старый...

4. Кто-то отдыхает, а кто-то ...

Упражнение № 5

Дополните фразы, используя одно из предложенных слов.

1. (Жена/пена) Морская.../ заботливая...
2. (Дело/село) У меня к тебе важное.../Это ... было построено недавно.
3. (Дом/ром) Пираты пьют.../У каждого человека должен быть...
4. (Час/ нас) Они увидели ... издалека. / До конца фильма остался один...

Упражнения, стимулирующие речь на слух при помощи картинок и помогающие продуцировать высказывания по сюжетным картинкам (упражнения 6–7), также основываются на частотном вокабуляре и коллокациях, обусловленных ведущим регистром речи, профессиональной деятельностью и хобби представителей целевой группы.

Упражнение № 6

Ниже представлены картинки с людьми разных профессий и слова, описывающие их действия. Прочитайте данные слова и скажите, кто из людей выполняет то или иное действие.

Например, грузить вагон – Крановщик грузит вагон.

1. возить,
2. ремонтировать часы.

Рис.1

Рис.2

Упражнение №7

Рассмотрите картинки и расскажите, что делают изображенные на них люди.

Рис.3

Рис.4

Кроме того, для тренировки навыков чтения и пересказа были подготовлены тексты, жанровая и информационная специфика которых соответствует характеру привычной письменно-речевой рецепции пациентов до возникновения афазии: заметки о происшествиях, советы по уходу за садом и огородом.

Упражнение № 8

Прочитайте и перескажите текст.

В дежурную часть полиции в Братске обратилась 72-летняя жительница. Она сообщила, что неизвестный позвонил ей и представился следователем из Москвы. Мужчина сказал, что она должна получить компенсацию за некачественные лекарства, которые она купила. Для получения денег пенсионерка оплатила услуги псевдобанка, курьера и юриста, перечислив мошенникам больше миллиона рублей. После этого телефон афериста стал недоступен. Полиция ещё раз просит всех быть бдительнее.

Фрагменты упражнений, представленных в данном параграфе, прошли первый этап апробации в центре нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России по Красноярскому краю.

2.3.5. Валидация результатов применения упражнений для пациентов с афазией (мужчин со средним специальным образованием и рабочей профессией)

Для оценки эффективности применения разработанных упражнений все пациенты-мужчины, с диагнозом «комплексная моторная афазия средней степени тяжести», проходившие реабилитацию в центре нейрореабилитации ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России по Красноярскому краю в период с января по февраль 2020 года и соответствующие социо-профессиональным характеристикам представителей целевой группы (мужчины, русские, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, рабочая профессия), были разделены на две группы: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ), по 11 человек в каждой [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

В экспериментальной группе для речевой реабилитации пациентов использовались упражнения, составленные в рамках проводимого нами исследования, в контрольной – материалы, традиционно применяемые логопедами нейрореабилитационного центра [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

При поступлении и выписке пациентам необходимо пройти речевое обследование по шкале Вассермана, в которую входит 21 признак, характеризующий экспрессивную и импрессивную речь, что позволяет получить количественное подтверждение результативности курса речевой реабилитации [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Данная шкала построена таким образом, что чем меньше в речи пациента патологических девиаций по сравнению с результатами тестирования при поступлении в больницу, тем меньше баллов он получает.

Как видно из представленных данных (таблица 8), в экспериментальной группе (ЭГ) в процессе реабилитации средний показатель эффективности, представляющий собой среднее арифметическое от разности баллов до и после реабилитации у каждого пациента, выше, чем в контрольной (КГ) на 1,9 балла.

Таким образом, если за 100 % принять суммарное качественное улучшение по ЭГ и КГ, то в ЭГ она составит 60%, а в КГ – 40%, т. е. в ЭГ показатели качественного улучшения на 20% выше, чем в КГ [Колмогорова, Лямзина, Киселев, 2020].

Таблица 9

Результаты речевого обследования пациентов в ЭГ и КГ до и после проведения речевой реабилитации (мужчины)

Признак	Средний балл при поступлении		Средний балл при выписке		Количественное улучшение	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
1	2	3	4	5	6	7
1. Спонтанная и диалогическая речь	2	2,2	1,8	2	0,2	0,2
2. Повествовательная (монологическая) речь	2,2	3,8	2,2	2	0	1,8
3. Составление рассказа по сюжетной картинке	2,2	2,4	2,2	2	0	0,4
4. Аграмматизм (неспособность воспринимать и выстраивать грамматические конструкции)	2,2	2	2,2	1,6	0	0,4
5. Отраженная речь (повторение)	1,7	1,6	1,2	1,4	0,5	0,2
6. Повторение речевых рядов (серии слогов, слов, простых и сложных предложений)	2	1,8	1,7	1,4	0,3	0,4
7. Называние	1,4	1,4	1,4	1,2	0	0,2
8. Произношение речевых звуков	1,1	1	0,8	1	0,3	0
9. Усилия, напряжение в речи, запинания, дезавтоматизация речи (потеря речевого навыка без сознательного контроля)	1,8	2	1,4	1,6	0,4	0,4
10. Темп речи	2	1,6	1,7	1,6	0,3	0
11. Просодия (интонация, ритм высказывания, ударение, мелодика речи)	2	1,8	1,7	1,4	0,3	0,4

12. Вербальные парафазии (замена правильных букв и слогов)	1,7	1,8	1,7	1,2	0	0,6
13. Литеральные парафазии	2	1,8	1,5	1,4	0,5	0,4
14. Понимание ситуативной речи и словесных значений	0,7	1,2	0,7	0,6	0	0,6
15. Отношение пациента к дефекту речи	1,4	1,2	1,1	1,2	0,3	0
16. Чтение (вслух)	1,8	1,8	1,5	1,6	0,3	0,2
17. Чтение (про себя)	1,2	1,2	1,2	0,8	0	0,4
18. Чтение букв	1,4	1,6	1,4	1	0	0,6
19. Списывание	1,7	1,6	1,4	1,2	0,3	0,4
20. Письмо букв под диктовку	2,1	2,4	2	1,6	0,1	0,8
21. Письмо (самостоятельное и под диктовку)	2,5	2,6	2,5	2,4	0	0,2
Общий средний балл при поступлении		Общий средний балл при выписке		Средний показатель общей результативности курса речевой реабилитации		
КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	
36,2	36	32,2	30,1	4	5,9	
Коэффициент стандартного отклонения (показатель рассеяния значений во множестве данных относительно их математического ожидания) значений по разным видам признаков						
0,43627	0,61613	0,46507	0,43183	0,18061	0,38933	

Таким образом, в ЭГ значительное количественное улучшение отмечается по ряду признаков (столбец 7, табл.8): повествовательная (монологическая) речь (на 1,8 балла), вербальные парафазии (на 0,6 балла), понимание ситуативной речи и словесных значений (на 0,6 балла), чтение букв (на 0,6 балла) и письмо букв под диктовку (на 0,7 балла).

Кроме того, значительная разница в значениях коэффициента стандартного отклонения (0,6; 0,4; 0,3) в ЭГ показывает, что улучшение у пациентов с афазией при использовании речевых упражнений, подготовленных нами, наступает с разной скоростью по разным видам речевой деятельности: какие-то виды восстанавливаются быстрее, какие-то медленнее.

В КГ, где применяется стандартный комплекс речевых упражнений, процесс восстановления проходит более ровно, но также и более медленно: при более высоких средних значениях оценки каждого признака по шкале Вассермана (что указывает на более низкую реабилитационную эффективность), коэффициент стандартного отклонения, в двух случаях из трех, ниже, чем для ЭГ (т.е. разброс средних значений оценок по признакам шкалы меньше, чем для ЭГ).

2.4. Результаты интервьюирования целевой группы женщин (средне-специальное образование, работницы сферы обслуживания)

Как уже было сказано, на втором этапе работы внимание было сосредоточено на двух целевых группах: мужчинах со средним специальным образованием, с рабочей профессией и женщинах со средним специальным образованием, преимущественно обслуживающем персонале.

В данном параграфе рассматриваются результаты интервьюирования женщин со средним специальным образованием.

Так, было проинтервьюировано 20 женщин, монолингвов, со средним специальным образованием, работающих преимущественно в сфере обслуживания, средний возраст которых составил 58 лет. Предварительно они были предупреждены о том, что беседа записывается.

В интервью также были включены два блока вопросов: сведения о респонденте и информация о его языковой биографии.

В интервью приняли участие представители следующих профессий: официантка, воспитатель, бухгалтер, проводник поезда, медсестра, швея, бухгалтер, домохозяйка, железнодорожник и парикмахер.

Наиболее распространенным хобби респондентов оказались: работа на даче, просмотр телепередач, чтение журналов, газет и новостей в Интернете. Выяснилось, что данные виды деятельности могут изменять специфику

вокабуляра респондентов и влиять на продукцию их речи, так как в списках частотных слов, составленных после обработки скриптов интервью, отразились некоторые из перечисленных видов деятельности («журнал», «газета», «телевизор», «фильм/кино», «дача»).

Проанализировав ответы респондентов на вопросы о языковой биографии, были получены результаты, согласно которым, все интервьюенты разговаривают в семье и на работе на русском языке; 50% из них учили английский язык в учебных заведениях, 30% – немецкий и 20% – латинский. Несмотря на это, после окончания учебного заведения только один респондент (парикмахер) использует английский язык во время путешествий, и двоим интервьюентам (медсестрам) необходимо знание латинского языка на работе.

На основе полученных ответов на вопросы о речевой биографии респондентов был составлен общий социолингвистический портрет данной целевой группы, включающий в себя такие данные, как письменно-речевая продукция и рецепция, горизонт прецедентности и ведущий коммуникативный регистр респондентов.

2.4.1. Особенности письменно-речевой рецепции и продукции представительниц целевой группы

Как уже было сказано, каждый реципиент имеет свое восприятие текста, зависящее от его индивидуально-психологических и социально-исторических характеристик, и для того чтобы читатель лучше понял содержание текста, необходимо, чтобы психический тип произведения (ее автора) соответствовал психическому типу читателя. Также это позволяет экономить время для понимания текста.

Данный факт необходимо учитывать при подготовке текстов для речевой реабилитации пациенток с афазией и подбирать источники, соответствующие

их предпочтениям до болезни, так как это может ускорить процесс речевого восстановления.

Так, полученные в ходе интервью результаты позволили выделить жанрово-тематические группы, которые составляют горизонт письменноречевой рецепции данной целевой группы:

1) популярные общественно-политические газеты, журналы, интернет-издания (*«Нужная», «Бирюсинская новь», «Жизнь», «Крестьянка», «Работница», «Здоровье», «Пенсионер», «Ай, болит», интернет издания/статьи, кулинарные рецепты*);

2) художественная литература (*Исторические романы В.П. Пикуля, женские романы, детективы, «Вечный зов» А.С. Иванова, «Бабы тропы» Ф.А. Березовского, «Судьба человека» М.А. Шолохова, басни И.А. Крылова, стихи А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина*);

3) профессиональная литература / документация (*методические пособия «Дошкольное воспитание», СанПиНы, медицинская литература, истории болезни, инструкции по работе, жалобы*).

Согласно результатам интервью, в данной целевой группе, как и в случае с мужчинами со средним специальным образованием, тип предпочтительных для чтения текстов может меняться на разных этапах жизни респондентов. Так, респонденты выделяют книги, тексты, которые читали «раньше» (в молодости) и «сейчас» (результаты представлены в диаграммах 4 и 5).

Диаграмма 4 – Опыт письменной-речевой рецепции респондентов-женщин
в настоящее время

Как видно из диаграммы 4, в настоящее время респонденты предпочитают читать массмедийные тексты в электронных СМИ (23%), газеты (20%) и кулинарные рецепты (20%), профессиональную литературу (16%).

Диаграмма 5 – Опыт письменной-речевой рецепции респондентов-женщин
в прошлом

Однако в молодости, как правило, интервьюенты читали художественную литературу (44%), журналы (28%), профессиональную литературу и документы (28%) (диаграмма 5).

Выделенные виды письменной-речевой рецепции характеризуются рядом особенностей, в связи с чем следует подробнее их рассмотреть, чтобы учесть

характеристики данных текстов при подготовке материалов для речевой реабилитации.

Для лингвистического анализа были выбраны источники, которые респонденты предпочитали в молодости (художественная литература, чаще всего интервьюенты называли роман «Вечный зов») и в настоящий момент (массмедийные тексты в электронных СМИ, общественно-политические газеты и кулинарные рецепты). В связи с тем, что особенности публицистического текста уже были рассмотрены (п. 2.3.1), было принято решение проанализировать еще один популярный вид письменно-речевой рецепции у интервьюентов – кулинарные рецепты.

Пример художественного текста, характерного для письменно-речевой рецепции целевой группы женщин со средним специальным образованием, работающих преимущественно в сфере обслуживания в период их молодости:

Пример текста из художественной литературы

1)С Петькой у Антона постепенно сложились дружеские отношения. 2) Омрачало их дружбу только одно - оба незаметно как-то влюбились в Лизу. 3)Чем покорила она Петьку, неизвестно, красивой Лизу назвать было нельзя. 4)Красивыми были только ее глаза - зеленоватые, как речная вода, и вечно в них плескалось что-то беспокойное и живое. 5) Антону же она понравилась своей отчаянной смелостью, хотя по ее виду заключить этого было нельзя. 6)Нельзя-то нельзя, но тем не менее в свои четырнадцать-пятнадцать лет она не раз ездила в Томск, привозила оттуда запрещенную литературу и даже оружие [Иванов, 1971, с. 7–8].

Ведущей темой данного текста являются взаимоотношения героев, микротемами – описание внешности главной героини, ее личности и поступков.

Данный отрывок, взятый из художественного произведения, представляет собой повествование, поскольку рассказывает о взаимоотношениях главных героев, о личности – главной героини Лизы.

Предложения в тексте соединены локальной связностью, так, например, предложения 1, 2, 3, 5 связаны заменой имен собственных «Петька» и «Антон» притяжательным местоимением «их» и числительным «оба», а также повторами данных имен; предложения 2 – 6 связываются заменой имени собственного «Лиза» местоимениями «она», «ее» и повтором данного имени собственного. Помимо этого, все предложения в данном отрывке объединены глобальной связностью через ключевые слова (*Петька, Антон, дружба, влюбиться, Лиза*).

Кроме того, текст характеризуется такими морфологическими особенностями, как употреблением глаголов в прошедшем времени, подчеркивающих насыщенность событий в прошлом, а также использованием большого количества личных и притяжательных местоимений, являющихся средством грамматической связи предложений и частей предложения.

Помимо этого, в отрывке можно отметить употребление стилистических средств: определений (*дружеский, красивый, зеленоватый, речной, беспокойный, живой, отчаянный, запрещенный*), повторов (*нельзя, нельзя-то нельзя*), сравнения (*ее глаза – зеленоватые, как речная вода*), метафоры (*ее глаза..., и вечно в них плескалось что-то беспокойное и живое*).

Что касается синтаксических особенностей данного отрывка, то наиболее частотными предложениями являются бессоюзные и сложносочиненные, средняя длина которых составляет 14 слов, т.е. текст достаточно сложный с точки зрения синтаксиса.

Пример текста, характерного для письменно-речевой рецепции женщин со средним специальным образованием, работающих преимущественно в сфере обслуживания в настоящий момент:

1) Вкусно и просто. 2) Наггетсы из рыбы низкокалорийное, но сытное блюдо. 3) Приготовить их можно за полчаса из рыбного филе. 4) Подавать с гарниром или без, это как вам больше нравится.

5) *Филе рыбы порезать небольшими полосками.* 6) *Посолить и поперчить.* 7) *Приготовить ингредиенты для панировки.* 8) *Яйцо взбить.* 9) *Кусочки филе обмакнуть в муку.*

10) *Затем в яйцо, потом в сухари и еще раз повторить в той же последовательности.*

11) *Разогреть в сковороде растительное масло и обжаривать кусочки рыбы, переворачивая их время от времени для равномерности обжарки.*

12) *Жарить до золотистой корочки.* 13) *Обжаренные кусочки рыбы выложить на салфетку, чтобы промакнуть лишний жир.* 14) *Наггетсы из рыбы готовы* [RecipeJournal: [сайт]. URL: https://r-j.biz/fish_recipe/2462-rybnye-naggetsy.html].

Текст рецепта объединяется одной общей темой – приготовлением рыбных наггетсов и делится на 4 абзаца, в каждом из которых есть своя микротема, соответствующая тому или иному этапу приготовлению блюда.

Согласно А.Ю. Волковой, кулинарный рецепт относится к типу «описание», поскольку он описывает приготовление блюда, и стилю «производственный текст», т.к. его основной задачей является инструктаж [Волкова, 2011].

Данный характер текста рецепта проявляется в морфологических, лексических и синтаксических особенностях.

Так, в тексте используется преимущественно инфинитив, выступающий в функции повелительного наклонения (*порезать небольшими полосками, приготовить ингредиенты, посолить и поперчить, разогреть в сковороде...*) и являющийся самой простой формой функционирования глагола.

Кроме того, в данном рецепте можно отметить большое количество определений и обстоятельств, связанных с приготовлением пищи и ее описанием (*вкусно, просто, низкокалорийный, сытный, рыбный, небольшой, растительный, золотистый, обжаренный, лишний*).

Наиболее частотными предложениями в тексте являются простые, односоставные и распространенные (*Приготовить ингредиенты для панировки.*

Яйцо взбить. Кусочки филе обмакнуть в муку.), средняя длина которых составляет 6 слов.

Предложения в тексте кулинарного рецепта соединены локальной связностью: так, предложения 2, 3 и 11 связаны заменой существительного «наггетсы» местоимением «их» и повтором данного существительного; предложения 3, 5, 9, 11 и 13 связываются заменой словосочетания «рыбное филе» словосочетаниями «филе рыбы», «кусочки рыбы». Кроме того, предложения в данном тексте также соединены глобальной связностью через ключевые слова (*наггетсы из рыбы, рыбное филе, посолить, поперчить, яйцо, сухари, растительное масло, обжарка*), выделенные при помощи корпусного менеджера Sketch Engine.

Таким образом, анализ выбранного кулинарного рецепта демонстрирует, что, будучи особым видом текста, он обладает всеми важными характеристиками текста. Однако по сравнению с текстами художественными и публицистическими кулинарный рецепт отличается большей композиционной структурированностью, меньшей сложностью, поскольку обладает более простым синтаксисом и морфологией. Данная особенность связана с функцией кулинарного рецепта – быстрой передачей информации [Волкова, 2011].

Следовательно, проведенный лингвистический анализ текста подтверждает, что в настоящее время интервьюенты все-таки предпочитают тексты, отличающиеся меньшей структурной, лексической и синтаксической сложностью, т.е. не требующие большого количества времени для прочтения.

Таким образом, как и в случае с первой рассмотренной целевой группой, на начальной этапе речевой реабилитации лучше выбирать для прочтения и пересказа тексты, которые соответствуют предпочтениям пациенток и отличаются простотой композиционной, структурной, лексической и синтаксической, как правило, это новостные статьи и кулинарные рецепты согласно результатам интервьюирования, чтобы не противоречить психическому типу больного и облегчить начало процесса речевой реабилитации, и лишь на более поздних этапах восстановительного лечения

использовать произведения художественной литературы, которые представительницы данной группы читали в молодости.

Что касается письменно-речевой продукции, то в повседневной жизни респондентам приходится писать рапорты, заявления на отпуск, отгул, о приеме на работу, отвечать на жалобы, составлять отчеты, накладные и подготавливать банковские документы, а также записывать медицинские назначения.

В связи со специфичностью письменно-речевой продукции было принято решение не включать данные виды документов в комплекс упражнений для речевой реабилитации пациенток с афазией.

2.4.2. Горизонт прецедентности и профессиональное общение как элементы языковой биографии представительниц целевой группы

Как уже было отмечено (п. 2.3.2), каждая языковая личность обладает своим объемом индивидуального когнитивного пространства в зависимости от знаний и представлений социума и национально-лингво-культурного сообщества, к которым принадлежит данная языковая личность, а, следовательно, и своим горизонтом прецедентности, формируемым совокупностью прецедентных феноменов, входящих в данное когнитивное пространство.

Полученные данные показывают, что в речи интервьюентов выбранной группы присутствует большое количество фразеологических единиц, пословиц, поговорок, прецедентных высказываний из фильмов, книг, стихотворений, песен, которые они используют в повседневной жизни (результаты представлены в таблице 10).

Таблица 10 – Примеры прецедентных феноменов в речи респондентов-женщин

Примеры прецедентных феноменов в речи респондентов	
Народная фразеология, пословицы, поговорки	«Потерял потрохами, не соберешь кромами», «По Фомке и шапка», «Сколько волка не корми, все в лес смотрит», «Куй железо, пока горячо», «Видит Бог, не пьем, а лечимся», «Велика Федора, да дура», «Мал золотник, да дорог», «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», «Дураков не сеют, не жнут, сами родятся», «Я сидел на пню и клевал крупню, подошел татарин, меня по уху ударил. Товарищ судья, разбери наши дела», «Через пень, колоду», «Баба с возу, кобыле легче», «На ус намотать», «Терпение и труд все перетрут»
Прецедентные высказывания из песен, стихов, книг, фильмов	«Я вас любил, любовь еще, быть может, в душе угасла не совсем...», «Любви все возрасты покорны...», «И пропадает в миллионах навек, когда-то самый дорогой человек...», «Мы в ответе за тех, кого приручили», «Какая гадость это ваша заливная рыба», «До пятницы я совершенно свободен», «О-о тепленькая пошла!», «Как ёжик в тумане»

Важно отметить, что в данной целевой группе, как и в предыдущей, значительное количество фразеологизмов, пословиц и поговорок было усвоено интервьюентами еще в детском возрасте, в результате коммуникации со старшими членами семьи. Например, респондент И. (бухгалтер, 80 лет) отмечает:

8) *«Вот, у нас была поговорка... «Велика Федора, да дура», «Мал золотник, да дорог», часто ее родители употребляли»;*

информант Л. (парикмахер, 45 лет) вспоминает:

9) *«Ну, поговорка, услышанная в детстве, была таковой: «Любви все возрасты покорны». Её говорил мой отец. Думаю, эта поговорка актуальна и сейчас. В голове держу её всегда».*

Источником выделенных цитат являются прецедентные тексты, среди которых – советский кинофильм «Ирония судьбы, или с легким паром!», мультфильм «Винни Пух», стихи А.С. Пушкина, аллегорическая повесть-сказка «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, а также современные песни,

например, «Самый дорогой человек» (музыкальная группа «Нервы»), т.е. как правило, источники выявленных цитат – это советские фильмы и мультфильмы, а также художественная литература и поэзия, которым респонденты отдавали предпочтение в молодости, хотя в качестве источника могут выступать и современные песни.

Будучи частью культурного фонда и выступая в качестве автоматизмов, играющих важную роль в процессе реабилитации при афазии, прецедентные высказывания также включаются в комплекс речевой реабилитации пациентов с данным заболеванием.

Помимо вышеуказанных особенностей, также было выявлено, что 40% интервьюентов употребляет выражения и термины, используемые при исполнении должностных обязанностей, в обычной речи: «Все вопросы к производителям!», «Заправьте вагон!» (вместо «заправьте кровать» в речи проводницы), «Что приготовить чай, кофе?», «Укол надо поставить, таблетку надо, мазь», «междупутье» (вместо «дорожки между грядками») [Ожегов, 2015; Ушаков, 2013]:

10) *«На работе и дома говорю: «Заправьте вагон!», «Что приготовить чай, кофе?» (Проводник, 65 лет);*

11) *«Когда грядки мы делали, э-э с мужем, я говорила не «междугрядье», а «междупутье». (Техник, строительство и эксплуатация железных дорог, 66 лет);*

12) *«Ну, говорю конечно. Потому что если чё-то заболело, например, голова, я говорю: «Таблетку надо», если сустав – «Мазь надо или укол надо поставить, и все будет нормально. Банки, горчичники» (Медсестра, 40 лет).*

Таблица 11 – Примеры профессиональной лексики, употребляемой респондентами-женщинами

Примеры профессиональной лексики, употребляемой респондентами	
Профессиональные термины	пациент, антибиотики, витамины, перевязка, амбулаторная карточка, перевязочный кабинет, история болезни, СанПиНы,

	междупутье, кожный покров
Общепотребительная лексика, описывающая профессиональные действия	«Все вопросы к производителям!», готовить вагон к поездке, уборка вагона, проверка готовности вагона к поездке, закупка продовольствия, «Заправьте вагон!», «Что приготовить чай, кофе?», прием детей, измерение температуры, занятия с детьми, прогулка, обед, ужин, сон, полдник, медицинская форма, записывать назначения врачей, выполнять назначения врачей, оказывать помощь, уколы ставить/колоть, скорая

Такое значительное количество информантов, употребляющих в обычной речи профессиональные выражения и лексику, как и в случае с респондентами – мужчинами, объясняется спецификой профессий.

Как уже было отмечено, существуют профессии с повышенной речевой ответственностью, где голос используется в качестве основного «орудия производства». В этом случае речь может оставаться профессионально маркированной, даже если не предполагается исполнение профессиональных обязанностей [Лямзина, 2020б].

Так, профессии женщин, с которыми мы столкнулись в рамках нашего исследования (официантка, медсестра, инженер по работе с жалобами в отделении железной дороги, проводник поезда), отличаются повышенной речевой ответственностью, поскольку их работа подразумевает длительное общение с людьми в течение рабочего дня. Именно этим фактом можно объяснить полученные результаты [Лямзина, 2020б].

Таким образом, в связи с влиянием профессии на речевую биографию человека профессиональную лексику также следует включить в комплекс речевой реабилитации. Кроме того, как уже было сказано, объектом персеверации могут выступать слова, чаще всего, глаголы, связанные с профессиональной деятельностью, следовательно, чтобы решить данную проблему, подобные слова необходимо включить в реабилитационную программу, но на более поздних этапах восстановительного лечения.

2.4.3. Типичный вокабуляр представительниц целевой группы

Наиболее распространенным типом речевой культуры в данной целевой группе (женщины со средним специальным образованием, работающие преимущественно в сфере обслуживания) является среднелитературный тип речевой культуры. Для представителей данного типа речевой культуры характерно наличие высшего или среднего образования; владение двумя функциональными стилями – обиходно-бытового общения (разговорной речью) и профессиональным стилем; диалогический характер общения; низкий уровень самоконтроля в процессе говорения; прецедентными текстами выступают средства современной массовой коммуникации и массовая литература; частое игнорирование разграничения ты- и вы/-общения; использование просторечных, жаргонных, ненормативных слов и слов-паразитов в различных коммуникативных ситуациях; экспрессия речи достигается при помощи использования категоричных оценок, сниженной лексики, громкости голоса [Стернин, 2009].

Таким образом, одной из характеристик среднелитературного типа речевой культуры является употребление просторечных, жаргонных, ненормативных слов и слов-паразитов, сниженной лексики в различных коммуникативных ситуациях.

Полученные нами в ходе интервью данные показывают, что речь наших респондентов богата сниженной лексикой, ненормативными и просторечными словами и словосочетаниями (коллоквиализмами), например, *«ежкин кот»*, *«хрен тебе в зубы пережеванный»*, *«едрит твою колобашку»*, *«едрит твою мать»*, *«через пень, колоду»*, *«блин»*, *«естественно»*, *«материно»*, *«тока»*, *«нету»*, *«ихний»*.

Также необходимо отметить, что в ходе интервью были выявлены отклонения от нормы литературного языка и узуальной нормы. Так, например,

одной из самых частых ошибок среди респондентов является неверная постановка ударения в словах: «позвОнишь», «платьЯ», «алфАвит», «арахИс», ошибки в употреблении постфиксов -сь и -ся, например, «находились», грамматическая ошибка – «ложить».

Кроме того, с помощью корпусного менеджера Sketch Engine были выявлены наиболее частотные слова и коллокации, встречающиеся в речи данной группы респондентов во время интервью [Лямзина, 2021].

Объем корпуса составил 5492 слова. Примеры наиболее частотных лексических единиц представлены в таблице 12, где указанные цифры – абсолютные частоты.

Таблица 12 – Наиболее частотные лексические единицы и словосочетания в речи респондентов - женщин в ходе интервью

Наиболее частотные лексические единицы и словосочетания
<u>Существительные</u>
<i>работа 27, время 22, день 20, год 17, школа 13, журнал 12, фильм 12, бухгалтер 11, отчет 9, книга 9, дети 9, человек 9, детектив 8, мама 8, язык 8, роман 7, песня 7, газета 7, детство 7, кино 7, пенсия 7, стих 7, семья 7, жизнь 7, телевизор 7, муж 7, дача 5</i>
<u>Глаголы</u>
<i>быть 96, говорить 37, работать 37, читать 34, любить 26, смотреть 18, мочь 14, делать 13, нравиться 12, сидеть 10, ходить 9, помнить 9, употреблять 8</i>
<u>Прилагательные</u>
<i>русский 14, любимый 12, рабочий 12, английский 11, старый 10, ранний 9, детский 7, средний 7</i>
<u>Наречия</u>
<i>уже 23, очень 14, вообще 14, иногда 11, часто 9, дома 8, хорошо 7</i>
<u>Местоимения</u>
<i>я 142, там 46, мы 39, все 31, это 29, потом 24, такой 22, он 19, они 19, этот 18, ты 15, кто 12, мой 12, какой 11, вы 11, что 11, она 10, весь 10, ничто 8, наш 7</i>
<u>Коллокации</u>
<i>у нас 9, у меня 9, рабочий день 8, на работе 7, на работу 6, все время 6, в кино 6</i>

Помимо этого, в результате работы с корпусным менеджером были выделены такие ключевые слова для нашего корпуса текстов, как *служба быта, швейная фабрика, рабочий день, свободное время, русский язык.*

Проведённый компонентный анализ частотных лексических единиц и ключевых слов выявил, что в составленных списках присутствует большое количество слов, которые входят в такие лексико-семантические поля, как «работа», «время», «язык», «семья», «источник информации» и «развлечение» (результаты представлены в таблице 13).

Таблица 13 – Лексико-семантические поля частотных лексических единиц и ключевых слов

	Семантическая группа	Интегральная сема
	Работа: <i>работа, бухгалтер, служба быта, швейная фабрика</i>	«дело», «услуги», «работа»
	Время: <i>год, свободное время, все время, рабочий день</i>	«промежуток», «период»
	Язык: <i>русский, английский</i>	«язык»
	Семья: <i>мама, семья, дети, муж</i>	«родственник», «близкий»
	Источник информации: <i>газета, книга, журнал</i>	«издание», «информация»
	Развлечение: <i>фильм, кино, песня, телевизор</i>	«развлечение», «культура»
	Литературный жанр: <i>детектив, роман, стих</i>	«информация», «речь»
	Деятельность: <i>работать, делать</i>	«деятельность»

Выделенные лексико-семантические поля в дальнейшем стали тематической основой речевых упражнений для пациенток с комплексной моторной афазией.

Помимо этого, при помощи корпусного менеджера Sketch Engine были выделены наиболее частотные времена глаголов, которые используются нашими респондентами в процессе интервьюирования (результаты представлены в диаграмме 6).

Диаграмма 6 – Используемые респондентами - женщинами времена

Как видно из диаграммы 6, наиболее частотным грамматическим временем, употребляемым интервьюентами из данной целевой группы, является прошедшее время (57%).

В связи с чем на начальном этапе речевой реабилитации женщин со средним специальным образованием, обслуживающего персонала, есть основания включать упражнения, направленные на актуализацию форм не только настоящего времени, но и прошедшего, и лишь на последующем этапе реабилитации – будущего времени.

Таким образом, анализ типичного вокабуляра женщин со средним специальным образованием, работающих преимущественно в сфере обслуживания, показал, что среди наиболее важных экстралингвистических факторов, определяющих его специфику, можно отметить не только профессиональную деятельность, культурную среду, увлечения, но также семью.

В связи с чем можно сделать вывод, что данные факторы оказывают значительное влияние на языковую биографию человека.

2.4.4. Смена языковой среды и коммуникативного регистра как факторы, способные влиять на языковую биографию

Как уже было ранее отмечено, в рамках языковой биографии следует изучать как разные языковые периоды жизни человека, которые оставили словесные свидетельства, так и отдельные наиболее важные повороты его языковой судьбы [Иванов, 2004, с. 124–127].

В ходе интервью наших респондентов было получено несколько интересных ответов, демонстрирующих то, как определенные повороты в языковой судьбе интервьюентов (переезд в другую страну) оказали влияние на их языковые компетенции, и, как следствие – речевые привычки [Лямзина, 2020а, с. 141–142]:

13) *Русский, русская школа. В школе ещё киргизский, потому что в Киргизии жили, но запомнилось несколько слов: «салам алейкум, бир – 1, эки – 2, счёт до 100, ата – отец, эне – мама, нан – хлеб, кант – сахар», потому что на рынок ходил там, поэтому продукты знал и счет. И щас знаю, но не пользуюсь, негде. (Геодезист, 80 лет);*

14) *Русский и киргизский, мы в Казахстане жили. С казахского знаю теперь «терезе – окно. Мектеп – школа. Хлеб – нан. Вода – су». (Слесарь, 55 лет).*

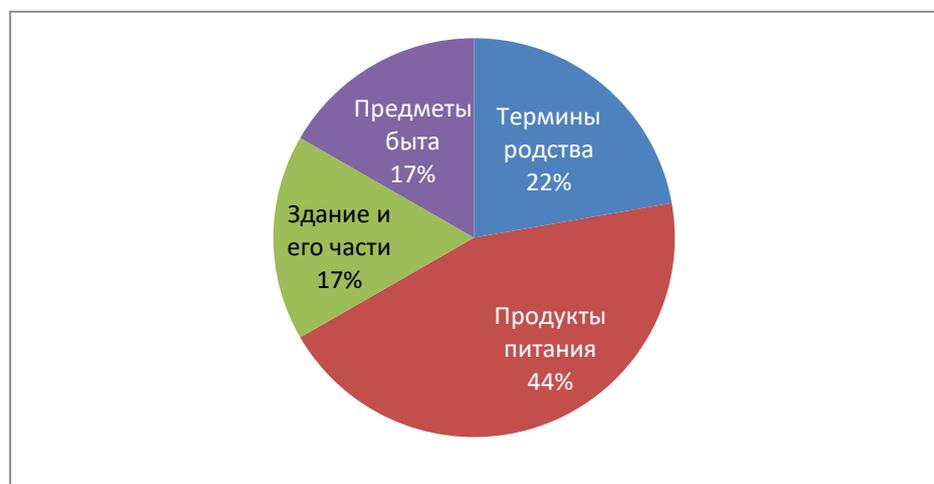
Таким образом, как видно по приведенным данным (пр. 13 – 14), оказавшись в ситуации билингвизма, респонденты, будучи детьми, были вынуждены овладеть не только русским, но и иностранным языком, который после возвращения в Россию остался в виде отдельных единиц ментального лексикона.

Как правило, у интервьюента происходит изменение языковых компетенций, в связи с процессом адаптации к новым языковым и речевым реалиям, так как на новом месте жительства уже нет необходимости в языке, употребляемом респондентом до переезда. В результате изменения языковой компетенции происходит формирование новых речевых привычек.

Подобную ситуацию, когда при перемене языковой среды один из языков билингва обедняется или полностью исчезает из-за отсутствия необходимости общаться на нем, Н.Ш. Александрова называет языковой аттрицией, или непатологическим стиранием языка. Стремление к одноязычию, по ее мнению, может быть связано со стремлением языковой системы к экономному функционированию [Александрова, 2020].

Однако следует отметить, что, несмотря на изменение языковых компетенций, респонденты не полностью утратили прежние языковые знания, поскольку, как уже было сказано, они помнят некоторые слова из языка, на котором говорили в том месте, в котором они жили до переезда, и могут иногда употреблять их в речи. Как правило, это существительные, которые относятся к продуктам питания, терминам родства, предметам, необходимым в быту, к зданию и его частям [Лямзина, 2020а].

Диаграмма 7 – Категории слов, которые интервьюенты запомнили после переезда

Причину, почему интервьюенты запомнили данные категории слов, можно объяснить тем, что в ядре ментального лексикона находятся наиболее актуальные для человека образы действительности и житейские (обыденные) понятия, которые он использует каждый день [Лямзина, 2020а].

Помимо этого, согласно Т.В. Ахутиной, в ядре ментального лексикона концентрируются первые значения, в качестве которых выступают комплексы образ-значение, являющиеся элементарными с точки зрения психолингвистической семантической сложности и приобретёнными еще в детстве [Ахутина, 2014].

Например, согласно исследователям, такие слова, как *окно, хлеб, школа*, упоминаемые нашими респондентами, усваиваются детьми в возрасте 1 – 7 лет [Акинина, 2014].

По информации, полученной от наших информантов, они также освоили выше упомянутые категории слов, будучи детьми.

Помимо этого, в ходе интервью было выявлено, что в результате переезда в другой регион у одной из респонденток изменилась языковая компетенция, и, как следствие – речевая привычка [Лямзина, 2020а]:

15) *Русский язык. Фразы, вот «чай» употреблялся везде у нас в Поволжье. Вредное слово такое. «Чай, чай». Даже, поговорка сложена: «Чай корова то пила, а брюхо то холодное». Вот это «чай» ко всем словам, ко всем предложениям у нас прибавлялся. Ну, щас мы его забыли, а раньше все время... Хотя иногда могу сказать. А, вообще, на Волге все окают, по-другому говорят. Но когда меня после техникума послали в Кемеровскую область, в город Калтан, я там пожила немножко, уже у меня разговор перешел на сибирский. По телефону, даже мать с отцом не узнавали, я же не по-ихнему стала разговаривать. Они как говорили на «о», так и говорят. Например, они не говорят «карова», а говорят «корова», «пошла», «кровать». Там всё на «о», на «о». Любое слово и везде на «о». (Бухгалтер, 80 лет).*

Таким образом, видно (пр.15), что в результате переезда у интервьюента изменяется языковая компетенция. Респондент перестает употреблять в речи свойственные для Поволжья оканье и вводное слово «чай».

Главной причиной, почему у интервьюента происходит подобное изменение языковой компетенции, является адаптация к новым речевым реалиям, т.к. в другом месте жительства говорят иначе, и нет необходимости в

диалекте, употребляемом человеком до переезда. В результате чего формируются новые речевые привычки [Лямзина, 2020а].

Несмотря на то, что полученные данные пока не представляется возможным учесть при составлении речевых упражнений для групповых занятий, этому следует уделять внимание при индивидуальной работе с пациентом.

Кроме того, этот факт подтверждает необходимость анкетирования родственников пациентов с целью получения более подробной информации о них (о языковой биографии) в случае необходимости разработки персонализированного комплекса упражнений для речевой реабилитации.

2.4.5. Упражнения на основе полученных данных для работы с пациентами с афазией (женщинами со средним специальным образованием, работницами сферы обслуживания)

Полученные данные о специфике речевой рецепции и продукции данной целевой группы, ее горизонте прецедентности, ведущем коммуникативном регистре и хобби также, как и в случае с первой рассмотренной целевой группой (мужчинами со средним специальным образованием и рабочей профессией) позволили разработать упражнения разной степени сложности для речевой реабилитации пациенток с «комплексной моторной афазией средней степени».

Подготовленный комплекс упражнений составлен в соответствии с социо-профессиональными характеристиками рассмотренной целевой группы и соответствует структуре и тематике упражнений, применяемых логопедами нейрореабилитационного центра: повседневной деятельности, хобби и профессии [Шохор-Троцкая, 2006].

Так, были составлены упражнения, направленные на восстановление речи при помощи автоматизмов, где в качестве материала использовались

пословицы, фразы из стихов, художественных произведений, фильмов и песен, которые встречаются в речи респондентов и представляют собой так называемый «горизонт прецедентности» целевой группы (пример – упражнение 1).

Упражнение № 1

Дополните пословицы, устойчивые выражения и фразы из фильмов подходящими словами.

1. Друг познается в..... .
2. Жизнь прожить — не ..... перейти.
3. Первый блин – ..... .
4. Седина в бороду — бес в ..... .
5. Лучше ..... в руках, чем журавль в небе.
6. Быстро только ..... рождаются.
7. Вот тебе, бабушка, и Юрьев ..... .
8. Весна на Заречной ..... .

В упражнениях 2–5, восстанавливающих навык произношения изолированных звуков и слогов и расширяющих запас существительных, глаголов, прилагательных и наречий, были использованы наиболее частотные лексемы, которые получены при помощи корпусного моделирования вокабуляра данной целевой группы.

Упражнение № 2

Составьте слова из слогов и букв.

бо-ра-та, ло-век-че, д-г-о, мя-вре, жка-кни, бё-ре-нок, нь-де, тек- де-тив, род-го, вос-но-ти, зин-га-ма, чер-ве, цпло-тан-щад-ка;

во-го-рить, бить-лю, тать-чи, тать-ра-бо, лать-де, дить-хо, вить-нра-ся, реть-смот, га-от-ды-вать.

Упражнение № 3

Подберите антонимы к словам

1. Рабочий, маленький, старый, новый, детский, хороший, молодой, лёгкий, веселый, дорогой, полезный, холодный, дикий.
2. Иногда, часто, хорошо, нет, больше, можно, сильно, быстро.

Упражнение № 4

Вставьте антоним, подходящий по смыслу к подчеркнутым словам.

1. Этот фильм веселый, а тот ... .
2. Раньше я помнила много стихов, а сейчас все....
3. Ты заболел гриппом, а я уже ....
4. Её совет полезный, а его ... .
5. Этот магазин дорогой, а тот ... .
6. Зимой холодно, а летом ... .
7. Этот ребенок ведет себя хорошо, а тот ... .

Упражнение № 5

Дополните фразы, используя одно из предложенных слов.

1. (Мишка/Стрижка) У неё модная ... / Её любимая игрушка – ...
2. (Кино/домино) С друзьями мы часто ходим в ... / Мой муж играет в ...
3. (Чай/лай) У нас вкусный ... / Он услышал ...
4. (Место/тесто) У меня в машине есть свободное... / Бабушка готовит ...

В упражнениях, стимулирующих речь на слух и помогающих продуцировать высказывания по сюжетным картинкам (упражнения 6–7), также применяются частотные вокабуляр и коллокации, обусловленные ведущим регистром речи, профессиональной деятельностью и хобби представителей данной целевой группы.

Упражнение № 6

Ниже представлен список профессий и картинки, на которых изображены данные профессии. Прочитайте данные слова и соотнесите их с картинками.

Воспитатель, проводник, официантка

Рис.5

Рис.6

Рис.7

Упражнение № 7

Подберите несколько глаголов к перечисленным профессиям.

Медсестра (что делает?)	1. Убирает вагон.
Проводник (что делает?)	2. Проверяет билеты. 3. Готовит вагон к поездке. 4. Ставит укол. 5. Дает таблетку. 6. Делает перевязку.

Упражнение № 8

Ниже представлены картинки с людьми разных профессий. Расскажите, что делают эти люди.

Рис.8

Рис.9

Упражнение № 9

Опишите картинку, используя предложенные слова

Рис.10

Чай, общаются, пьют, и, подруги.

Рис.11

Отдыхает, на, семья, природе.

Помимо этого, для восстановления навыков чтения и пересказа были подготовлены тексты, соответствующие жанровой и информационной специфике привычной письменно-речевой рецепции пациенток до возникновения афазии: новости, заметки о происшествиях и кулинарные рецепты.

Упражнение № 10

Прочитайте и перескажите текст.

«Овощные котлетки»

Картофелины, очищенные и вымытые, порезать небольшими кубиками, залить холодной водой и поставить вариться на небольшой по силе огонь.

Лук и чеснок очистить от кожуры, мелко нарезать и начать обжаривать на масле.

Грибы промыть под водой, нарубить небольшими дольками и соединить с зажаркой из лука и чеснока. Тушить около 15 минут до готовности.

Сваренный картофель теплым потолочь в однородное пюре, смешать с тушеными грибами и одной ложкой муки. Добавить соль и специи по собственному вкусу.

Из таким образом полученной массы сформировать небольшие котлетки, запанировать их в муке, что осталась. Далее обжаривать на разогретом масле с двух сторон до достижения румяности.

В настоящее время данный комплекс упражнений, фрагменты которого представлены в данном параграфе, прошли первый этап апробации в центре нейрореабилитации ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России по Красноярскому краю.

2.4.6. Валидация результатов применения упражнений для пациентов с афазией (женщин со средним специальным образованием, работниц сферы обслуживания)

Несмотря на то, что апробация разработанного комплекса упражнений продолжается, уже получены первые результаты его применения.

Для оценки эффективности применения разработанных упражнений все пациентки, с диагнозом «комплексная моторная афазия средней степени

тяжести», проходившие реабилитацию в центре нейрореабилитации ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России по Красноярскому краю в период с апреля по май 2021 года и соответствующие социо-профессиональным характеристикам представителей целевой группы (женщины, русские, жительницы Красноярского края, от 50 до 65 лет, среднее специальное образование, работают в сфере обслуживания), были разделены на две группы: экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ), по 7 человек в каждой.

В экспериментальной группе для речевой реабилитации пациентов использовались упражнения, составленные в рамках проводимого нами исследования, в контрольной – материалы, применяемые логопедами нейрореабилитационного центра.

При поступлении и выписке пациенты проходили речевое обследование по шкале Вассермана, в которую входит 21 признак экспрессивной и импрессивной речи. Чем меньше в речи пациента патологических девиаций по сравнению с результатами тестирования при поступлении в больницу, тем меньше баллов он получает.

Как видно из ниже представленных данных (таблица 14), в экспериментальной группе (ЭГ) в процессе реабилитации средний показатель эффективности, представляющий собой среднее арифметическое от разности баллов до и после реабилитации у каждого пациента, выше, чем в контрольной (КГ) на 1балл. Таким образом, если за 100 % принять суммарное качественное улучшение по ЭГ и КГ, то в ЭГ она составит 55%, а в КГ – 45%, т. е. в ЭГ показатели качественного улучшения на 10% выше, чем в КГ.

Таблица 14

Результаты речевого обследования пациентов в ЭГ и КГ до и после проведения речевой реабилитации (женщины)

Признак	Средний балл при поступлении		Средний балл при выписке		Количественное улучшение	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ

1	2	3	4	5	6	7
1. Спонтанная и диалогическая речь	1,6	1,7	1,4	0,9	0,2	0,8
2. Повествовательная (монологическая) речь	2,2	2	1,8	1,2	0,4	0,8
3. Составление рассказа по сюжетной картинке	1,8	2	1,6	1,6	0,2	0,4
4. Аграмматизм (неспособность воспринимать и выстраивать грамматические конструкции)	1,4	1,8	1,4	1,2	0	0,6
5. Отраженная речь (повторение)	1,6	1,4	1,4	1,2	0,2	0,2
6. Повторение речевых рядов (серии слогов, слов, простых и сложных предложений)	1,8	1,5	1,4	1,4	0,4	0,1
7. Называние	1,4	1,1	1	0,8	0,4	0,3
8. Произношение речевых звуков	1	1,1	0,8	0,7	0,2	0,4
9. Усилия, напряжение в речи, запинания, дезавтоматизация речи (потеря речевого навыка без сознательного контроля)	1,4	1,7	1,2	1,7	0,2	0
10. Темп речи	1,2	1,8	0,6	1,5	0,6	0,3
11. Просодия (интонация, ритм высказывания, ударение, мелодика речи)	1,4	1,7	1,2	1,2	0,2	0,5
12. Вербальные парафазии (замена правильных букв и слогов)	1,4	1,2	1	0,5	0,4	0,7
13. Литеральные парафазии	2	1,1	1,6	1	0,4	0,1
14. Понимание ситуативной речи и словесных значений	1	0,5	0,6	0,2	0,4	0,3
15. Отношение к дефекту речи	1	0,7	0,4	0,2	0,6	0,5
16. Чтение (вслух)	1,4	1,2	1	1,1	0,4	0,1
17. Чтение (про себя)	1	1	0,8	0,5	0,2	0,5
18. Чтение букв	1	1	1	0,7	0	0,3
19. Списывание	1	1,1	0,6	1	0,4	0,1
20. Письмо букв под	1,4	1,2	0,6	0,8	0,8	0,4

диктовку						
21. Письмо (самостоятельное и под диктовку)	2	1,4	1,6	1,1	0,4	0,3
Общий средний балл при поступлении		Общий средний балл при выписке		Средний показатель общей результативности курса речевой реабилитации		
КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	
30,3	28,2	23,6	20,5	6,7	7,7	
Коэффициент стандартного отклонения (показатель рассеяния значений во множестве данных относительно их математического ожидания)						
0,37033	0,40935	0,40801	0,41702	0,19322	0,23094	

Таким образом, в ЭГ значительное количественное улучшение отмечается по ряду признаков (столбец 7, табл.14): спонтанная и диалогическая речь (на 0,8 балла), повествовательная (монологическая) речь (на 0,8 балла), аграмматизм (на 0,6 балла).

При этом заметно, что в КГ при общем более низком уровне эффективности речевой восстановительной работы, чем в ЭГ, меньше различий по средним значениям разных признаков (ср. значения коэффициента: 0,37 – 0,40 – 0,19 в КГ против 0,40 – 0,41 – 0,23 в ЭГ). Это означает, что в КГ все виды речевой деятельности, оцениваемые по шкале Вассермана, восстанавливаются примерно с одинаковой скоростью, а вот в ЭГ это восстановление, будучи в среднем более эффективным, в разной степени затрагивает разные виды и аспекты речевой деятельности.

Так, полученные результаты речевого обследования пациентов, относящихся к рассматриваемым целевым группам (мужчины со средним специальным образованием, с рабочей профессией и женщины со средним специальным образованием, работающие преимущественно в сфере обслуживания) подтверждают то, что ментальный лексикон носителя языка испытывает влияние факторов его языковой биографии. Таким образом, когнитивный опыт, система ценностей человека, а также характер его речевой

продукции, письменно-речевой рецепции, горизонт прецедентности, профессиональный речевой опыт, смена языковой среды и коммуникативного регистра определяют единицы, которые будут находиться в ядре ментального лексикона, а также прочность связи между его единицами.

Следовательно, можно сделать вывод, что метод моделирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией на основе работы со здоровыми носителями языка, состоящий из нескольких этапов (анкетирование родственников пациентов с афазией; выявление социо-профессиональных групп риска; отбор целевых групп без речевых патологий, соответствующих социо-профессиональным характеристикам пациентов; интервьюирование целевых групп; обработка текстовых массивов интервью с помощью методов корпусной лингвистики; описание коллективной языковой биографии когорты здоровых носителей языка, соответствующих социо-профессиональным характеристикам пациентов с афазией; моделирование ментального лексикона пациентов с афазией на основе полученных данных о языковой биографии лиц без патологии и разработка комплекса упражнений для речевой реабилитации данных групп пациентов), позволяет прогнозировать специфику организации ментального лексикона пациентов с афазией и дает возможность подготовить для них более персонализированный комплекс упражнений, учитывающий особенности их языковой личности, а, следовательно, – повысить результативность речевой реабилитации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1.С целью выявления специфики языковой биографии пациентов с афазией проведено анкетирование их родственников, которое показало неэффективность подобного инструмента получения первичных сведений о пациентах, которые можно было бы использовать в восстановительных упражнениях.

Тем не менее были получены необходимые метаданные (информация о возрасте, образовании, профессии пациентов) для формирования целевых групп людей без речевых патологий и их дальнейшего интервьюирования с целью моделирования вокабуляров, отражающих в определенной степени реальный ментальный лексикон групп риска, который позволил бы нам разработать более персонализированный комплекс упражнений для пациентов с афазией.

В рамках данного исследования внимание сосредоточено на двух целевых группах: мужчинах со средним специальным образованием рабочей профессии и женщинах со средним специальным образованием, работающих преимущественно в сфере обслуживания.

2.Результаты проведенных с информантами в двух целевых группах интервью показывают, что все опрошенные разговаривают в семье и на работе на русском языке, хотя часть из них учили английский, немецкий и реже латинский языки в учебных заведениях, однако после обучения практически их не использовали.

3. В ходе интервью все информанты указали на то, что характер типов текстов, являющихся объектами письменно-речевой рецепции информантов, с возрастом меняется. Так, в молодости респонденты преимущественно читали художественную литературу, однако в настоящее время все интервьюенты отдают предпочтение новостным статьям, кроме того, женщин также привлекает чтение кулинарных рецептов.

Текстологический анализ фрагментов из указанных респондентами источников для чтения позволяет сделать вывод, что в настоящее время все

респонденты читают тексты, отличающиеся меньшей структурной, лексической и синтаксической сложностью, по сравнению с текстами, которым они отдавали предпочтение в молодости.

В связи с чем на первом этапе речевой реабилитации необходимо выбирать для пациентов тексты близкие к тем, которые они предпочитают в настоящий момент, поскольку для лучшего усвоения прочитанного текст должен соответствовать психическому типу читателя, его предпочтениям.

Кроме того, благодаря своей композиционной, структурной, лексической и синтаксической простоте новостные статьи и кулинарные рецепты в начале восстановительного лечения будут более релевантным и экологичным текстовым материалом. В свою очередь, на более поздних этапах речевой терапии можно использовать художественную литературу, которую представители рассматриваемых групп читали в молодости.

Что касается письменно-речевой продукции, то в повседневной жизни интервьюенты в основном пишут тексты шаблонного характера: рапорты, заявления на отпуск или на отгул, заявления о приеме на работу, ответы на жалобы, отчеты, накладные. Иногда – заполняют банковские документы, а также записывают медицинские назначения.

4. Согласно полученным результатам, речь всех респондентов характеризуется использованием тематической лексики, имеющей отношение к их профессиональной деятельности, просторечными словами (коллоквиализмами), фразеологизмами, пословицами и прецедентными высказываниями.

Выявлен круг источников речевого репертуара интервьюентов: коммуникация со старшими членами семьи (речевое донорство [Штейнердт, 2012]), советские фильмы и мультфильмы, а также художественная литература, которой респонденты отдавали предпочтение в молодости, хотя в качестве источника могут выступать и современные песни.

Также было выявлено, что 40% респондентов из группы женщин со средним специальным образованием употребляют выражения,

профессионализмы и термины, используемые при исполнении должностных обязанностей, и в обычной речи, т. к. профессии женщин, с которыми мы столкнулись в рамках нашего исследования (официантка, медсестра, инженер по работе с жалобами в отделении железной дороги, проводник поезда), отличаются повышенной речевой ответственностью – их работа подразумевает длительное общение с людьми в течение рабочего дня.

5. Полученные в ходе интервью прецедентные высказывания являются, с точки зрения их содержания, частью культурного фонда лингвокультурного сообщества. Одновременно, на уровне речепроизводства они представляют собой автоматизмы, которые выполняют эмоционально-экспрессивную, коммуникативную, метакогнитивную (регулирующую собственную когнитивную деятельность) и психологическую («проговаривание» травмы) функции. Кроме того, автоматизмы активизируют произвольные уровни речевой деятельности, что крайне важно на начальном этапе речевой реабилитации. В связи с вышперечисленными фактами, данные высказывания также включены в комплекс упражнений для речевой реабилитации пациентов с афазией.

В свою очередь, профессиональная лексика выступает частью вербально-семантического уровня языковой личности. Профессия оказывает существенное влияние на языковую биографию человека. Помимо этого, наблюдения показывают, что объектом персеверации (застывания на одном слове) могут выступать слова, преимущественно глаголы, которые как раз связаны с профессиональной деятельностью. В связи с чем, данные группы слов также следует включить в программу речевой реабилитации, но на более поздних этапах восстановительного лечения.

6. Анализ типичного вокабуляра интервьюентов, проведенный при помощи методов корпусной лингвистики, показал, что среди важнейших экстралингвистических факторов, определяющих его специфику у мужчин из анализируемой целевой группы, следует отметить, прежде всего, профессиональную деятельность, культурную среду и увлечения (хобби). В

свою очередь, анализ типичного вокабуляра женщин из исследуемой группы, выявил, что среди наиболее важных экстралингвистических факторов, определяющих его специфику, находятся не только профессиональная деятельность, культурная среда, увлечения, но и семья. Данные сферы стали тематической основой для выбора лексических единиц для речевых упражнений в рамках реабилитации пациентов с комплексной моторной афазией.

7. Также выявлено, что при ответах на одни и те же вопросы мужчины и женщины отдавали предпочтение разным грамматическим временам. При одинаковом характере вопросов формализованного интервью наиболее частотным грамматическим временем, употребляемым интервьюентами-мужчинами, является настоящее время (57%), а женщинами – прошедшее (также 57%).

Следовательно, на начальном этапе речевой реабилитации мужчин первой целевой группы можно включать упражнения, актуализирующие формы глаголов настоящего времени, и лишь потом – прошедшего и будущего, а на начальном этапе речевой реабилитации женщин со средним специальным образованием есть основания включать упражнения, направленные на актуализацию форм не только настоящего времени, но и прошедшего, и лишь на последующем этапе реабилитации – будущего времени.

8. Кроме того, установлено, что при смене языковой среды происходит изменение языковых компетенций интервьюентов как языковых личностей. Однако респонденты не полностью утрачивают прежние языковые знания, так они помнят некоторые слова из языка, на котором говорили до переезда в другой регион или страну, и могут иногда употреблять их в речи. Как правило, это существительные, относящиеся к следующим тематическим группам: «продукты питания», «термины родства», «предметы, необходимые в быту», «здание и его части».

Причиной, почему интервьюенты запомнили данные категории слов, является то, что в ядре ментального лексикона находятся номинации наиболее

актуальных для человека образов действительности и житейских (обыденных) понятий, которые он использует каждый день.

Несмотря на то, что полученные данные пока невозможно учесть при составлении речевых упражнений для групповых занятий, этому следует уделять внимание при индивидуальной работе с пациентом.

9. На основе полученных данных о частотном вокабуляре, специфике речевой рецепции и продукции изучаемых целевых групп, их горизонте прецедентности, ведущем коммуникативном регистре были разработаны упражнения. Данные упражнения обладают разной степени сложности, они предназначены для реабилитации пациентов, относящихся по социо-профессиональным характеристикам к выделенным группам (мужчины со средним специальным образованием и рабочей специальностью, женщины со средним специальным образованием, работающие в сфере обслуживания) и имеющих диагноз «комплексная моторная афазия средней степени», поскольку данный вид афазии встречается чаще всего в практике базового центра нейрореабилитации.

10. Разработанный комплекс упражнений прошел первый этап апробации в центре нейрореабилитации. Для оценки эффективности применения разработанных упражнений все пациенты с диагнозом «комплексная моторная афазия средней степени тяжести», проходившие реабилитацию в центре нейрореабилитации ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России по Красноярскому краю в период с января 2020 года по май 2021 года и соответствующие социо-профессиональным характеристикам представителей рассматриваемых целевых групп, были разделены на две группы: экспериментальную и контрольную.

В экспериментальной группе для речевой реабилитации пациентов использовались упражнения, составленные в рамках проводимого нами исследования, в контрольной – материалы, традиционно применяемые логопедами нейрореабилитационного центра и не учитывающие специфику языковой биографии пациента.

При поступлении и выписке пациенты проходили речевое обследование по шкале Вассермана, в которую входит 21 признак (параметр оценки). Сравнение результатов речевого обследования в контрольной и экспериментальной группах показало, что упражнения для речевой реабилитации мужчин со средним специальным образованием и рабочей специальностью, составленные нами, в целом, эффективнее существующих разработок, на 20%, а упражнения для женщин со средним специальным образованием, обслуживающего персонала – на 10%. Хотя стоит отметить, что они в разной степени обеспечивают восстановление разных аспектов и видов речевой деятельности (на это указывают более высокие значения коэффициента стандартного отклонения в средних оценках по каждому признаку шкалы Вассермана в экспериментальной группе, по сравнению с контрольной).

Таким образом, полученные результаты речевого обследования пациентов позволяют сделать вывод о том, что речевая терапия, проведенная с учетом специфики горизонта текстовой прецедентности, специфики письменно-речевой рецепции и продукции, профессионального речевого опыта и фактов смены коммуникативного регистра в течение жизни языковой личности, является более эффективной, чем терапия, ориентированная на некое «усредненного» носителя языка. Подобные результаты косвенно доказывают, что ментальный лексикон носителя языка действительно подвергается влиянию факторов языковой биографии.

Под их влиянием происходит формирование системных связей единиц ментального лексикона языковой личности: в его ядре группируются слова с наиболее прочными связями между собой и с периферийными единицами ментального лексикона благодаря опосредующей функции ядерных единиц.

Прочность данной связи наблюдается даже в случае наступления системного расстройства речи – афазии. Следовательно, данный факт необходимо принимать во внимание при речевой реабилитации пациентов с афазией, поскольку это позволяет подготовить для них более персонализированный комплекс речевых упражнений, который будет

принимать во внимание особенности их языковой личности, что даст возможность повысить эффективность восстановительного лечения.

Таким образом, моделирование ментального лексикона носителей языка без патологий на основе знаний о содержательных характеристиках их языковой биографии является одним из методов моделирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией из тех же социо-профессиональных групп и включает в себя несколько этапов: 1) анкетирование родственников пациентов с афазией; 2) выявление социо-профессиональных групп риска; 3) отбор целевых групп без речевых патологий, соответствующих социо-профессиональным характеристикам пациентов; 4) интервьюирование целевых групп; 5) обработка текстовых массивов интервью с помощью методов корпусной лингвистики; 6) описание коллективной языковой биографии когорты здоровых носителей языка, соответствующих социо-профессиональным характеристикам пациентов с афазией; 7) моделирование ментального лексикона пациентов с афазией на основе полученных данных о языковой биографии лиц без патологии; 8) разработка комплекса упражнений для речевой реабилитации данных групп пациентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Базовыми для нашей работы выступают понятия языковой личности, речевого портрета, языковой биографии, ментального лексикона и афазии.

Анализ литературы показал, что в современном научном дискурсе не существует строгого разграничения понятий «языковая личность», «речевая личность» и «коммуникативная личность», поскольку языковая личность является многогранной, и ее отдельные аспекты проявляются в языковом, речевом и коммуникативном планах.

Также следует отметить, что качества индивидуальной языковой личности как продуцента дискурса проявляются в пределах дискурсивного сообщества (коллективной языковой личности), следовательно, при изучении индивидуальной языковой личности необходимо обращаться и к коллективной языковой личности.

Выявлено, что языковая личность также тесно связана с понятием «речевой портрет», который исследователи характеризуют как воплощение, реализацию языковой личности. Иными словами, при создании речевого портрета языковая личность выступает как объект наблюдения, а ее речь – как материал исследования.

Однако речевой портрет – это как бы горизонтальный срез языковой личности. Его специфика и характер во многом зависят от специфики становления языковой личности, совершающейся в рамках языковой биографии.

Несмотря на то, что в последнее время понятие языковой биографии развивается в основном в контексте междисциплинарных исследований по миграционной лингвистике, затрагивающих вопросы языковых контактов и многоязычия, анализ различных научных лингвистических источников и примеров эмпирического характера позволил выделить ряд характеристик интересующего нас понятия.

Установлено, что «языковая биография» представляет собой историю становления языковой личности в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением и системой ценностей человека, а также включает в себя историю изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни.

Предложены характеристики или параметры, через которые можно описать данный вид биографии: горизонт текстовой прецедентности, смена языковой среды, специфика письменно-речевой рецепции и продукции, профессиональный речевой опыт и смена ведущего коммуникативного регистра в течение жизни.

Гипотеза исследования связана с тем, что языковая биография является фактором, влияющим на языковую личность, вербально-семантический уровень которой представлен в ментальном лексиконе.

Несмотря на то, что многие ученые трактуют понятие «внутренний (ментальный) лексикон» по-разному, исследователи сходятся в том, что ментальный лексикон – это сложное лингвокогнитивное образование, которое преобразует лексическую систему языка в сознании, отражает окружающую действительность и познавательные процессы человека, а также обеспечивает его речевую деятельность.

Структура ментального лексикона представлена множеством уровней, узлов и пересекающихся связей, выполняющих в своей совокупности функцию хранения, переработки лингвистических и энциклопедических знаний, а также порождения речевых высказываний.

Поскольку языковая биография оказывает влияние на языковую личность, а ее вербально-семантический уровень представлен в ментальном лексиконе, то его структура и содержание также будут зависеть от данной биографии.

Для того чтобы проверить это, мы провели экспериментальную работу с информантами без речевых патологий и с соответствующими им по

социолингвистическим показателям пациентами с афазией (комплексная моторная афазия, средняя степень выраженности дефекта).

На основе метаданных (информация о возрасте, образовании, профессии пациентов), полученных в результате анкетирования родственников пациентов и анализа медицинской статистики, были сформированы соответствующие им целевые группы здоровых людей, а именно: мужчины со средним специальным образованием, рабочей профессии (20 человек, средний возраст – 52 года) и женщины со средним специальным образованием, работающие преимущественно в сфере обслуживания (20 человек, средний возраст – 58 лет). Проведенные с каждым информантом интервью длительностью от 30-60 минут позволили получить сведения о характеристиках ЯБ информантов, а также речевой материал для моделирования вокабуляров, отражающих в определенной степени реальный ментальный лексикон групп риска.

На основе полученных сведений о горизонте текстовой прецедентности, смене языковой среды, специфике письменно-речевой рецепции и продукции, профессиональном речевом опыте и истории смены ведущего коммуникативного регистра в течение жизни информантов из целевых групп без речевых патологий был разработан комплекс упражнений, учитывающих специфику коллективных ЯБ.

Апробация разработанного нами комплекса упражнений, проведенная в клинических условиях стационара с участием 36 пациентов с диагнозом «комплексная моторная афазия средней степени тяжести», подтверждает, что учет вышеуказанных фактов при речевой реабилитации пациентов с афазией позволяет повысить ее результативность на 10% – 20 %, по сравнению с курсом, не учитывающим специфику ЯБ.

Так, в работе экспериментально было выявлено, что ментальный лексикон носителя языка испытывает влияние факторов его языковой биографии. Следовательно, когнитивный опыт, система ценностей человека, а также характер его речевой продукции, письменно-речевой рецепции, горизонт прецедентности, профессиональный речевой опыт, смена языковой среды и

коммуникативного регистра определяют единицы, которые будут находиться в ядре ментального лексикона, а также прочность связи между его единицами.

Таким образом, разработанный нами метод моделирования специфики организации ментального лексикона пациентов с афазией на основе работы со здоровыми носителями языка продемонстрировал свою валидность в качестве инструмента проектирования и реализации речевой терапии. Данный метод носит комплексный характер, состоит из серии этапов и требует привлечения информантов без речевых патологий, соответствующих по социо-профессиональным характеристикам целевой группе пациентов.

Перспективой данной работы является расширение материала исследования: интервьюирование других целевых групп, что позволило бы продолжить моделирование ментальных лексиконов пациентов других категорий для дальнейшего составления персонализированных комплексов упражнений для речевой терапии таких пациентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинина, Ю.С., Искра, Е.В., Иванова, М.В., Грабовская, М.А., Исаев, Д.Ю., Коркина, И.Д., Малютина, С.А., Сергеева, Н.Ю. Библиотека стимулов «Существительное и объект»: нормирование психолингвистических параметров / Ю.С. Акинина, Е.В. Искра, М.В. Иванова, М.А. Грабовская, Д.Ю. Исаев, И.Д. Коркина, С.А. Малютина, Н.Ю. Сергеева // В кн.: Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. – 2014. – Вып. 6. – С. 112–114.
2. Александров, О.А. Языковая биография немецких диалектоносителей с. Кожевниково Томской области / О.А. Александров // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2011. – № 4 (18). – С. 208–213.
3. Александрова, Н.Ш. Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы в свете пластичности мозга / Н.Ш. Александрова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 6 (2). – С. 170–176.
4. Алышева, Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Алышева Юлия Сергеевна. – Волгоград, 2012. – 21 с.
5. Алюнина, О.Г. Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях / О.Г. Алюнина // Лингвистика и лингводидактика на рубеже веков: теоретические и прикладные аспекты: материалы региональной научно-методической Интернет-конференции, посвященной 10-летию факультета романо-германских языков Ставропольского государственного университета. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 106–109.
6. Анашкина, И.А. Звучащий текст в аспекте культурной аксиологии: [Монография] / И.А. Анашкина; М-во общ. и проф. образования РФ. Морд.

- гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева. – Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 1998. – 264 с.
7. Араева, Л.А., Барбараш, О.Л., Образцова, М.Н., Семенов, С.Е. Когнитивно-языковые механизмы и способы мониторинга восстановления функций головного мозга при нарушении мозгового кровообращения (на примере транскортикальной моторной / динамической / афазии) / Л.А. Араева, О.Л. Барбараш, М.Н. Образцова, С.Е. Семенов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №4(4). – С. 29–33.
  8. Астаева, А.В., Епанешникова, Н.В. Нейропсихологическая характеристика нарушений речи при острых нарушениях мозгового кровообращения и проблемы их классификации в отечественной и зарубежной нейропсихологии / А.В. Астаева, Н.В. Епанешникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – № 6(265). – С.73–79.
  9. Ахутина, Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики: сборник научных трудов / Т.В. Ахутина – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – 423 с.
  10. Бабушкина, Е.А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики / Е.А. Бабушкина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – №11. – С. 7–11.
  11. Багрянская, Н.В. Тематика речевого общения военнослужащих / Н.В. Багрянская // Культура общения и ее формирование: Материалы VI региональной науч.-метод. конф. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 1999. – С. 76.
  12. Баранова, А.В. Связность текста / А.В. Баранова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – № 4 (18). – С. 24 – 27.
  13. Бахтикиреева, У.М. О транслингвизме и транскультурации через призму одной языковой биографии / У.М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 76–80.

14. Беликов, В.И. Методические неудачи в социолингвистических опросах / В.И. Беликов // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60летию А.Е. Кибрика. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 557 – 579.
15. Белянин, В.П. Психологические аспекты художественного текста. / В.П. Белянин. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – 123 с.
16. Беспмятнова, Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Беспмятнова Галина Николаевна. – Воронеж, 1994. – 19 с.
17. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Л., 1984. – 354 с.
18. Богин, Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Л., 1982. – 36с.
19. Болдырев, Н.Н., Алпатов, В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5–14.
20. Браймен, А., Белл, Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес / А. Браймен, Э. Белл. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. – 776 с.
21. Языкознание [Текст]: Большой энцикл. слов. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. (репр.) "Лингв. энцикл. слов. " 1990 г. – Москва: Большая рос. энцикл., 1998. – 682 с.
22. Варламова, О.Н. Речевой портрет женщины в социально-релевантной роли матери (на материале французского и русского языков): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Варламова Ольга Николаевна. – Красноярск: СФУ, 2018. – 180 с.
23. Васильева, М.Д. Ментальный лексикон: где же место морфологии? / М.Д. Васильева // Российский журнал когнитивной науки. – 2014. – Т. 1 (4). – С. 31–57.

24. Вахтель, Н.М., Голицына, Т.Н., Распопова, Т.И. Языковая личность лингвиста / Н.М. Вахтель, Т.Н. Голицына, Т.И. Распопова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – Вып. 1. – С. 28–30.
25. Визель, Т.Г. Нейролингвистический анализ атипичных форм афазии (системный интегрированный подход): автореф. ... д-ра психологических наук: 19.00.04 / Визель Татьяна Григорьевна. – Москва, 2002. – 49 с.
26. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
27. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высш. шк., 1991. – 447 с.
28. Волкова, А.Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста / А.Ю. Волкова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2011. – № 8. – С. 209–212.
29. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – Вып. 1. – С. 64–72.
30. Воробьев, В.В. Языковая личность в лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Тез. докл. Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология. Лингводидактика. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 234–237.
31. Высочина, О.В. Возрастные особенности восприятия иноязычных слов носителями русского языка / О.В. Высочина // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: ВОИПКРО, 1999. – С.72.
32. Газизуллина, Д.Ш. Особенности нарушений морфологического компонента речевой деятельности и методы их преодоления при разных формах афазии: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / Газизуллина Дилара Шаихзяновна. – Москва, 2011. – 23 с.
33. Гридина, Т.А., Коновалова Н.И. Диагностика грамматико-словообразовательных умений детей с общим недоразвитием речи как основа коррекционной работы / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова // Специальное образование. – 2016. – №2 (42). – С.39–50.

34. Голев, Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) / Н.Д. Голев // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 15–16.
35. Голев, Н.Д., Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) / Н.Д. Голев., Л.Г. Ким // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 27. – С. 12–20.
36. Голованова, Е.И. Типология единиц профессиональной коммуникации: когнитивно-прагматический аспект [Текст] / Е.И. Голованова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. – 2008. – Вып. 19. – С. 25–29.
37. Голованова, Е.И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики / Е.И. Голованова // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 61–270.
38. Горбунова, А.В., Косинова, Н.Е. Речевое поведение В.В. Путина / А.В. Горбунова, Н.Е. Косинова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2000. – С.73–79.
39. Гордеева, М.Н. Речевой портрет и способы его описания [Электронный ресурс] / М.Н. Гордеева. – 2008. URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения: 16.06.2018)
40. Грищук, Е.И. Понимание культурологической лексики старшеклассниками / Е.И. Грищук // Культура общения и ее формирование: Материалы VI региональной науч.-метод. конф. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 1999. – С. 73–75.

41. Давыдова, М.Л., Филимонова, Н.Ю. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия / М.Л. Давыдова, Н.Ю. Филимонова // Юрислингвистика. – 2013. – № 2 (12). – С. 16–23.
42. Даминова, Р.А. Языковое сознание (Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова) / Р.А. Даминова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 3(35). – С.151–157.
43. Дебрэнн, М. Языковая автобиография / М. Дебрэнн // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. – 2014. –Т. 8, вып. 1. – С. 55–64.
44. Дедова, О.М. Речевое воздействие в коммуникативной ситуации «врач-больной» / О.М. Дедова // Культура общения и ее формирование: Мат-лы VI Регион. науч.-метод. конф., 17 апреля 1999 г. – Воронеж, 1999. – С. 77.
45. Добренъков, В.И., Кравченко, А.И. Методы социологического исследования / В.И. Добренъков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 768 с.
46. Доценко, Т.И. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва / Т.И. Доценко // Труды СПИИРАН. – 2013. – № 2 (25). – С. 371–384.
47. Еремеева, В.Д., Хризман, Т.Л. Мальчики и девочки два разных мира / В.Д. Еремеева, Т.Л. Хризман. – М.: Линка-Пресс, 1998. – 184 с.
48. Ерофеева, Е.В., Худякова, Е.С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») / Е.В. Ерофеева, Е.С. Худякова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Выпуск 2(18). – С. 7–16.
49. Зайцева, М.И. Анкета как инструмент социологического исследования. В кн.: Социальные исследования. Теория и методы / М.И. Зайцева. – М.: Наука, 1970. – С. 266 – 287.
50. Залевская, А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1977. – 83 с.

51. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
52. Звегинцев, В.А. О предмете и методе социолингвистики / В.А. Звегинцев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1976. – № 4. – С. 308–320.
53. Золотова, Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Монография / Н.О. Золотова. –Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
54. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему (главы 11–21) / В.В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
55. Иванова, Р.А. Сакральный текст как особый тип специального текста / Р.А. Иванова // *Lingua mobilis*: научный журнал. – 2009. – Вып. 1 (15). – С. 51–55.
56. Иванцова, Е.В. Язык личности: аспекты изучения / Е.В. Иванцова // Явление вариативности в языке: Материалы всероссийской конференции (13-15 декабря 1994 г.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 162–163.
57. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во. Том. ун-та, 2002. – 312 с.
58. Иванцова, Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. – 2008. – № 3 (4). – С. 27–43.
59. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В.И. Карасик // Филология – Philologica. –1994. – № 3. – С. 2–7.
60. Карасик, В.И. Аспекты языковой личности / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сборник научных трудов. –Саратов: Саратовский университет, 2003. – С. 96 –106.
61. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
62. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.

63. Каширкина, В.В. Нейролингвистический аспект афазии / В.В. Каширкина // Молодой ученый. – 2018. – №33. – С. 28–31.
64. Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Русский речевой портрет / М.В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Б. и., 1995. – 127 с.
65. Кирилина, А.В. Гендер и язык. Антология / А.В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
66. Клобукова, Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / Л.П. Клобукова // Международная юбилейная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова. – 1997. – Вып.1. – 192 с.
67. Колмогорова, А.В. Функции автоматизмов в речи пациентов-афатиков / А.В. Колмогорова // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 97–102.
68. Колмогорова, А.В., Лямзина, С.А., Киселев, И.Л. Языковая / речевая биография пациента с афазией как фактор, определяющий специфику процесса его речевой реабилитации / А.В. Колмогорова, С.А. Лямзина, И.Л. Киселев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2 (18). – С. 103 –116.
69. Корнелаева, Е.В. Просодические маркеры профессиональной принадлежности говорящего [Текст] / Е.В. Корнелаева // European science review. – 2014. – №5–6. – С. 137–139.
70. Кочеткова, Т.В. Языковая личность носителя элитарной культуры: дис. ... д-ра. филол. наук. 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Васильевна. – Саратов, 1999. – 520 с.
71. Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Багаева, Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестн. Моск. гос. ун-та. –1997. – № 3. – С. 62–75.

72. Красных, В.В. Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода / В.В. Красных // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. – 1997. – Вып. 3. – С. 67–83.
73. Красных, В.В. О чём не говорит "человек говорящий" / В.В. Красных // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 81–91.
74. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
75. Красных, В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В.В. Краснова // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 1. – С. 128–133.
76. Красных, В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Краснова // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Выпуск 2. – С. 5–13.
77. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 269 с.
78. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: МГУ, 2002. – 284 с.
79. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
80. Кривко, И.П. Ментальный лексикон индивида как самоорганизующаяся система (на примере синонимической аттракции) / И.П. Кривко // Ученые записки. – 2010. – № 1 (13). – С. 57–63.
81. Критчли, М. Афазиология / М. Критчли; пер. с англ. Е.П. Кок. – М.: Медицина, 1974. – 233 с.
82. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 186 с.

83. Крысин, Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – Вып. 1. – С. 90–106.
84. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
85. Кузьмина, Т.В., Симоненко, Е.В. Афазия и пути её преодоления / Т.В. Кузьмина, Е.В. Симоненко // Молодой ученый. – 2015. – №13. – С. 287–289.
86. Курушина, О.В., Барулин, А.Е., Куракова, Е.А., Ансаров, Х.Ш. Нарушения речи и их коррекция у пациентов после инсульта / О.В. Курушина, А.Е. Барулин, Е.А. Куракова, Х.Ш. Ансаров // Медицинский совет. – 2017. – №5. – С. 28–32.
87. Кущенко, Н.С. Профессиональная обусловленность ментального лексикона: (на материале речи юристов, медиков, военных) / Н.С. Кущенко // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 6. – С. 213 – 225.
88. Лещенко, Ю.Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей / Ю.Е. Лещенко // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 1 (35). – С. 39–53
89. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // В кн.: Новое в лингвистике. – 1975. – Вып. 7. – С. 155–156.
90. Лазуренко, Е.Ю. Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лазуренко Елена Юрьевна. – Воронеж, 2006. – 212 с.
91. Леорда, С.В. Речевой портрет современного студента. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Леорда Светлана Владимировна. – Саратов, 2006. – 48 с.
92. Лурия, А.Р. Основы нейропсихологии / А.Р. Лурия. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 374 с.

93. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека / А.Р. Лурия. – СПб., 2008. – 431 с.
94. Лямзина, С.А., Колмогорова, А.В. Личность в зеркале языковой / речевой биографии / С.А. Лямзина, А.В. Колмогорова // Филология: научные исследования. – 2018. – № 4. – С. 220–228.
95. Лямзина, С.А. Языковая и речевая биография как один из факторов формирования языковой личности и ее ментального лексикона / С.А. Лямзина // СИСП. – 2020а. – № 1(12). – С. 135–147.
96. Лямзина, С.А. Экспансионизм профессиональной языковой личности у женщин и у мужчин (на материале структурированных интервью) / С.А. Лямзина // Когнитивные исследования языка. – 2020б. – № 2 (41). – С. 947–950.
97. Лямзина, С.А. Использование корпусных методов в разработке речевых упражнений для реабилитации пациентов с афазией / С.А. Лямзина // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 818–821.
98. Ляпун, С.В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI в. / С.В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2011. – Вып. 1. – С. 109–115.
99. Максимов, Ю.Г. Формирование жизненных ценностей у младших школьников в хобби-деятельности / Ю.Г. Максимов // Педагогический журнал. – 2017. – № 1А. – С. 319–331.
100. Мамаева, С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7-х классов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мамаева Светлана Викторовна. – Кемерово, 2007. – 21 с.
101. Матвеева, Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна. – СПб.: 1993. – 264 с.
102. Магомедова, А.Н., Лабазанова, Х.Л. Языковые особенности речи социальных и этнических групп / А.Н. Магомедова, Х.Л. Лабазанова //

- Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 3986–3990.
103. Меликян, С.В. Функции молчания в коммуникативном поведении человека / С.В. Меликян // Язык и национальное сознание. – 1999. – Вып. 2. – С. 91–94.
104. Мельникова, Е.Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры / Е.Г. Мельникова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 239–242.
105. Мельник, Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н.В. Мельник // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 200–207.
106. Милованова, М.С., Нгуен, Т.К. Экспрессия русского отрицания (Русское коммуникативное поведение: взгляд со стороны) / М.С. Милованова, Т.К. Нгуен // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 3. – С. 120–123.
107. Михальченко, В.Ю. Социолингвистический портрет письменных языков России: методы и принципы исследования / В.Ю. Михальченко // Методы социолингвистических исследований. – М.: МГП «Доминант», 1995. – С. 205–213.
108. Муманова, Т.В. Интонационное оформление речи как маркер социальной принадлежности говорящего / Т.В. Муманова // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – 2014. – Вып. 11. – С. 24–29.
109. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С. 112–116.
110. Никитина, О.А. К вопросу о типологии языковой личности в аспекте неологизации / О.А. Никитина // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 75–87.

111. Новиков, Н.В. Специфика и проблемы интервью как техники исследования / Н.В. Новиков // Социальные исследования. Теория и методы. – М., 1970. – С. 138–150.
112. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Паршина Ольга Николаевна. – Саратов, 2005. – 325 с.
113. Овчинникова, И.Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва / И.Г. Овчинникова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 43–59.
114. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2015. – 944 с.
115. Плотникова, С.Н. Говорящий, пишущий, как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность / С.Н. Плотникова // Вестник Нижневаровского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 37–42.
116. Полюкова, Т.И. Коммуникативное поведение младших и старших школьников: проблема сходства / Т.И. Полюкова // КОиФ. – 1998. – Вып. 5. – С. 40–44.
117. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Издательство ИКАР, 1997. – 228 с.
118. Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2002. – 277 с.
119. Романов, Д.А. Научно-популярная литература: вчера, сегодня, завтра / Д.А. Романов // Время науки – The Times of Science. – 2015. – № 4. – С. 28–32.
120. Ростова, А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А.Н. Ростова. – Томск: Изд-во Томск ун-та, 2000. – 193 с.

121. Ротман, Д.Г., Данилова, А.Н. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / Д.Г. Ротман, А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2001. – 358 с.
122. Рубакин, Н.А. Библиологическая психология / Н.А. Рубакин. – Москва: Акад. проект: Трикста, 2006. – 798 с.
123. Рябова (Ахутина), Т.В. Механизм порождения речи по данным афазиологии / Т.В. Рябова (Ахутина) // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 2 (14). – С. 194–205.
124. Сазонова, Т.Ю. Экспериментальное психолингвистическое исследование процесса поиска слова в ментальном лексиконе / Т.Ю. Сазонова // Языковое сознание и образ мира: XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2-4 июня 1997г.). – М.: Изд-во МГЛУ, 1997. – С.138–139.
125. Савинова, М.С. Просодия как маркер профессиональной принадлежности говорящего: на материале британских интервью: автореф. дисс. ... к. филол. наук: 10.02.04 / Савинова Марина Сергеевна. – М., 2010. – 26 с.
126. Саяхова, Л.Г. Компетентностный подход к изучению русского языка в учебниках 10–11 классов школ гуманитарного профиля с обучением на тюркских языках / Л.Г. Саяхова. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2009. – 127 с.
127. Свистунова, Т.И. Структура ментального лексикона при нарушениях языковой системы: экспериментальное исследование глагольной словоизменительной морфологии / Т.И. Свистунова. – СПб: СПбГУ, 2009. – 13 с.
128. Седов, К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: грамматический и прагмалингвистический аспекты / К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. – 111 с.
129. Седов, К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К.Ф. Седов // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – 318 с.

130. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.
131. Седов, К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. – 2007. – № 7. – С. 6–27.
132. Серебрякова, Р.В. Восприятие комплиментов мужчинами и женщинами / Р.В. Серебрякова // Культура общения и ее формирование. – 1999. – Вып.6. – С.74.
133. Сиротинина, О.Б. Устная речь и типы речевых культур / О.Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – 1995. – № 4. – С. 17–27.
134. Слюсарь, Н.А., Петрова, Т.Е., Михайловская, Е.В., Череповская, Н.В., Прокопеня, В.К., Чернова, Д.А., Черниговская, Т.В. Экспериментальные исследования ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением / Н.А. Слюсарь, Т.Е. Петрова, Е.В. Михайловская, Н.В. Череповская, В.К. Прокопеня, Д.А. Чернова, Т.В. Черниговская // Вопросы языкознания. – 2017. – №3. – С. 83–98
135. Солганик, Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 1997. – 256 с.
136. Сорокин, П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
137. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
138. Современный русский язык: Соц. и функц. дифференциация: [Монография] / [А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская и др.]; Отв. ред. Л.П. Крысин. – Москва: Языки славян. культуры, 2003. – 565 с.
139. Стернин, И.А. Очерк русского коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Галле, 1989. – 59 с.
140. Стернин, И.А. К теории речевых культур носителя языка / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 22 – 29.

141. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Тарасенко Татьяна Петровна. – Краснодар, 2007. – 25 с.
142. Терентий, Л.М. Психолингвистическое изучение образа мира / Л.М. Терентий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №2 (80). – С. 170–173.
143. Усманова, А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А.Р. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – 200 с.
144. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: около 100000 слов / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
145. Фесенко, Т.А. Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации / Т.А. Фесенко // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2005. – №3. – С. 53–59.
146. Филин, Ф.П. Просторечная лексика / Ф.П. Филин. // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 273–275.
147. Цветкова, Л.С. Афазия и восстановительное обучение / Л.С. Цветкова. – М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
148. Цветкова, Л.С. Афазиология. Современные проблемы и пути их решения / Л.С. Цветкова. – М.: МПСИ, МОДЭК, 2011. – 744с.
149. Хвесько, Т.В., Нагель, О.В, Басуева, Н.Ю. Фразеологизмы как проявления культурного кода / Т.В. Хвесько, О.В. Нагель, Н.Ю. Басуева // Язык и культура. – 2021. – № 54. – С. 81–93.
150. Хомская, Е.Д. Нейропсихология / Е.Д. Хомская. – СПб.: Питер, 2003. – 496 с.
151. Чечель, С.В. Просодический аспект социальной вариативности языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Чечель Светлана Викторовна. – Пятигорск, 1999. – 150 с.

152. Щербакова, М.М. Восстановление речи у больных с афазией при доминировании импрессивных речевых нарушений / М.М. Щербакова // Преподаватель XXI века. – 2016. – Вып. 3. – С. 198–203.
153. Шильникова, И.С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа The Man of Property (на материале цикла Д. Голсуорси): дис...канд. филол. наук: 10.02.04 / Шильникова Ирина Сергеевна. – Иркутск, 2010. – 245 с.
154. Шингаров, Г.Х. Диалектика чувственного и рационального в языке при патологии речи. Афазии / Г.Х. Шингаров, Р.А. Амастьянц, М.В. Шмонова // Вестник МГТУ: труды Мурман. гос. техн. ун-та. – Мурманск, 2014. – № 4. – С. 812–817.
155. Шохор-Троцкая, М.К. Речь и афазия / М.К. Шохор-Троцкая. – М., 2001. – 416 с.
156. Шохор-Троцкая, М.К. Коррекция сложных речевых расстройств: Сборник упражнений. 2-е изд., перераб / М.К. Шохор-Троцкая. – М.: ТЦ Сфера, 2006. – 272 с.
157. Штейнердт, В.В. Опыт применения метода речевого донорства при реабилитации речи у двух больных с афазией в постстационарном периоде / В.В. Штейнердт // Сибирское медицинское обозрение. – 2012. – №2. – С. 76–79.
158. Щелкунова, Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование / Е.С. Щелкунова. – Воронеж: Родная речь, 2004. – 189 с.
159. Ягунова, Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) / Е.В. Ягунова. – Пермь: ПГУ, 2008. – 395 с.
160. Ядов, В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В.А. Ядов. – М., 2013. – 252 с.

161. Языковая биография. Часть Европейского языкового портфеля EAQUALS-ALTE. URL: <https://pandia.ru/text/78/472/83524.php> (дата обращения: 03.12.2018)
162. International Conference on the Mental Lexicon // mentallexicon2018 [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://mentallexicon2018.ca/?page_id=71 (дата обращения: 25.07.2018).
163. Ansaldo, A.I., Saidi, L.G. Aphasia therapy in the age of globalization: Cross-linguistic therapy effects in bilingual aphasia / A.I. Ansaldo, L.G. Saidi // Behavioural Neurology. – 2014. – Vol. 2014. – Pp. 1–10.
164. Anderson, J.R. A spreading activation theory of memory / J.R. Anderson // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1983. – Vol. 22. – Pp. 261–295.
165. Aries, E. Men and Women in Interaction: Reconsidering the Differences / E. Aries. – New York: Oxford University Press, 1996. – 286 p.
166. Arustamyan, R. The Manifestation of Gender Peculiarities in Political Discourse / R. Arustamyan // Armenian Folia Anglistika. – 2014. – №.1 (12). – Pp. 88–95.
167. Ash, S., McMiLLan, C., Gunawardena, D., Avants, B., Morgan, B., Khan, A., Grossman, M. Speech errors in progressive non-fluent aphasia / S. Ash, C. McMiLLan, D. Gunawardena, B. Avants, B. Morgan, A. Khan, M. Grossman // Brain and Language. – 2010. – №113 (1). – Pp. 13–20.
168. Bastiaanse, R. Broca's aphasia: A syntactic and /or a morphological disorder? A case study / R. Bastiaanse // Brain and Language. – 1995. – № 48(1). – Pp.1–32.
169. Boudelaa, S. Marslen-Wilson, W.D. Morphological units in the Arabic mental lexicon / S. Boudelaa, W.D. Marslen-Wilson // Cognition. – 2001. – № 81. – Pp. 65–92.
170. Breunig, S. Conceptual, social and material scaffolding for L2 writers / S. Breunig // Proceedings of the International Conference “Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions: Theoretical and Applied Perspectives”. – Irkutsk: BNUEL, 2010. – P. 11.

171. Brownlow, S., Rosamon, J.A., Parker, J.A. Gender-linked linguistic behavior in television interviews / S. Brownlow, J.A. Rosamon, J.A. Parker // *Sex Roles*. – 2003. – № 49. – Pp. 121–132.
172. CharLes, D., Olm, C., Powers, J., Ash, S., Irwin, D.J., McMiLLan, C.T., Rascovsky, K., Grossman, M. Grammatical comprehension deficits in non-fluent/agrammatic primary progressive aphasia / D. CharLes, C. Olm, J. Powers, S. Ash, D.J. Irwin, C.T. McMiLLan, K. Rascovsky, M. Grossman // *Journal of Neuology, Neurosurgery and Psychiatric*. – 2014. – № 85. – Pp. 249–56.
173. Cowley, S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition / S.J. Cowley // *Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition “Language Sciences”*. – 2004. – № 6 (26). – Pp. 565–591.
174. Croot, K., Patterson, K., Hodges, J.R. Single-word production in non-fluent progressive aphasia / K. Croot, K. Patterson, J.R. Hodges // *Brain and Language*. – 1998. – № 61. – Pp. 226–273.
175. Edwards, V. Language in a black community / V. Edwards – Clevedon: *Multilingual Matters*, 1986. – 169 p.
176. Forster, K.I. Accessing the mental lexicon // *New approaches to language mechanisms*. / R. Wales, E. Walker (Eds.). – Amsterdam: *North-Holland Publ.*, 1976. – Pp. 257–287.
177. Gorno-Tempini, M.L., Dronkers, N.F., Rankin, K.P., Ogar, J.M., Phengrasamy, L., Rosen, H.J., Johnson, J.K., Weiner, M.W., Miller, B.L. Cognition and anatomy in three variants of primary progressive aphasia / M.L. Gorno-Tempini, N.F. Dronkers, K.P. Rankin, J.M. Ogar, L. Phengrasamy, H.J. Rosen, J.K. Johnson, M.W. Weiner, B.L. Miller // *Annals of Neurology*. – 2004. – № 55. – Pp. 335–346.
178. Hymes, D. The scope of sociolinguistics // *Monograph Series on Languages and Linguistics* / Ed. by R.W. Shuy. – Washington, 1973. – Pp. 313–333.

179. Kean, M.L. The linguistic interpretation of aphasic syndromes: Agrammatism in Broca's aphasia, an example / M.L. Kean // *Cognition*. – 1977. – № 5. – Pp. 9–46.
180. Khan, A. Language and ethnicity. In CULPEPER, eds. *English language: description, variation and context* / A. Khan. – Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – Pp. 243–256.
181. Lawson, R. Patterns of linguistic variation among Glaswegian adolescent males / R. Lawson // *Journal of Sociolinguistics*. – 2011. – Vol.15 (2). – Pp. 226–255.
182. Marcus, G.F. *The Algebraic Mind: Integrating Connectionism and Cognitive Science (Learning, Development, and Conceptual Change)* / G.F. Marcus. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001. – 240 p.
183. Menn, L., Obler, L.K. *Agrammatic aphasia: Across-language narrative sourcebook* / L. Menn, L.K. Obler. – Amsterdam/Philadelphia: Benjamin, 1990. – Pp. 1369–1389.
184. McClelland, J.L., Rumelhart, D.E. An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings / J.L. McClelland, D.E. Rumelhart // *Psychological Review*. – 1981. – No. 5. – Pp. 375 – 407.
185. Morton, J.A. Functional model for memory. *Models of human memory* / D. Norman (Ed.). – New York: Academic Press, 1970. – Pp. 203–254.
186. Mugglestone, L. *Talking proper: the rise of accent as social symbol* (2nd edition) / L. Mugglestone. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 368 p.
187. Mulac, A., Bradac, J.J., Gibbons, P. Empirical support for the gender-as-culture hypothesis: An intercultural analysis of male/female language differences / A. Mulac, J.J. Bradac, P. Gibbons // *Human Communication Research*. – 2001. – № 27. – Pp. 121–152.
188. Nagels, L., Bastiaanse, R., Başkent, D., Wagner, A. Individual Differences in lexical access among cochlear implant users / L. Nagels, R. Bastiaanse, D.

- Başkent, A. Wagner // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. – 2020. – № 1(63). – Pp. 286–304.
189. Sharma, D., Sankaran, L. Cognitive and social forces in dialect shift: Gradual change in London Asian speech / D. Sharma, L. Sankaran // Language Variation and Change. – 2011. – № 23. – Pp. 399 – 428.
190. The Mental Lexicon // John Benjamins publishing company [Электронный ресурс] URL:<https://benjamins.com/#catalog/journals/ml/main> (дата обращения: 25.07.2018).
191. Waldron, H. Comparing monitoring and production based approaches to the treatment of phonological assembly difficulties in aphasia / H. Waldron // Aphasiology. – 2010–2011. – № 25. – Pp. 1153 – 1173.
192. Weatherall, A. Gender, language, and discourse / A. Weatherall. – London: Routledge, 2002. – 188 p.

Список источников примеров

1. Взгляд из прошлого, Россия, фильм, 2015.
2. Дюма, А. Три мушкетера / А. Дюма. – М.: Машиностроение, 1985. – 720 с.
3. Иванов, А.С. Вечный зов / А.С. Иванов. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 102 с.
4. Красотка, США, фильм, 1990.
5. «Проигнорировала просьбу остановиться»: в полиции рассказали о поисках пропавшей в лесу пенсионерки. URL: <http://gorodskoyportal.ru/krasnoyarsk/news/news/56681299/> (дата обращения: 04.05.2021)
6. Рыбные наггетсы. URL: https://receptov.one/fish_recipe/2462-rybnye-naggetsy.html (дата обращения: 29.04.2021)
7. Теща-командир, Россия, Польша, сериал, 2017.